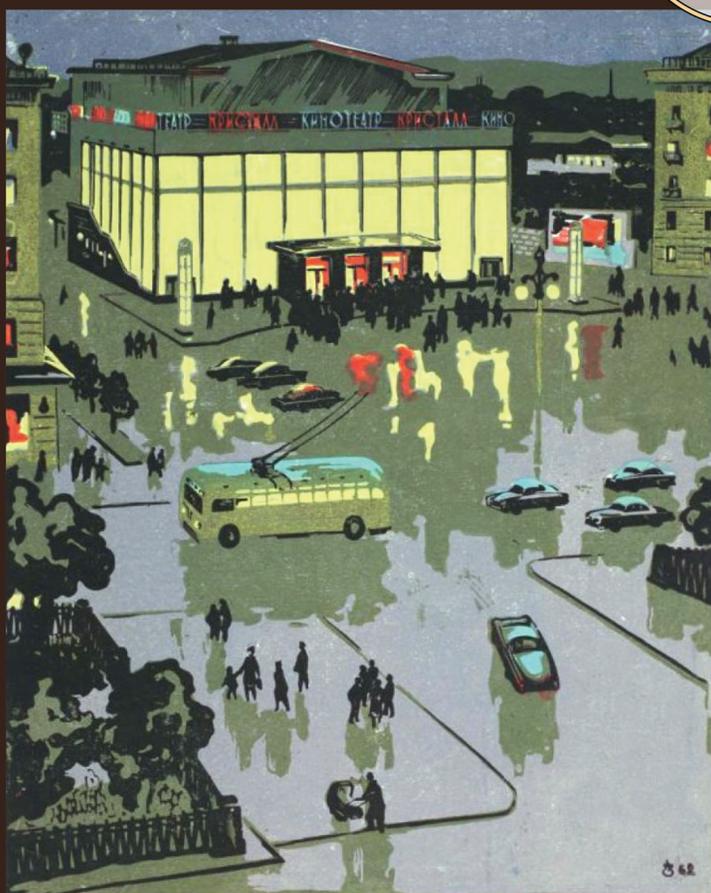

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПЕРМЬ

16+

№25

ПЕРМЬ 2019

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПЕРМЬ

№ 25

ПЕРМЬ 2019

УДК 882 (059)
ББК 84(2Рос-Рус) 6я53
Л 55

Лауреат премии
Пермского края
в сфере культуры и искусства
за 2014 год

**Альманах «Литературная Пермь» издаётся
Пермской краевой общественной (профессиональной)
организацией Союза писателей России при поддержке
Министерства культуры Пермского края.**

**Электронная версия альманаха писателей Пермского края
«Литературная Пермь» подготовлена при поддержке
Министерства культуры Пермского края (www.mk.permkrai.ru).**

ПКОО «Союз писателей России» и ПКОО «Пермский писатель» благодарят
Пермское отделение ВТОО «Союз художников России»
за содействие в оформлении альманаха.

Редакционная коллегия:
Главный редактор — В. В. Якушев
Отдел поэзии — А. Г. Гребнев
Отдел прозы — В. А. Богомолов
Отдел международных связей — И. Н. Тюленев
Отдел детской литературы — А. С. Зеленин

Л 55 **Литературная Пермь:** Альманах. — Пермь: Пермский писатель,
2019. — 158 с. — (вып. 25).
ISBN 978-5-6042008-4-1

В оформлении использованы работы члена Союза художников России
Александра ЗЫРЯНОВА.

На обложке — «Кинотеатр "Кристалл"», 1962 г., бумага, цветная линогравюра.
Из собрания Пермской государственной художественной галереи (ПГХГ).

На шмуцтитуле части 1 — «ГОРОД МОЛОТОВ. ТЕАТР ДРАМЫ», 1957 г.,
бумага, цветная линогравюра.

На шмуцтитуле части 2 — «ПЕРМЬ. КАФЕДРАЛЬНЫЙ СОБОР», 1975 г.,
бумага, линогравюра. Из собрания ПГХГ.

На шмуцтитуле части 3 — «СОЛИКАМСК. ТРОИЦКИЙ СОБОР» (из цикла
«Шедевры Пермского края»), 1977 г., бумага, линогравюра.

ISBN 978-5-6042008-4-1

9 785604 200841

© Пермская краевая общественная
(профессиональная) организация
Союза писателей России, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Николай ПОЛОТНЯНКО. ОГОНЬ ПОЭЗИИ. Стихотворение	5
Валерий ВОЗЖЕННИКОВ. «В НЕБЕ ПРЕЧИСТОМ...» Стихотворение	6
Анатолий БОГОМОЛОВ. ПРОБЛЕМА НОМЕР ОДИН. Статья	7

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ПРОЗА

ЗЕМЛЯ

Александр АБДУЛАЕВ. СМЯТЕНИЕ ЧУВСТВ. Рассказ	20
Галина ШЕСТАКОВА. САНИЯ. Рассказ	43

ВРЕМЯ

Алексей ДУБРОВИН. «ЭТО ЧТО ТАКОЕ?». Случаи из жизни	35
---	----

ПОЭЗИЯ

РОДИНА

Светлана СЫРНЕВА. СЕВЕРНЫЕ ПЕСНИ. Стихи	12
---	----

ЗЕМЛЯ

Игорь ТЮЛЕНЕВ. ТЫ ЧТО-ТО МНЕ СКАЗАЛА, СТРЕКОЗА? Стихи	27
Анатолий ГРЕБНЕВ. Я ВЕСЬ ВО ВЛАСТИ РОДСТВЕННЫХ ПРИМЕТ. Стихи	38
Наталья ГУМЕРОВА. ЛИНИЯ ПОБЕГА. Стихи	48

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ПРОЗА

ВРЕМЯ

Светлана ЗАМЛЕЛОВА. СТОРОЖКА. Рассказ	59
---------------------------------------	----

ЗЕМЛЯ

Николай БАШМАКОВ. НЕВЕЗУЧИЙ ДРИЛЬБОР. Рассказ	67
---	----

ЭТОТ МИР ПРИДУМАН НЕ МАРКСОМ

Олег ЧЕРНЯК. ПОСЛЕДНИЙ РЕЙС. Рассказ	74
--------------------------------------	----

ЗЕМЛЯ. EX LIBRIS

Владимир ГЛАДЫШЕВ. ДА ЗДРАВСТВУЕТ ЧЕ! Глава из романа «НАУКА ОБОЛЬЩЕНЬЯ»	109
---	-----

ПОЭЗИЯ

РОДИНА

Николай ПОЛОТНЯНКО. ИЗ ЛЕТА В ЗИМУ ПЕРЕПРАВА. Стихи	54
---	----

ВРЕМЯ

Алексей МАЛЬЦЕВ. СТРОКИ О ПЕРМИ. Стихи	64
--	----

ЗЕМЛЯ

Фёдор ВОСТРИКОВ. Стихи	86
Николай ГЛУМОВ. ДЕНЬ ВЫЗЫВАЮЩЕ ХОРОШ. Стихи	106

Наталья ТРЯСЦИНА. ЛЮБЛЮ ШАГАТЬ ПОД МАРТОВСКИМ ДОЖДЁМ. Стихи	118
Михаил ДАВИДОВ. ВЕЧЕР ПАМЯТИ. Стихи	122

«ТРОПА»

Владислав УРЖУМОВ. АВТОБУСНАЯ СОНАТА. Стихи	91
Елизавета ЗАВОДНИКОВА. ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ. Стихи	94
Милана ВОЛОКИТИНА. ЧТО ЛЮБИМ В ЮНОСТИ СВОЕЙ. Стихи	96
Юля КОМАРОВСКАЯ. ПОСЛАННИК ВЕСНЫ. Стихи	98
Анна КОНЕВА. НА ВЕТРАХ ИГРАЕТ ДОЖДИК. Стихи	102
Елена АЗАНОВА. ВЕСНА ЗАБЛУДИЛАСЬ. Стихи	104

ПАРНАС БЕЗ ГРАНИЦ. ПОЭЗИЯ

Игорь ТЮЛЕНЕВ. НУ, О ПЛОХОМ СЕЙЧАС НЕ БУДЕМ. Стихи	108
--	-----

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ. ПРОЗА

Владимир КРУПИН. ИСЦЕЛЕНИЕ. Рассказ	126
-------------------------------------	-----

ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ. КРИТИКА

Светлана СЫРНЕВА. ГЕОРГИЙ ИВАНОВ И «МИРОВОЕ ТОРЖЕСТВО». Статья	149
---	-----

ЗЕМЛЯ. ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПРОЗА

Василий КОЛБИН. МЕНУЭТ ВОКРУГ ЮНЕСКО, или НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ ЗАПОВЕДНОГО ОРНИТОЛОГА. Статья	153
--	-----

ОГОНЬ ПОЭЗИИ

Анатолию Гребневу

Костёр, что грел, почти потух,
Дымится еле-еле.
И подошёл к нему пастух
С сухою веткой ели.

Золу чуть-чуть расшевелил
И замахал ей быстро.
И костерок наш задымил,
И полетели искры.

Из головни, как из змеи,
Огня восстали жала.
Лизнуло пламя ветку, и
Кострище запылало.

Но ненадолго. Прогорел
Сухой еловый хворост.
И понял я, что подсмотрел
Знакомую мне повесть.

Что вся поэзия сейчас
Давно не самородна.
О чём пою я всякий раз,
Явилось не сегодня.

Поэта гений, как пастух
Еловой веткой-палкой,
В нём расшевеливает дух,
Огонь, что тыщу лет потух,
Вдруг вспыхивает жарко.

Но он недолго погорит
И медленно погаснет.
Но даже это, может быть,
Есть для поэта счастье.

Николай ПОЛОТНЯНКО

Николай Алексеевич ПОЛОТНЯНКО родился 30 мая 1943 года в посёлке Тальменка Алтайского края. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. С 2006 года — главный редактор журнала «Литературный Ульяновск». Первая творческая публикация относится к 1968 году. Первый поэтический сборник вышел в 1977 году в городе Саратове: «Братина». Издавался в Москве, Саратове, других городах. Автор нескольких поэтических сборников и книг прозы, в т. ч. «Круги земные» (1989), «Симбирский временник» (2003), «Русское зарево» (2011). Член Союза писателей России. Лауреат Всероссийской литературной премии им. И. А. Гончарова (2003, 2008). Кавалер медали им. Н. М. Карамзина (2011), ордена Ф. Достоевского I степени (2014). Живёт в городе Ульяновске.

* * *

В небе пречистом,
У Матери Божьей в тени,
Маленький ангел
Зажёг свой лучистый светок.
Как бы его
Ни смущали Вселенной огни,
Лучшего места
Найти для себя он не мог.

Так вот и я,
О планиде своей не скорбя,
Как бы меня
Ни смущали планеты огни,
Родину чую
И сам обретаю себя
Во поле чистом
У русской берёзы в тени.

Валерий ВОЗЖЕННИКОВ

Валерий Леонидович ВОЗЖЕННИКОВ родился 22 февраля 1941 года в селе Сива Пермской области. В 1959-м Валерий окончил Верещагинскую среднюю школу N 121, а в 1960 году – школу ФЗО паровозного завода г. Верещагино. В 1961–1964 годах служил в армии, в РВСН, обучение проходил в Забайкальском военном округе (Даурия), затем как ракетчик нёс боевое дежурство в Приморье. В 1970 году окончил исторический факультет Пермского государственного университета. Более тридцати лет трудился в школе преподавателем истории, а затем — директором школы в селе Постаного Нытвенского района Пермской области. Писать стихи начал с двенадцати лет. Первая публикация — в 1959 году. Хорошую оценку стихам начинающего автора в начале 1960-х дал Александр Твардовский. Первая книга вышла в 1984 году: «Берег поля». В октябре 2009-го переехал на жительство в город Пермь. Умер от сердечного приступа за один день до своего семидесятилетия — 21 февраля 2011 года в городе Перми. В 2012-м при содействии ПКОО «Союз писателей России» вышла книга стихотворений В. Л. Возженникова и воспоминаний о поэте: «Чуден от Бога и мрак». В центре села Постаного в память об учителе и поэте В. Л. Возженникове установлена стела.

Анатолий БОГОМОЛОВ

ПРОБЛЕМА НОМЕР ОДИН. Статья

Мы никогда не обустроим Россию, если не обустроим человека, не обустроим общество, не напитаем его исторической памятью, чувством любви и уважения к Отечеству, чувством гордости за своих предков, за их трудовую и воинскую славу, чувством уважения к своему родному языку, желанием развиваться культурно, если не привыём человеку потребность к нравственному восхождению над линией, разграничивающей добро от зла, к совершенству.

Конечно, нельзя утверждать, что в этом плане ничего не делается. Что-то делается, жизнь-то вынуждает. Но делается меньше необходимого. Решение проблем здесь возможно только комплексное, когда за реализацию этих проблем возьмутся осмысленно и дружно, скоординированно и государство, и школа, и деятели культуры, и церковь, и семья.

Но семья сегодня разрушена как институт воспитания, у неё осталась минимальная возможность заниматься воспитанием детей, на это просто не остаётся ни времени, ни сил, да и желания нет, оно разрушено.

Функция воспитания сегодня отдана в значительнейшей степени ТВ и Интернету. Но той похабины, с которой можно столкнуться в Интернете, пожалуй, и среди заключённых в зоне не всегда обнаружишь.

На экране ТВ царят пошлость, насилие, кровь, культ силы и низменных страстей, обогащения... Моя теледоска подключена к «Диван-ТВ» — 62 канала. И больше всего людей режут, стреляют, бьют, жгут, взрывают, как последнюю скотину, на первых двух десятках каналов. А зритель, он в большинстве своём психологически устроен так, что «пасётся» чаще всего на первых каналах, считая их самыми важными. В контексте этого интересно, что духовный канал «Союз», который занят исключительно духовно-нравственным состоянием человека, на данный момент в моём телевизоре этот канал в ряду — последний, 62-й! Очень показательно.

Главный герой современности на экране нередко уголовник, порой якобы благородный. Даже популярные фильмы о войне напичканы уголовниками. Боюсь, что скоро эти фильмы сформируют убеждение в новом поколении, что Великую Отечественную войну выиграла «благородные» уголовники.

Виталий Анатольевич БОГОМОЛОВ родился 13 мая 1948 года в городе Тавде Свердловской области. Окончил филологический факультет Пермского государственного университета (1978). Трудовую деятельность начал в колхозе. Позднее трудился на заводах, в книжном издательстве, в ВОХР, в редакциях местных изданий. Первая творческая публикация относится к 1978 году. Первая книга вышла в 1987 году в городе Москве: «Глухариное утро». Автор двух десятков книг прозы и стихов. Член Союза писателей России (1990). Лауреат нескольких литературных премий и конкурсов, в т. ч. Всероссийского конкурса им. В. Шукшина (1998). Кавалер орденов Достоевского I и II степени (2013, 2011). Живёт в городе Перми.

Кого на таких приоритетах можно сформировать, воспитать? Человека с криминальным сознанием? Его мы уже получили! Телевидение — академия по формированию такого человека.

Деятели культуры. Здесь такая раздробленность, многокастовость, клановость и произвол... Нет организующей и ответственной за будущее страны силы государства, творческие Союзы брошены на произвол судьбы, низведены до уровня общественных организаций, скажем, по сбору пластикового мусора в местах массового отдыха граждан, которые сплочены негласно идеей в духе времени — еды и наслаждений. В Древнем Риме она звучала более изяшно: хлеба и зрелищ. Но ведь прежде чем пал Рим, в Риме пали нравы!

В творческих Союзах, в частности, в писательском, идёт борьба за выживание, за сохранение места обитания, помещения. Место обитания — это последнее, что ещё соединяет творцов в некую общность. Что понимали уже в средние века, создавая цеховые объединения, но постарались забыть в наши дни. И сегодня писатели в любой момент могут по произволу властей потерять крышу над головой, которая ещё соединяет их, давая возможность собираться и обсуждать беспокоящие их проблемы. А ведь творческий потенциал, которым обладают писатели, государство может использовать для укрепления нравственности общества, для воспитания человека, для его нравственного преобразования.

Школа. Учителя загружены составлением вороха бумаг. Чтоб защитить или подтвердить свою категорию, учитель обязан собрать около семи десятков различных документов, совершенно абсурдное количество, которое отказывается воспринимать здравый рассудок. Воспитанием школа не занимается, ей не до этого. А те гуманитарные крупинки, которые удаётся учителю заложить ценой собственных усилий, высыпаются из головы учеников, как только после занятий они переступают порог школы и попадают в другой мир, к школе никак не привязанный, полный соблазнов, виртуальный.

Я сознательно обостряю в какой-то мере ситуацию. Конечно, есть лицеи, гимназии, в которых уровень резко отличается от обычных школ. В этом я убеждался много раз. Но это всё же исключение. А я глаголю о тенденции.

Итак, школа не воспитывает, но и обучением она занята как-то странно. С введением ЕГЭ обучение стало напоминать натаскивание. При этом выпускники школ нередко не умеют выразительно читать, они не знают литературы, культуры, истории своей страны, которую каждый либерал и каждый патриот перетолковывают на свой лад. Какое уважение может вызывать такая история?

Церковь. Здесь, к сожалению, оправдались опасения умных священников начала 1990-х годов. Они уже тогда видели опасность того, что из двух своих путей: духовного укрепления и материального развития — церковь может сбиться на второй. Дух материального благополучия, меркантилизма, дух «золотого тельца», царящий в государстве в целом, не мог не коснуться и служителей церкви. Конечно, это дискредитирует её.

Кроме того, страна наводнена сектами и исторически чуждыми духовными учениями, которые под соблазнительным соусом свободы выбора и ложной толерантности разрыхляют духовное единство народа, подрывая основы нашей веры, веры наших отцов, испытанной

многовековой историей, проповедуя иудину психологию предательства, отказ от национальных традиций и культуры, патриотизма, формируют, по сути, продажное сознание.

Конечно, тонкий слой истинно верующих людей (малое стадо), нравственно чистых и благородных, духовно ещё оплодотворяет и цементирует всё общество, но при этом недрузьями нашего народа делается всё, чтобы эту силу воздействия сегодня ослабить. Мировой силе крепкая Россия не нужна, она там, как бельмо в глазу, эта бездонная копилка сырьевых запасов.

Именно потому государство должно консолидировать все здоровые силы, работающие на укрепление общества, на его единство. Лишь с помощью лучших мужей и сынов Отечества верховная власть державы должна выявить и расставить подлинные, истинные приоритеты.

Воспитать человека может только культура, её преемственность, заключающая в себе историческую мудрость народа, а в ней, в культуре, важнейшее место занимает литература, концентрирующая дух народа. Ну, неспроста же сказано: «В начале было слово» (Ин. 1, 1). Литература классическая, проверенная временем, заключающая в себе заряд восхождения к совершенству, возвышения над линией разделения Добра и Зла. Именно в этой литературе содержится ориентир на восхождение.

Но давайте посмотрим, в какое положение сегодня поставлен писатель провинции, живущий за тысячи вёрст от столицы? Местная организация писателей, как я уже отмечал, низведена до общественной. И выходит, что проблемы её выживания — её личные проблемы, личные проблемы любителей словесности, входящих в неё пишущих людей. Ожидать от писателей-любителей масштабных произведений наивно. Чтобы создать произведение, в котором были бы поставлены важнейшие проблемы нашего непростого существования, писатель должен вариться в них, созерцать их, жить ими, их осмыслением и анализом 24 часа в сутки.

Невозможно представить, чтоб иначе жили и творили Ф. Достоевский, Л. Толстой, А. Чехов, И. Бунин, М. Горький, М. Шолохов, В. Шукшин, и весь легион писателей. Но в нынешних условиях писатель вынужден биться, как и все, за кусок хлеба, который литературными трудами, в отличие от прежних времён, не добыть. Занимаясь литературным трудом, писатель не может заработать стаж для пенсии. Поэтому он должен где-то служить, заниматься чем-то для его призвания чуждым, добывая средства на жизнь, и только остаток сил своих отдавать в выходные дни творчеству, на писанию произведения.

Можно ли в таких условиях создать что-то значительное?..

Считаю, что государство всё-таки должно продумать и определить формы поддержки писателям, чтобы, отдавая свои силы на служение обществу, писатель мог рассчитывать и на какую-то взаимную поддержку общества в лице государства, которому общество платит налоги. Да, далеко не каждый писатель способен достичь уровня Михаила Шолохова или Василия Шукшина, Василия Белова или Валентина Распутина, Константина Воробьёва, Вячеслава Кондратьева или Виктора Астафьева. Но это совсем не значит, что писатель, не способный на такое восхождение, не нужен. По этому

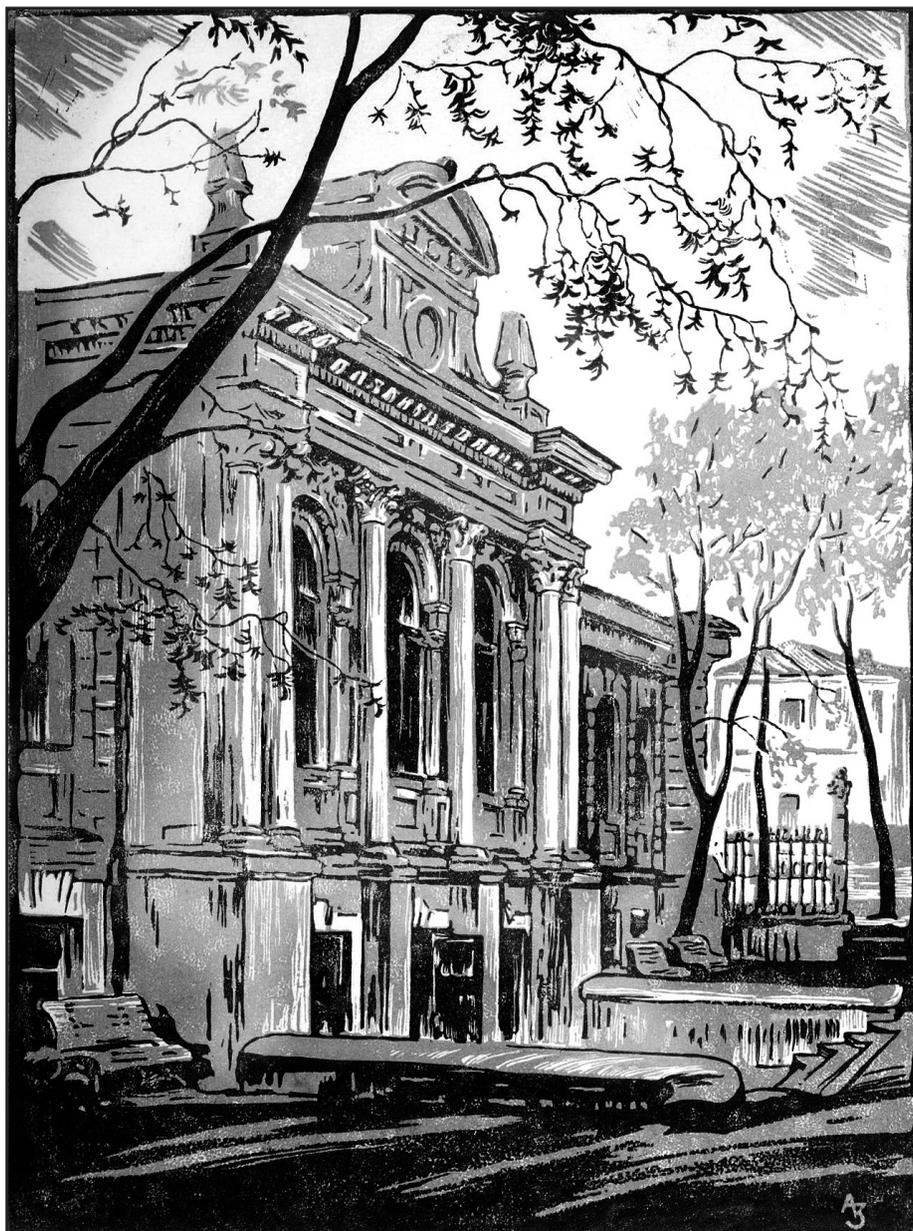
поводу Николай Некрасов ещё 1855 году сказал гениальные слова, которые никогда не потеряют своего значения:

*Братья-писатели! В нашей судьбе
Что-то лежит роковое:
Если бы все мы, не веря себе,
Выбрали дело другое —
Не было б, точно, согласен и я,
Жалких писак и педантов —
Только бы не было также, друзья,
Скоттов, Шекспиров и Дантов!*

Чтобы возвести и возвеличить одного, в искупительную жертву приносятся тысячи — таков неписанный закон жизни.

Сегодня, когда вся наша жизнь пропитана духом наживы, материального обогащения, когда в основу существования большинства утверждён «золотой тельц», эти слова обретают особую значимость, потому что они произнесены в поддержку тех, кто противостоит слугителям «золотого тельца». В наложении на бездуховность (то есть на непонимание ценности души) служение исключительно материальному ведёт к жутким преступлениям, когда ничего не стоит ограбить народ, общество, убить человека ради выгоды, карьеры, обогащения... Что и видим и слышим мы сплошь и рядом.

Системное разложение, которое сегодня происходит в России: это и масштабность чиновничьего воровства во всех сферах (в Министерстве обороны уворовано, по последним официальным данным, уже 13 миллиардов рублей — почти годовой бюджет сельского хозяйства России), коррупция, беспредел на дорогах, дедовщина в армии, повсеместное похищение детей, часто в возрасте до десяти лет, с целью получения сексуального удовольствия, после чего выродки эти убивают девочек. Так вот, это разложение со всей остротой свидетельствует (оно уже просто вопиет, а мы не слышим и никак не хотим слышать!), что самая важная проблема, которая назрела в нашем обществе, в нашем государстве, которая разрастается с первых дней ельцинского правления, — это воспитание человека, формирование духовно-нравственной личности. Сама по себе такая личность никогда не сформируется, процесс требует целенаправленного и последовательного государственного воздействия! Создания в стране особой атмосферы.

Часть 1

Светлана СЫРНЕВА

СЕВЕРНЫЕ ПЕСНИ

ОСЕНЬ

Как будто из земли взошла
и за ночь выросла неслышно —
один лишь раз она была,
лишь раз такая осень вышла.

Она возникла в пустоте
первоначального творенья
в своей неожиданной красоте,
в своём небесном озаренье.

И старый домик, и крыльцо,
и доски старого причала
она взяла в своё кольцо
и никуда не выпускала.

О, в жар твоих багряных плит,
в подножье роши златокрылой
студёный воздух крепко влит
и остановлен высшей силой!

И в этой строгой тишине
безмолвная стояла школа,
и в книгах открывалась мне
вся правда русского глагола.

Таков он был, хрустальный свет
невозвратимого начала.
И было мне тринадцать лет,
и я о жизни много знала.

И здесь, в теснине под горой,
перед водою студеною
всех лет грядущих длинный строй
вдруг развернулся предо мною.

Светлана Анатольевна УХОВА (СЫРНЕВА) родилась 26 октября 1957 года в деревне Русское Тимкино Уржумского района Кировской области. Окончила филологический факультет Кировского государственного педагогического института (1978). Занималась педагогической и журналистской деятельностью. Автор нескольких поэтических сборников, стихов, включённых во многие антологии российской поэзии XX века. Член Союза писателей России (1991), лауреат нескольких всероссийских литературных премий, кавалер медали им. А. Пушкина (1999), Золотой медали им. В. Шукшина (2017), ордена Достоевского I степени (2012), других наград. Живёт в городе Кирове.

Звени, звени, моя струна,
 гори, свеча, не догорая!
 Восходит на небо луна
 из дальнего, чужого края.

Но в день творения седьмой
 оцепенеют, встанут реки,
 и осень встретится с зимой,
 и растворится в ней навеки.

ГОЛОС КУКУШКИ

Как на заре из небесных песочных часов
 свет прибывает и копится тихо на дне —
 сквозь оплетенье берёз и провалы лесов
 голос кукушки в росистой сквозит тишине.

Из средоточья ветвей, из глубин неизведанных тех,
 из палестин, где не знают ни горя, ни зла,
 голос кукушки доходит не зная помех,
 словно природа свой вещий язык обрела.

Из сердцевины миров, упорядочив хаос большой,
 из средостенья Вселенной, на чистом дыханье одном
 голос кукушки скользит по равнине земной —
 твой золотой, безошибочный твой метроном.

Из бесконечности в вечность летит, лишь на миг посетив,
 лишь на минуту коснувшись житья твоего,
 необъяснимый, бесхитростный этот мотив —
 чистое, лёгкое жизни земной торжество.

Время и радость, сплетённые общим жгутом,
 лишь по касательной тронут поверхность Земли
 и улетят, растворившись в пространстве пустом,
 в космосе тёмном, в безжизненной звёздной пыли.

НА СЕВЕР

С. У.

Стеною отвесной, лавиной прямой
 здесь рушится ливень из пропасти мутной.
 Скорее на север! Скорее домой —
 в какой-то машине — случайной, попутной.

Пуškai без дороги, пускай в никуда —
 к стеклу запотелому локтем прижаться
 и видеть, как в лужах вскипает вода,
 как злые воронки в канавах кружатся.

Вперёд! Из-под чёрного полога туч,
 где грозно встаёт за заставой застава,
 где бурный поток, оборвавшийся с круч,
 тебя конвоирует слева и справа —

пробиться, прорваться, уйти, убежать!
 Я знаю: дорогу нащупают шины,
 и пусть не сумеет меня удержать
 упругая сеть Среднерусской равнины.

И времени маятник молча повис,
 качнуться не смея к пределу иному.
 Мы мчались на север! Мы рушились вниз,
 но вверх поднимались по шару земному.

И там, где кончается ливня межа,
 открылись тебе просветлённые дали.
 И в тихих озёрах лежала Тужа,
 и редкие капли с берёз упали.

А дальше — в симметрии рельсов и шпал,
 в вечернем тумане, в закате пугливом
 железный Котельнич упрямо вставал
 и медленно плыл над высоким обрывом.

И ночь восставала. Но где-нибудь там
 расчищено место гнездовью родному.
 По улицам вдоль, по созвездьям реклам
 в последнем рывке доберёмся до дому.

Мой друг! Мы вернулись на север — туда,
 где сходятся линии жизни в пространстве,
 где тихо Полярная светит звезда
 в своём неподвижном, немом постоянстве.

НОЧНОЙ КОСТЁР

Горел костёр, пылал, не уставал,
 лизал огонь смолистое полено.
 Он то сжимался, то опять взмывал,
 как сердце затаившейся Вселенной.

И выступали вдруг из темноты
 стоящие безмолвно друг за другом
 и стрелчатые травы, и цветы,
 таинственным сомкнувшиеся кругом.

Они смотрели молча и в упор —
 родня, пришедшая по зову брата.
 И был кузнечиков бессонный хор
 за их стеной заботливо упряган.

А где-то дальше притаился лес —
дремучий лес — берёзовый, сосновый.
Он тоже высился — и всё окрест
за ярусом вздымало ярус новый.

Ночной костёр! Природы зыбкий сон!
Она молчит, она не отвечает.
Созвездий и галактик пантеон
её постройки лёгкие венчает.

Один в ночи пульсирует костёр
как смертное дитя живой природы.
Но мир огромный широко простёр
недвижные, незыблемые своды.

И мы с тобою у костра во мгле —
всего лишь лёгкие, сквозные тени,
как отпечаток древний на скале
давным-давно исчезнувших растений;

как древние обломки черепков
в пластах земли тяжёлых, монолитных,
как спрятанные в залежах веков
подобия орудий первобытных.

МОТЫЛЬКИ

И опять стемнеет. И, как встарь,
осветивший листья и кусты,
загорится матовый фонарь —
одинокий сторож темноты.

И притянут силой неземной
к средоточью мира своего,
мотыльков ночных безумный рой
закружится около него.

О, нерасторжима эта связь!
Спотыкаясь и в стекло биясь,
к фонарю стремятся мотыльки,
словно жизнь иная прервалась.

А внизу — гитары перебор,
парочки влюблённые стоят.
Но не слышит их крылатый хор,
страстью или ужасом объят.

Жители неведомых планет,
существа, не знающие нас,
бейтесь, бейтесь в одинокий свет,
будто в первый и последний раз!

Но рассвет, полнеба окропив,
тёмную разгонит синеву.
Крылышки усталые слепив,
мотыльки осыплются в траву.

Маленькие ангелы ночей,
падшие изгнанники небес,
спите под покровами лучей
в отрешённой гордости своей!

ПОСЛЕДНИЙ ДОМ

Есть на горе за рекой,
на косогоре крутом
дом одинокий, пустой,
старый, заброшенный дом.

Гибли деревни вокруг —
кто-то его сохранил,
кто-то отшельником жил,
сколько отпущено сил.

Что же наследник найдёт
прадеда, деда, отца?
Выбиты створки ворот,
выпали доски крыльца.

Старче, воспрянь в синеве,
врытый по пояс в траве,
не позволяй никому
к сердцу пройти твоему!

По вечерам издали,
глядя лицом на закат,
ты восстаёшь из земли,
пламенем окна горят.

Сторож заросших полей,
витязь родной стороны!
Купы твоих тополей
высятся в небе, вольны.

Там у тебя соловей.
Там у тебя, старина,
белых цветущих ветвей
в мае вскипает волна.

Там, поваливши плетень,
там одичавшие, там
вишня, калина, сирень
тянутся вниз к омутам.

Сгинешь когда-то и ты —
тления не избежать.
Старых смородин кусты
будут то место держать.

Может, и надобно так —
прошлое сбросить навек.
Опустошённый маяк,
косо сечёт тебя снег.

И в непроглядную тьму
мёрзлые ветки впились...
Я не скажу, почему
мы до сих пор не сдались.

ГОСТИНЕЦ

И пока шумел карнавал,
перешедший в полночь пустую,
в этом городе снег упал
на холодную грязь густую.

Словно нищенства устыдясь,
скрыть пытался его повсюду.
В этом городе я родилась,
и уехала я отсюда.

Но заснеженных крыш и плит
робкий мне поднесён гостинец,
и серебряный свет разлит
до утра по углам гостиниц.

По домам деревянным спят,
дремлют жители и народы,
что пришли и уйдут назад,
не нарушив закон природы.

И застыли, висят в снегу
полукружья ветвей и арок.
Я родня вам, но не могу
равноценный сделать подарок.

Ни полслова не проронив,
мы расстанемся завтра утром.
Удаляясь, мелькнёт залив,
просквозив вдали перламутром.

Но и скрывшись за окоём,
ты нечаянно миру явлен:
каждый куст на пути моём
в белоснежный наряд оправлен.

РЕКА

Ведь река — это тоже ручей
у истоков своих, у начала.
Золотым водопадом лучей
её раннее утро встречало.

И была она просто ничья,
и лениво струила течение,
по соседству другого ручья
беспреданное слушая пенье.

Это был несравненный ручей —
и соперник её, и учитель,
он катился быстрее и звончей,
и повсюду он был победитель.

Вдушных дебрях — то дерева ствол,
то колода, то пень, то коряга.
Вот ручей повернул и ушёл —
устремился по склону оврага.

Будет, будет ему благодать
и недолгий простор для полёта —
бочажины лесные питать,
упираться в глухие болота,

и не знать на коротком веку
под ступенчатым сводом природы,
что река превратилась в реку
и широко раскинула воды.

Ей — и баржи нести на спине,
и вращать паровые турбины,
вдаль пройти по великой стране,
открывать города и глубины,

выходить из своих берегов,
видеть счастье народов и горе,
быть преградой живой для врагов
и в открытое вылиться море.

Ничего не решала борьба,
так уж небо, должно быть, решило.
Так уж, видно, сложилась судьба,
так на звёздах начертано было.

Не смущай же ты душу ничью:
неуместны восторг или жалость.
У холодного сна на краю
больше выбора им не осталось.

Только детство, где нету вины
и ни имени нет, ни названья,
где великий покой тишины
и великое счастье незнания.

БАБЬЕ ЛЕТО

Закат польхает, но тёмен восток,
таинственный миг полутьмы, полусвета.
И солнце уж село, и на землю лёг
покой равновесного бабьего лета.

Тяжёлые ветви недвижны в садах,
гурьбой георгины приникли к забору.
О, всё обратится в унынье и прах
ещё не сегодня, не завтра — но скоро.

А нынче, на самом краю пустоты,
такая наполненность жизни всевластной,
что в ней без труда различаешь черты
надмирной долины, чужой и прекрасной.

Прошальный, утешный подарок небес —
тебе он всего на мгновенье дарован.
Смотри же, смотри: вечеряющий лес
приблизился, встал — и молчит, очарован.

Вечерние тени так мягко легли —
ни ветра, ни стука, ни дальнего грома.
И низко над нами летят журавли:
уже улетаю, они ещё дома.

Спускайтесь всё ниже! Ищите ночлег
в тепле, где лошина ещё не остыла.
Нет, вы не увидите холод и снег —
от этого родина вас оградила.

Ночуйте! А завтра, набрав высоту
и в путь отправляясь, вы взором привета
окинете милую родину — ту,
где доброе солнце и вечное лето.

Александр АБДУЛАЕВ

СМЯТЕНИЕ ЧУВСТВ. Рассказ

Геныч, так звали мужчину пятидесяти лет, невысокого худосочного вида с мятым от сна лицом, вышел из своего подъезда и угёрся взглядом в серое, налитое дождём небо. В нём низко чертили фигуры высшего пилотажа несколько птиц. Верхушки деревьев под южным напором верховика раскачивались из стороны в сторону. Воздух был наэлектризован будущей грозой. Из открытого окна первого этажа слышался разговор между мужчиной и женщиной. Женский голос звучал требовательно и настойчиво:

— Ты когда отремонтируешь ванну? Ну сколько можно раз тебе об этом говорить?!

Увидев выходящего Геныча, невидимая рука тихо притворила створки окна. Геныч пригладил рукой волосы на голове, быстро зашагал в продовольственный магазин купить литровый пакет молока, сварить манную кашу, которую он любил с детства.

— Эй, Геныч! Куды это ты с самого утра намылился? — остановил его басистый голос соседа Витьки Жучкина. Он оборачивается и видит его стоящим в одних длинных чёрных трусах-смейниках на балконе. Витька радостно улыбается, и почти не видно узких глаз из-за толстых щёк. Широкие взлохмаченные брови казались случайными на низком лбу. Витька жил с ним в одном подъезде, только на третьем этаже.

— Ты там стоишь на верхотуре и полощешь своими парусами. Плыть куда-то собрался? Снизу всё видать. Срамота, да и только, — сплюнул себе под ноги Геныч и пошёл своей дорогой. До него доносится Витькин смех.

— Да ладно тебе! Я-то по утрам сверху смотрю на вас — мурашей, как мелкими шажками ходите туда-сюда. Ты, поди, в магазин побёг? Новую хозяйку ещё не привёл в свою хату?

Последние слова резанули Геныча по сердцу, он хотел сказать что-нибудь обидное соседу, но, втянув голову в плечи, только ускорил свой шаг. У него жена умерла как два года назад, от тяжёлой болезни, которая изнутри изъедала её женскую плоть. Маргарита, жена Геныча, женщина тихая и ласковая, выросшая в деревне, воспитанная своей матушкой в покорности своему мужу. В конце месяца Геныч обычно приходил домой после получки в дымину пьяным. Перед тем как попасть к себе в квартиру, он долго шарил рукой

Александр Шарифович АБДУЛАЕВ родился 6 октября 1955 года в городе Душанбе, Таджикистан. Окончил Чайковский политехникум лёгкой промышленности (1984), факультет риторики университета марксизма-ленинизма Пермского обкома КПСС (1991). Работал в тресте «Воткинскгэстрой»: прошёл трудовой путь от рабочего до начальника участка СУ-2. Участник ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Первая творческая публикация относится к 1975 году. Первая книга вышла в 1998 году (в соавторстве): «Имя сей звезды — горькая польнь». Автор более десятка книг. Член Союза писателей России (2008). Лауреат нескольких литературных премий и конкурсов. Кавалер ордена «За личное мужество», ордена Достоевского I степени (2017). Живёт в городе Чайковском Пермского края.

по стене в поисках кнопки звонка. Маргарита слышала, как возвращается домой муж, она стояла в комнате с выключенным светом и тревожно вглядывалась в законную темень. Дверь внизу хлопала, впуская запоздалого жильца, и Геныч, тяжело дыша, поднялся на пятый этаж к себе домой, он знал, что его ждёт Маргарита, которая встретит с осуждающими и холодными глазами. Перешагнув через порог, Геныч почти падал в заботливые руки жены и еле выдавливал из себя глухим осипшим голосом:

— Прости меня, милая, если можешь, подлеца окаянного! Посидели с мужиками из цеха в пивной, выпили по две кружки. Клянусь, больше не бу...ду!

Из кармана клетчатого пиджака торчало горлышко поллитровки. Он приносил с собой запах пивной сырости, вяленой рыбы и собачьей шерсти. Маргарита тяжело вздыхала, раздевала своего мужа заботливыми руками, как она раздевала дочь, когда та была маленькой.

Геныч распахнул дверь магазина и оказался в небольшом помещении с низким потолком и висящими клейкими лентами, на которых прилипли трупки серых высохших мух. Пахло мышами, застоялым кислым запахом и стиральным порошком. Свет пробивался сквозь небольшое окно, переплетённое металлической решёткой. К прилавку выстроилась жидковатая очередь. В основном толклись престарелые женщины, перешедшие уже черту бальзаковского возраста. Последней в очереди стояла худошавая женщина в синем платье и с серебряной цепочкой на шее. Волосы прибраны и уложены в тугий пучок на затылке.

— Вы последняя?— задал глупый вопрос Геныч.

— До недавнего времени была крайней в очереди, — обернулась женщина и посмотрела на него ярко-голубыми глазами.

У Геныча, ещё толком не отошедшего от сна, защёлкало в голове, будто кто-то там крутил ручку механического арифмометра. Он стал поближе к ней, разглядывая тонкую шею с ещё не старой кожей.

Женщина купила нарезной батон и пачку чёрного чая. Отошла от вытертого до блеска прилавка в сторону, ближе к свету, пересчитывая сдачу. Геныч пробежал глазами по полкам, припоминая, что ещё нужно купить на неделю так, чтобы не ходить в магазин. Ему не нравилась продавщица Людка по прозвищу Обсчитай. Увидев Геныча, она упёрлась тяжёлым взглядом прямо ему в переносицу, поджала губы и молчала в ожидании, чего он скажет. Генычу стало как-то неловко, он пошарил в кармане деньги, вытащил мятую купюру.

— Вот, Люда, мне молока литровый пакет, хлеба серого и пачку макарон.

— И всё что ли? — продавец поёрзала толстым животом по прилавку.

— Всё, — согласился с ней Геныч, думая поскорее выйти из магазина. Люда по прозвищу Обсчитай небрежно взяла банкноту из руки и положила в кассу.

— Ты мне хорошего молока дай, а то в прошлый раз стал его кипятить, так оно синей плёнкой покрылось. Чем нынче коров кормят? — осмелился спросить Геныч, зная заводной Людкин характер.

— Откуда я знаю, чем их кормят! Привозят с молокозавода, я вот продаю, ведь не дояркой в колхозе работаю! И не надо лишних

вопросов задавать, и так очередь ждёт, — опять нахмурила лохматые брови продавец, грозя сорваться на крик.

Сзади стоящая бабушка-одуванчик с седыми прядями волос подпирала Генычу в спину, и он быстро побросал купленные продукты в мятый полиэтиленовый пакет «Marlboro», торопливо вышел из магазина. Дверь за ним захлопнулась, оставив неприятную встречу позади. Людка-продавец жила в соседнем доме вместе с дочерью, которая была похожа на мать, как две капли воды. Геныч, когда возвращался домой с работы, проходил мимо их окон. Если у Людки был выходной день, то она сидела возле распахнутого настежь окна и лугала семечки, выплёвывая шелуху прямо на улицу. Женщина она была без всяких жизненных комплексов и предрассудков. Муж от неё ушел несколько лет назад к другой женщине, и Людка после этого возненавидела весь мужской род, считая всех отъявленными предателями. В магазине она обсчитывала пьяненьких мужиков, которые приходили прикупить ещё, чего бы выпить. И, не получив сдачи, стояли, покачиваясь словно лунатики, возле прилавка в ожидании Людкиной милости. Но она была стойкой женщиной и умела только выполнять два несложных действия: сложение и умножение в свою пользу. Людка всегда помнила о своей дочери, собирая ей приданое на свадьбу с местных незадачливых выпивох. Некоторые смельчаки жаловались участковому, но он только ухмылялся в густые прокуренные усы и махал рукой: «Да ну вас! И так хлопот хватает».

Геныч вышел из магазина, почувствовал, как ему на голову сверху стало капать. Он рукой стряхнул водяные капли, посмотрел на чёрное небо: вдалеке оно задевало верхушки деревьев, и виднелись грозовые разряды, которые прошивали тучи насквозь и уходили к земле. «Вот сейчас польёт как из ведра», — подумал Геныч, и, впрочем, был недалеко от истины. Пока он шёл домой, тяжёлые, беременные водой тучи пролились на землю сплошным потоком. Вверху сильно громыхало, так что становилось не по себе. В человеке заложен определённый ген страха перед природными катаклизмами.

Мутные лужи на тротуаре запузырились от крупного дождя, и когда Геныч подбегал к подъезду дома, то был весь сырой. К спине неприятно прилипла рубашка, некогда подаренная женой. В туфлях мокро ногам, в них противно хлюпала вода. Геныч шёл по тёмному подъезду, поднимаясь к себе, и, проходя мимо квартиры Витьки Жучкина, показал крепко сжатый кулак: «Так бы и врезал ему за словоблудие. Язык без костей, мелет, что попадёт ему в бестолковую голову». С Витькой они учились в одной школе, только в разных классах. Витька оставался на второй год в восьмом и был зол на всех учителей. Однажды весной выждал момент, когда никого не было в классе, налил густого коричневого клея на стул преподавателя истории Марии Зигмундовны, которая донимала его больше всех, — так ему казалось. Она провела урок, стоя возле исписанной доски, но в конце его устало присела на стул и приклеилась шерстяной юбкой к нему. Шум гремел в школе до небес. Витьку чуть снова не оставили на второй год, но на педсовете мудро решили освободить школу от него, и все остались довольные.

Витька Жучкин подпорчивал жизнь Геныча, особенно когда был пьяный. Геныч одно время хотел даже поджечь дверь его квартиры,

надеясь, что он утихомирится, но потом передумал, решив, что только озлобит непредсказуемого Витьку.

Придя домой, он шёлкнул выключателем в прихожей, скинул мокрые туфли и, шлёпая ногами, прошёл в ванную. Посмотрел в зеркало и не понравился себе сам. Лицо небритое, заросло недельной рыжеватой с проседью щетиной. Глаза мутноватые, хотя Геныч уже как два года ничего крепкого в рот не брал. Выпивать сразу завязал после смерти Маргариты, считая, что он сам виноват в её болезни и скорой кончине.

В небольшой церквушке, когда отпевали Маргариту, было сумеречно и тихо. Ходили богомольные старушки в чёрных одеждах, часто крестились и целовали иконы. Пахло горящими свечами. Маргарита лежала в гробу словно заснула, лицо тихое и умиротворённое. Народу пришло немного: коллеги по работе да соседи. Дочь Геныча стояла рядом, прижавшись плечом к нему, и всё время плакала, дрожа худощавым телом, вытирала платочком глаза. Нина жила в другой области, приехала, как только получила телеграмму от отца. Уже на кладбище Геныч остался один, остальные пошли в столовую на поминальный обед, упал на колени перед невысоким холмиком, упёрся головой в сырую землю и, разжимая тесно сжатые посиневшие губы, просил прощения у жены.

Похоронив жену, Геныч крепко затосковал и не мог найти себе места. Фотография Маргариты висела как раз напротив дивана, на котором он спал. Жена смотрела на него, прищурив глаза, словно заглядывала ему в душу.

Одинокие женщины вскоре стали проявлять к нему интерес. Кристина Борисовна из соседнего подъезда, работавшая в местном ателье бухгалтером, как-то в густых сумерках подкараулила его возле кустов разросшейся жимолости.

— Ты что один всё ходишь, Геннадий Павлович? Мог бы и ко мне заглянуть вечерком. Вместе телевизор посмотрели бы, а то и по рюмочке-другой для здоровья пропустили...

Геныч, опешивший от того, что его назвали по имени и отчеству, даже остановился и окинул взглядом Кристину Борисовну. Крутобедренная женщина со светлыми жидковатыми кудряшками на голове, стояла подбоченившись, не давая ему пройти. Высокая налитая грудь нервно колыхалась. Витьке Жучкину она нравилась, и, когда Кристина Борисовна проходила мимо него, поигрывая бёдрами, он вздыхал и долго провожал её томным, полным желания взглядом. Жена у него была плоская, костистая, да и к тому же злая. Ходила всё лето в одном платье с длинными рукавами и на всех посматривала косо. В подъезде ни с кем не здоровалась, проходя мимо, делала вид, что не замечает соседей.

— Да некогда мне телевизор смотреть, хоть свой выбрасывай! — ожесточился он от такого напора.

— А чем же ты занят вечерами? — напирала она грудями, похожими на футбольные мячи, грозя прижать Геныча в густые кусты.

— В основном размышляю о вреде алкоголя, — быстро нашелся, что ответить, он и пошёл своей дорогой, обходя стороной настойчивую Кристину Борисовну.

— Ну.. ну размышляй! Тоже мне, философ доморощенный нашёлся, видали мы таких! Так и останешься один на белом свете. — Эти

слова толкнули его в спину. Геныч прибавил шаг и вскоре оказался в родном подъезде, пахнушем кошачьими испражнениями. На стене первого этажа кто-то выцарапал гвоздём «Катя, я люблю тебя!», а ниже криво и размашисто — «Ну и дурак».

Геныч переоделся в сухую одежду, прошёл на кухню сварить себе манной каши. Из шкафа достал алюминиевую кастрюльку, в которой ещё варили дочке разные каши, посмотрел внутрь и налил из пакета молока. На этот раз молоко было настоящим и пахло травой, как показалось Генычу.

После завтрака он походил по квартире. Её он получил, как только Маргарита принесла из роддома их дочь, а до этого они жили в деревянном бараке, продуваемом всеми ветрами. Зато жили в нём весело. Праздники отмечали все вместе за одним столом во дворе, где недалеко стояло отхожее место и зимой отмечалось тонкими тропками от барака.

Прошла неделя. Геныч, особо ничем не обременённый в жизни, решил прогуляться по городку. Прошёл два пыльных квартала и упёрся в реку. Она его притягивала с малолетства. Когда-то по ней сплавляли плоты с верховьев. Трудяги-буксиры, уткнувшись носом в воду, напрягаясь дизельными силами, тянули длинный караван из леса вниз по течению. Геныч с дворовыми пацанами с самого утра, как только солнце проклюнется на дальнем горизонте, прихватив бамбуковые удочки, катили на велосипедах на плоты, стоящие возле самого берега, поудить разную рыбёшку.

Геныч сел на деревянную лавочку под недавно посаженную школьниками берёзку и пристально всматривался вдаль. «Жаль, что бинокль не прихватил с собой», — подумал он. На горизонте появился трёхпалубный теплоход «Феликс Дзержинский». Возле кормы появились белые наглые чайки, они летали близко от синей воды, резко взмывали вверх и на лету подхватывали куски хлеба, которые им щедрой рукой бросали пассажиры. Теплоход, оставляя за собой буруны взлохмаченной воды, делал полукруг, чтобы причалить к бетонной стенке, где уже грудились местные выпивохи, чтобы проскочить незаметно для вахтенного в буфет прикупить бутылочного «Жигулёвского». По причалу мелькнули две женщины в просторных платьях, у которых на шее, словно ожерелье, висела сушёная рыба. Под звуки шлагера «Вернись, вернись, я всё прощу» теплоход причалил. Солнце щедро светило и отражалось от воды. Пассажиры облепили бортики теплохода, с нетерпением ожидая, когда подадут сходни. На причале сидел на кнехте молодой матрос с повязкой на рукаве. Ему нравилось смотреть на воду, на теплоход и на прозрачное небо.

Геныч посмотрел на это действие и собрался было уйти, но увидел женщину из магазина. Она сидела на комле недавно упавшей сосны и задумчиво что-то чертила прутиком на песке. Геныча это заинтересовало, и, преодолевая свою неловкость, он подошёл к ней.

— Здравствуйте, — произнёс он тихо, улавливая биение сердца.

— Добрый день, — отозвалась женщина, поднимая голову и окидывая его взглядом пронзительно синих глаз.

— Извините, а что вы такое малюете? — с нескрываемым интересом спросил Геныч, понимая, что женщина может его проигнорировать.

— Пишу ноты, хотя я не музыкант. Больше для себя, вывожу скрипичный ключ. Может, так настраиваюсь на целый день, чтобы было хорошее настроение.

— М-да, — только промычал Геныч и собрался уже уйти, не мешать погружаться в собственное пространство этой незнакомке.

— А я вас запомнила ещё в магазине! — женщина встала с дерева, отряхнула юбку и протянула тонкую хрупкую ладошку. — Инесса Григорьевна, — представилась, улыбнувшись, отчего на щеках показались маленькие ямочки, прозрачные ушки просвечивались солнцем.

— Геныч, — представился он, но, спохватившись, назвал полным именем, — Геннадий Павлович. Да можно просто — Геныч. Меня так все зовут ещё со школы. Я уже привык.

Весь день до позднего вечера они гуляли по берегу реки и разговаривали на разные темы. Как оказалось, Инесса Григорьевна до выхода на пенсию работала в школе преподавателем русского языка. Геныч больше молчал, чтобы не показаться глупым, и только кивал головой. Инесса Григорьевна пригласила его к себе домой попить чаю, когда на небе высыпались яркие звёзды и от реки потянуло волглой прохладой. Из темноты раздавались удары лодочных вёсел, весёлый, заразительный женский смех.

Инесса Григорьевна жила в однокомнатной квартире недалеко от центра городка. Пока она хозяйничала на кухне, Геныч разглядывал небольшую комнату. На стенах висели фотографии мужчин в военной форме. На одной из них — большебородый казак с шашкой, а рядом молодая красивая женщина в платке.

— Это мой дед с бабкой, ещё до революции сфотографировались. Тяжёлая у них судьба потом сложилась. В село, где они жили, пришли красные грабить, потом пришли белые — опять грабить... Ладно, об истории не будем говорить на ночь. — Она достала из шкафа стопку музыкальных пластинок в бумажных серых пакетах. — А вы, Геннадий, любите музыку слушать?

Геныч молча кивнул головой, соображая, как бы ему не обмшуриться перед образованной дамой.

— Сегодня будем слушать Свиридова «Метель» по повести Александра Пушкина.

Проигрыватель немного прошипел, и полилась музыка, отдалённо послышался перезвон колокольцев — это тройка лошадей сквозь метель несётся вдаль. Послышались тревожные удары барабана, извещающие о приближающейся беде. Геныч, сам не замечая, вздремнул, уронив голову себе на плечо. Проснулся от лёгкого прикосновения руки хозяйки.

— Что-то я утомила вас, Геннадий Павлович! Вы идите... а завтра приходите снова. Чайком побалуемся и музыку дослушаем. Видимо, вы пока не готовы прикоснуться к великому искусству, но это поправимо, — с этими словами Инесса Григорьевна проводила запоздалого гостя до двери.

Геныч шёл домой, не разбирая ночной дороги. В душе у него происходило смятение чувств. Они горячей волной окатывали его с головой, а затем скатывались холодом в груди, от этого его бросало то в жар, то в холод. На улицах фонари не светили из-за отсутствия денег в городском бюджете. В темноте Геныч сбился с дороги и

уткнулся в глухой забор. Злобно залаяла собака, кинулась к нему. Геныч рванул с места, словно ему пятки намазали скипидаром, побежал сквозь кусты и заросли репейника. Над головой парили звёзды, светила желтоватая луна. Раздалась кошачья драка, между ног проскочила тень, напугав Геныча.

— Вот зараза! Можно так и инфаркт схлопотать, — раздосадовано проговорил он и, коротким путём через узкие проулки, вскоре оказался дома. Зайдя в квартиру и включив свет, он посмотрел на фотографию жены, которая, как ему показалось, одобряла его. С лёгким сердцем Геныч заснул, едва коснувшись горячей головой мягкой подушки.

На следующий день он почистил свой единственный клетчатый пиджак, не жалея, вылил на себя почти половину флакона «Шипр», в коридоре прошёлся щёткой по туфлям, пошёл в гости к Инессе Григорьевне. Генычу хотелось праздника, так, чтобы в душе сверкали разными цветами фейерверки. Проходя мимо двери своего заклётого друга Витьки Жучкина, скривил презрительную рожу и побежал вниз через две ступени. От него исходил такой парфюмерный запах, что проходившая мимо пожилая женщина зажала нос пальцами. Но этого Геныч не замечал, он просто был счастлив, и грудь распирало от радости предстоящей встречи, ему казалось, что люди улыбаются вместе с ним.

Вскоре он оказался в центре городка. На возвышенном месте стоял памятник вождю мирового пролетариата. Ильич высоко поднял голову, на которой в тот момент сидел голубь и с осуждением смотрел в сторону завода, который нещадно чадил трубами, выбрасывая в атмосферу чёрные клубы дыма, от него зимой в городке чернел снег и кашляли люди. В правой руке вождь крепко зажал кепку с помятым козырьком, а левой указывал, в каком направлении нужно было идти Генычу. Возле этого каменного исполина Геныч, будучи ещё пионером, с трепетом под барабанную дробь клялся верности идеям пролетарского вождя и вскидывал правую руку в знак готовности на любой поступок ради него. Потом здесь же под песню «Наш бронепоезд стоит на запасном пути...» Генычу прицеплял комсомольский значок секретарь горкома Иван Булкин. Через несколько лет он станет богатым человеком, исчезнет в дальнем забугорье и позабудет комсомольские идеалы о равенстве и братстве. Несколько десятилетий народ, словно маленькие дети, шли за мечтателями, которые придумали мифическую несбыточную счастливую жизнь.

Геныч, виновато озираясь, сорвал с клумбы несколько красных цветов для Инессы Григорьевны, запахнул их под пиджак и, ускорив шаг, скрылся в ближайшем переулке.

Игорь ТЮЛЕНЕВ

ТЫ ЧТО-ТО МНЕ СКАЗАЛА, СТРЕКОЗА?

ЖУРАВЛИ

Журавли застолбили поэтов,
 Как глаголы из книжек летят...
 Я же помню и знаю об этом,
 Но они и меня не шадят?

Снова в памяти Красная площадь,
 А за нею Калиновый мост.
 А по небу крылатая лошадь
 Тащит клин из московских широт.

Машет крыльями серая стая,
 Я в ответ им рукой не махну,
 Потому что, тоске потакая,
 Вслед лишь профилем русским шмыгну.

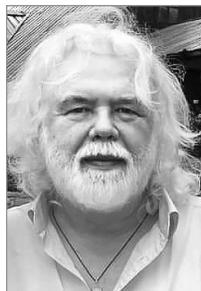
СТРЕКОЗА

Ты что-то мне сказала, стрекоза?
 Прекрасная в своём стеклянном платье.
 Как будто Лао-Цзы раскрыл глаза!
 Редакторы, глаза ему оставьте?

На сжатой ржи читается легко
 «Оранжевое Горлышко» Бианки.
 Как Родина сегодня глубоко,
 В колодцах, словно в окнах на Лубянке.

Тут жаворонок просто так запел!
 Послушать вышло солнце из-за тучи...
 За горизонтом белый, словно мел,
 Снег начинает осыпаться с кручи.

Игорь Николаевич ТЮЛЕНЕВ родился 31 мая 1953 года в посёлке Новоильинском, ныне Нытвенского района Пермского края. Окончил Пермский строительный техникум (1973), Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А. М. Горького (1991). Первый поэтический сборник вышел в 1983 году в городе Москве: «Братина». Публиковался в Бельгии, Болгарии, Канаде, Польше, России, Франции. Автор двух десятков поэтических сборников. Член Союза писателей СССР/ России (1989). Секретарь Правления Союза писателей России (2003). Лауреат различных литературных премий, в т. ч. международных. Лауреат Всероссийской литературной премии имени Н. С. Лескова «Очарованный странник» (2018). Кавалер ордена Достоевского I степени (2012), других ведомственных, общественных наград. Живёт в городе Перми.

Наверное, лютует там мороз,
Где кладовые разрывают зёрна!
Ах, люди-птицы, берегите нос,
А ты — стекляшки-крылышки, гулёна!

* * *

Нас опять весна волнует!
В небо возвратился снег.
Ветер девкам в уши дует,
Как заезжий человек.

Во все стороны пробилось
Солнце волнами тепла!
А зима на всех обиделась
И растаяла дотла!

Нынче песни заунывные
Не услышишь под окном.
Плещут, льются соловьиные
И стучатся гости в дом.

И на дружеской пирушке
Музе я проговорюсь: —
Хоть в Москве, хоть в деревушке,
Широко гуляет Русь!

* * *

Россию мы с собою возим,
Пусть за спиной идёт грызня...
Нас тыщу лет враги «тревожат»,
Но уничтожить нас нельзя!

Ни шип змеиный или звери,
Ни маркитантов злых толпа...
У нас в запасе столько веры,
Что пришлому украсть нельзя!

В походе русский не скучает,
Он с небесами говорит,
Когда над пашней перст вздымает —
И вот уж сам свечой горит!

И в том призвание поэта —
Молитвой небо освещать!
Рождённые — за нами следом
Бегут, чтоб рядом с нами встать.

АЛТАЙ

Виктору Б.

Еду на Алтай, ребята,
Не малину собирать.
Шукшина проведать надо,
Над Катунью постоять!

Может, на Пикет взобраться,
Беловодье разглядеть?
Нужно потренироваться
Прежде чем на гору лезть!

Держит Свод гора Белуха,
Наш Атлант, хотя без рук.
Укрепляет силу духа
Перевал Каратерюк.

Над святой землёй не лебедь —
Ходят-бродят облака.
Стих пишу, и хватит медлить,
Если пишется пока!

Русским жить нельзя без песен,
А тем паче без стихов.
Я с Алтая ноги свесил,
Словно с лодки рыболов.

* * *

В тени берёзки молодой
Я вдоль тропы раскинул руки.
Как мерин с сивой бородой,
Что раздробил гранит науки.

Но тут мелькнула меж берёз
Краса молодого поколенья.
И я восстал, как в фильме, босс
После смертельного раненья!

Сказал ей: — Подойди сюда?
Тебя я взглядом не обижу —
Взметнулась к небу борода,
Я сквозь неё тебя не вижу!

**НОВОИЛЬИНСКИЙ РЕЙД, ВТОРОЙ УЧАСТОК.
ФОТОГРАФИЯ НАШЕГО ПЕРВОГО КЛАССА
НА ШКОЛЬНОМ КРЫЛЬЦЕ**

Садится школьник в стороне от всех,
Ему претит сегодня детский смех.
Всего семь лет, а он уже без мамы...
Не помогает плач по вечерам.
Был бы мужик — давно б напился в хлам
И баб ловил бы у свинцовой Камы!

Четвёртая ступенька у крыльца.
Весь первый класс в сторонке от мальчика
Пишат, хохочут, день свой проживают.
Лучом щекочет солнышко глаза,
Смеются все, а вот ему нельзя.
Но слёзы, как снежинки в небе, тают.

* * *

Сами дом свой поджигаем,
А потом кричим: — Пожар!
Что наделали? — Не знаем
Мы, товарищ комиссар!

Или господа-министры,
Олигархи, мать ети?
Без разбойничьего свиста
Нам обратно не войти.

Ну, хотя бы напугали
«Благодетелей» страны!
По сусалам, жаль, не дали,
А ведь ждали же они...

* * *

Из глубины души,
Из бездны духа
Вдруг вырвется под небеса глагол!
Как белый водород,
Как тонна пуха,
Как из курятника на лошади монгол!

Тут вздрогнет на
Плече моём орёл.
Рывком сорву колпак с тоски орлиной.
И вот он крылья
Надо мной простёр,
Над Родиной и песней лебединой.

Из фляжки в горло
 Вылью самогон
 И удержу дыхание рукою...
 Лети на солнце,
 Вольный мой глагол,
 Ну а орёл летит вслед за тобою.

ЗНОЙ В ПСКОВСКОМ БОТАНИЧЕСКОМ САДУ

То кедр, то пихта, то сосна
 Спасает от жары прохожих.
 Пыль, одуревшая от сна,
 В тени деревьев корчит рожи!

А тучи где? Где облака?
 Или хотя бы струйка дыма?
 А вот у нерпы и белька
 Из льда и небо, и равнина!

Спасибо, русская хандра,
 За то, что человека в зверя
 Не превратила, а деревьям
 Спасибо просто так!.. Пока!

Но тут вдруг ворвалась река,
 Явившись, словно дева рая!
 От брызг ребят в воде играя —
 Блеснув, как гения строка!

* * *

И мамы нет, и дома нет.
 Но это я в душе запрягал.
 А с неба так же льётся свет,
 Как лился в юности когда-то!

Жизнь без руля и без ветрил
 Несётся волею поэта!
 Я многих на земле любил!
 И всё же песня не допета...

Я русской Родине служил
 Стремился к цели, как пехота!
 И даже б море переплыл,
 Там, где акула косороты!

Я рвал из ножен свой кинжал,
 Коль яблоко вражды созрело!
 Но я на Бога не роптал!
 На Господа роптать не дело.

А утром наступал рассвет.
Звенели годовые кольца.
Я к вам был послан как поэт —
От Бога, Родины и Солнца!

ПУШКИНОВЕДЫ

Сидят в дыму пушкиноведы
Крамольных мыслей и затей,
К судьбе его жестокосерды
И все не нашенских кровей!

Напыщенны от диссертаций
И от научных степеней.
Читают русскому нотации,
Куда крылатых гнать коней.

У нас свои и дуг, и поле,
Своя высокая трава,
На пажитях небесных воля,
Уздечка, плеть и бечева!

А вашим грош цена наукам,
Не по зубам вам русский слог!
Я учреждаю межеумкам
Из супа лавровый веночек.

ЖАЛОБЫ ДРУГА

Зарастает семяпровод.
Устают от баб глаза.
Знаешь сам, что сердцем молод!
А уж многое нельзя...

Сорок раз не подтянуться,
Каму вдоль не переплыть.
Водка? — можно захлебнуться,
Ежели, как раньше — пить!

Даже память остывает,
Словно угольки в золе.
И на музе горностаи
Прохудились, одряхлев.

В чреслах треск, в ладонях холод.
Мозг тревожат голоса.
И зависли, словно молот,
Над башкою небеса.

Правда, я не унываю,
 Потому что я поэт!
 Сочиняю, сочиняю...
 Может быть, себе во вред!

31 МАЯ

Сегодня я уже родился!
 На всю Россию прокричал.
 Я вышел и остановился —
 О Русь! Начало всех начал!

А майский воздух был прохладен,
 Была черёмуха, как мел.
 Стоял посёлок аккуратен,
 Я знаю — так Господь хотел!

А майский жук в броне бойцовой
 Врезался в окна, солнцу рад!
 К рождению был наш дом готовый
 И улица, и палисад.

Река дарила настроенье,
 Кипела в берегах вода,
 Дарила силу в день рождения
 Сплавливая вниз мои года.

Мимо Елабуги, Казани,
 И до Москвы и за Москву.
 Из набивной, заморской ткани
 Тот небосклон был наяву.

Там, где воздушные потоки
 Несли гусиное перо...
 В России дети светлооки!
 С детьми — России повезло!

НА ПОБОСЕ

Сбриваю луг косой железной.
 Я сам её вчера отбил!
 Крестьянский труд душе полезный,
 Смотри — весь луг почти скосил!

Всё те же хватка и сноровка,
 Я сам с усам из этих мест!
 В деревне лает собачонка
 И космос надо мной отверст.

Я словно в старину батрачу —
Беглопоповец попросил?
Он был соседом мне по даче.
Я бороду, как он, носил.

О вере спорил он со мною,
Как всех гонимых адвокат!
А бабы ходят за спиною —
Траву сухую ворошат.

Была трава, а стало сено.
Жара! В разгаре сенокос!
Мелькнуло женское колено —
Не зря ж я бородой оброс!

Всё, перекур, довольно, баста!
В тень под сосной не завалюсь,
А скроюсь с той в лесу, что часто
Бросала взгляды! Ну и пусть

Без нас проглотят угошенья
И выпьют из бидона квас!
Распустят слухи, но гоненье
Сегодня не коснётся нас.

Алексей ДУБРОВИН

«ЭТО ЧТО ТАКОЕ?». Случаи из жизни

Неисповедимы пути Господни. Порой продумаешь свои планы до мелочей: сделаю так, а обстоятельства словно караулят — бац! И в одно мгновение всё меняется с точностью до наоборот. Вырвется: «Господи, за что?!», и думаешь, как быть. Да, хватись, не только со мной подобное происходило. Случаи из жизни? Пожалуйста!

«ЭТО ЧТО ТАКОЕ?»

Эту зиму 2018–2019 годов я посвятил розыску участников боёв на острове Даманском и близ озера Жаланашколь. Повод — 50-летие событий на границе. Захотелось узнать о деталях сражений, а информации с гулькин нос. Пришлось стать писателем-поисковиком. Нашёл людей, кто с оружием в руках защищал государственную границу СССР, пресекая провокации китайцев. Но речь сегодня не о боях. Скорее, о сугубо житейских вещах, которые, чертыхнувшись, человек называет «подножками» судьбы.

Знакомьтесь — Иван Петрович Некрасов. Пермьяк. Служил на пограничной заставе «Жаланашколь» с сентября 1967 года по январь 1970 года. Ефрейтор, мастер по электроприборам и обслуживанию систем на линии границы. Иван Петрович вспоминает:

«На границе одни будни. Праздников у нас не было. Наряды да работы, работы да наряды. Нормально жили, хотя вроде бы и дикое место, а не грустили. Друг другу помогали без лишних слов. Как-то раз я заступил часовым по заставе, а Юра Клобуков (призывался с Кизела) говорит мне: «Я — на кухню. Чтобы легче было печку растопить, сходи ты, Иван, к ограде местных чабанов, принеси обломок доски».

Я и попёрся. Размахнулся автоматом — тресь по оградке! Но вместе с доской отломился приклад автомата... Внутри всё обмерло: приклад болтается на ремне. Вернулся на заставу. Что делать? Кто-то из ребят вынес мне тихонько свой целый автомат, с которым я отдежурил. А назавтра снова в наряд на границу, на пост наблюдения. Я свой сломанный автомат оставил на заставе и с чужим в наряд сходил. Вернулся, а начальник заставы Самокрутов показывает на мой сломанный автомат и спрашивает с металлом в голосе: «Это что такое?» Я испугался: «Всё, — думаю, — приехал!» Начальник приказал вызвать старшину. Тот появился, и капитан Самокрутов ему велел

Алексей Александрович ДУБРОВИН родился 28 марта 1961 года в городе Очёре Пермской области, ныне Пермского края. Окончил юридический факультет Пермского государственного университета (1987). Служил в органах КГБ /ФСБ: подполковник запаса. Работает в Высшей школе недвижимости: заведующий кафедрой. Занимается краеведением — организатор и председатель оргкомитета краеведческих (литературно-художественных) Спешиловских чтений. За общественную деятельность удостоен звания «Почётный гражданин Очёрского района» (2011). Автор более десятка разножанровых книг. Член Союза писателей России (2013). Кавалер орденов Достоевского II и III степени (2017, 2014), имеет несколько ведомственных наград. Живёт в городе Перми.

принести с артсклада учебный автомат, чтобы поменять приклады. Мы эту замену провели в два счёта. Никакого отчитывания. Офицер сам видел, что я искренне жалел о случившемся, раскаивался. Служба продолжилась без последствий».

Вскоре Иван Некрасов пойдёт в атаку на сопку Каменную, захваченную китайцами. Проявит, как принято говорить, отвагу, но это уже совсем другая история. А я всё думаю, не помог ли тот случай с прикладом довериться в атаке офицерам...

ПОСТРАДАЛИ ЗА ДАМАНСКИЙ, И СВОИ ЧУТЬ НЕ УБИЛИ

Павел Егорович Голдобин — человек, о котором принято говорить — «везунчик». Призвали его на военную службу из Тюмени, хотя по роду — чисто прикамский житель. У нас, в Прикамье, родился, здесь учился, а окончив речное училище, поехал работать на реку Туру, что в тюменских краях. Оттуда ушёл служить. «Учебку», что находилась под Уссурийском, 14 марта 1969 года подняли по тревоге и отправили на усиление к пограничникам, к острову Даманский.

Павел Егорович рассказал на одной из встреч: «Сели мы в ЗИЛ-130 и отправились в дальний путь. В кузове оружие и ящики с патронами. Едем, думаем каждый о своём, но скажу — на песни нас не тянуло. Вдруг удар, и мы среди автоматов и ящиков куда-то летим. Оказалось, на приличной скорости в нашу колонну врезался гражданский ЗИЛ-555, попав именно в нашу машину. Она перевернулась. Ребята все крепко побились, сержант ногу сломал. Мне моим же автоматом по спине «хорошо» досталось. Перебросились между собой фразой: «Вот и мы за Даманский пострадали». Понабежали местные жители, ребята с колонны подошли и вручную вернули наш ЗИЛ на колёса. Пока стояли возле какой-то деревеньки, местные нас покормили картошкой, колбасой. Двинулись дальше. К вечеру прибыли в район острова Даманский. Машины в сопках на подъёмах забуксовали, и пришлось нам со всем оружием пешком топтать и тащить по очереди ящики с патронами.

Подошли мы к позиции, а часовой кричит: «Стой! Кто идёт? Пароль». Понятно, что никакой пароль мы не знали. Часовой опять: «Стой! Стрелять буду!» Понимаем, будет — на то он и часовой. Сам думаю: то авария, то сейчас свой очередь даст. Пришьёт, глазом не моргнёт. Благо наш сержант по голосу признал земляка с Владивостока. Появился офицер, всё уладил. Так мы, в конце концов, оказались в лагере».

15 марта взвод Павла Голдобина вступил в бой. Часть ребят из взвода, находясь на острове в разведке, схлестнулись с китайцами в рукопашную. Но и это уже другая история. А завершу разговор о каверзных «подножках» судьбы житейским примером о собственном головотяпстве.

«КОРОЧКИ»

Москва, 1990-е годы. В составе группы слушателей одной из военных академий топаю по столице. Нам запрещено вступать

в разговоры с иностранцами, ввязываться в конфликтные ситуации. Упаси Бог — спорить с милиционерами, если вдруг задержали при переходе улицы на красный свет.

Расхожусь по своим делам. Открываю дверь станции метро, направляюсь в зону прохода, где нет турникета. По нашим «красным корочкам» имею право на бесплатный проезд.

Бабулька подслеповато покосилась на мои «корочки» и говорит: «Не вижу я, что там написано». Нам строго-настрого запрещено передавать в чьи бы то ни было руки наши удостоверения, но жалко пожилого человека. Протягиваю ей «корочки», и она их сразу прячет в карман своего служебного халата. У меня в голове паника: «Вляпался!» Бабульке до моей паники, как мне до погоды в Бразилии. Она радостно заявляет: «Не отдам! Нет такой организации», — голос твёрдый, взгляд ясный. Понимаю, не отдаст, потому что название службы за три года менялось так, что и мы его не сразу вспоминаем. В конце концов, уговариваю «спросить в самой “конторе”». Отправляемся в «служебку», где бабуля звонит, «куда надо». Положив трубку, извиняется и возвращает мне удостоверение. Мне её извинения... Буквально драпаю из «служебки».

Через несколько дней провожаю семью из аэропорта Домодедово в Пермь. Прошли мой контроль, отправились на посадку. И тут я соображаю, что забыл отдать газовый баллончик — всё-таки без меня будут жить в Перми. Напади кто на улице, баллончик может оказаться кстати. Подхожу к стойке контроля, показываю те самые «корочки»: «Мне бы передать членам семьи газовый баллончик, они забыли взять, а я — отдать». Ответ: «Проходите». У дверей из здания меня снова останавливают сотрудники охраны, и снова выручают «корочки». Мечусь среди самолётов, но своих не вижу.

Возвращаюсь в здание аэровокзала и в удивлении качаю головой: не так давно в метро чуть не заарестовали из-за удостоверения, а здесь и слова против никто не сказал. Поистине, неисповедимы пути твои, Господи!

Анатолий ГРЕБНЕВ

Я ВЕСЬ ВО ВЛАСТИ РОДСТВЕННЫХ ПРИМЕТ

НА СИНАЕ (МОНАСТЫРЬ СВ. ЕКАТЕРИНЫ)

Пуста библейская пустыня,
Но вот она передо мной —
Вот монастырская твердыня
С Неопалимой Купиной!

Вот — красоты неповторимой —
В гранитных стенах восстаёт
Приют святой Екатерины
И православия оплот.

Сиянье истинного света
Неопалимой Купины —
Полуторатысячелетье
Монастырём охранены.

Никто по воле Магомета
Здесь грабежей не допустил,
Он сам, купцом переодетый,
Святыню эту посетил.

Поставил он свою дланью
Охранной грамоты печать,
Как знак того, что мусульмане
Должны святыню защищать.

Не преступали той поруки
До славы нынешних времён
Ни крестоносцы, ни мамлюки,
Ни турки, ни Наполеон.

Анатолий Григорьевич ГРЕБНЕВ родился 21 марта 1941 года в селе Чистополье Котельничского района Кировской области. Окончил Пермский государственный медицинский институт (1965), Литературный институт им. А. М. Горького (1976). Трудовую жизнь посвятил медицине. Первые творческие публикации относятся к концу 1950-х годов. Первый поэтический сборник вышел в 1972 году в городе Перми: «Приволье». Издавался в Вятке, Кирове, Москве, Перми. Автор почти двух десятков книг. Член Союза писателей СССР/ России (1978). Заслуженный работник культуры РФ (2004). Лауреат нескольких литературных премий, в т. ч. им. А. Гайдара (1980), им. А. Решетова (2007). Кавалер ордена Достоевского I степени (2012). Живёт в городе Перми.

И помнить мудрость Магомета
 Сто раз бы надо нам на дню —
 Давно забыли бы на свете
 Про взрывы, пули и резню.

...Во мгле сиреневые горы,
 Они забылись вечным сном.
 И гаснут слабые укоры
 О кратком времени земном.

Вдруг звон могучий и раздольный —
 И сердце вздрогнуло не зря:
 Колокола на колокольне —
 Подарок русского царя.

Звонарь трезвонит, дело зная,
 И хор монашеский гремит,
 И грудь мою среди Синая
 Тоска по родине томит.
 Я прошепчу святое имя,
 Земным поклоном поклонюсь —
 У Купины Неопалимой
 Я за Россию помолюсь.

Она сияет за горами,
 Она во мне, она со мной —
 Горит-пылает, не сгорая
 Неопалимой Купиной!

ВЕЛИКОРЕЦКИЙ КРЕСТНЫЙ ХОД

Зачем иду я, просветлённый,
 Среди большой толпы людской
 И за крестом, и за иконой —
 С любовью, верой и тоской?

Зачем я вглядываюсь в лица,
 Как будто я хочу узнать
 Родного брата, иль сестрицу,
 Иль похороненную мать?

Зачем я слушаю молитвы
 И подпевать стараюсь им,
 И чувствую, что все мы слитны
 Единым сердцем — вместе с Ним?..

А ночью лес в цветущих купках
 На откуп отдан соловьям.
 И голубой июня купол
 Объял природы светлый храм.

И пусть заброшенный просёлок
Таит церковей немую сень,
Полуразрушенные сёла
И боль забытых деревень;

Смотри на крест, шагай за другом,
Среди людей своих дыша, —
Преображается округа,
И возрождается душа!

И вечно будет жить Россия,
Пока с крестом из года в год
Идёт, идёт в места святые
Великорецкий крестный ход!

* * *

Где поле с лугом вышли к речке,
Ольшаник хмелем перевит.
Какое славное местечко,
Какой с холма
Привольный вид!
Знать, наши предки не случайно
Для сельбиш выбрали места,
Ведь вместе с пользой
Изначально
У нас ценилась красота.
Скоропалительное время,
Забыло ты в дыму побед,
Что здесь была-слыла деревня,
И вот — её в помине нет.
Но бродят здесь былого тени,
И проясняется теперь
Порожний счёт приобретений
С необратимостью потерь.
И лишь родной душе заметный,
Сдержав на всполье прущий лес,
Здесь русский дух
Тысячелетний
Не растворился, не исчез!
И вдруг почудится такое,
Что дальше ноги не идут.
Как будто поле силовое
Тебя удерживает тут!
Пусть в мать-и-мачехе цветущей
Та корневая длится связь,
Чтоб жизнь и здесь,
В страде грядущей,
С гнездовой старых началась!

* * *

Почти безотчётно сорваться,
Помчаться
На отзвук, понятный тебе одному.
И вновь испытать позабытое счастье —
Опять очутиться в родимом дому.

Осевшей избе до земли поклониться
(Спасибо, не продал её сгоряча!).
Лик Матери Божьей на тёмной божнице
И лик материнский осветит свеча.

И всё, что так душу твою истомило,
Сольётся и скажется в чувстве таком,
Что дрогнут в ответ дорогие могилы
И тихо вздохнёт оживающий дом.

И всё, что они, отстрадав, не предали,
Любили, хранили,
Тебе сберегли,
В душе просияв, отзовётся из далей
И больше уже не пребудет вдали.

И ты, холодея, в порыве едином
Постигнешь,
Родные узнав голоса,
О чём над могилами ропщут рябины
И землю обняли зачем небеса.

ЛАСТОЧКА-КАСАТКА

Со свиданьем, родина!
В родовой избе
Я вернулся, вроде бы,
К самому себе.
Ничего не делаю,
На крыльце сижу,
За касаткой смелою
Радостно слежу.
У неё заботушка —
Птенчики пищат:
День-деньской работушка —
Кормит ластовчат.
Улетит, воротится,
Заснуёт опять.
Всё она торопится
Их крылом обнять.
Здесь, под кровлей светлою,
Гнёздышко свила.
А скажи, приветная,

Ты меня ждала?
Ты ведь знаешь, ласточка,
Знаешь, почему
Нету мамы ласковой
У меня в дому.
Свет души застенчивый,
Отчее село...
Мне бы тоже птенчиком
Под твоё крыло!

СИНАЙСКИЙ ВОРОБЕЙ

Пожалуй, он нигде не оплошает,
До слёз родной проныра — хоть убей! —
Смотрю, как сладко финики вкушает
На финиковой пальме воробей.
Наверняка по-русски разумея,
Чирикая, он сел на пляжный тент.
Да ты не из России ли, земля?
Или с двойным гражданством, диссидент?

Спасибо, ты мне Родину напомнил!
Пускай она отсюда не видна,
Хочу я, чтоб и ты душою понял:
У нас от Бога Родина одна.

Здесь нет зимы.
Да там твои собратья —
Их греет и в мороз родимый дым!
Могу тебя на Родину забрать я —
Давай-ка завтра вместе полетим!

* * *

А нынче я на кладбище гощу,
Поскольку в гости я к родне приехал.
Отрадно мне. А если я грущу —
Осенний тихий дождик мне в утеху.

Я весь во власти родственных примет.
Всё отошло, что временно и лживо.
И здесь опять — как произнёс поэт —
«Минувшее меня объёмлет живо».

Здесь невечерний свет родимых мест
Опять и воскрешает, и карает.
И ты поймёшь в очередной приезд —
Минувшее
В душе
Не умирает.

Галина ШЕСТАКОВА

САНИЯ. Рассказ

Сания возвращалась с работы, уставшая и продрогшая. По дороге забрала из школы сына, взвалила на плечо его неподъёмный портфель, ругаясь на школу, на учебники и на своего первоклашку, который засматривался то на птиц, то на собак и болтал без умолку про пацанов из класса. Всё это вылетало у Сании из головы тут же. Она думала, чем его накормить, напился ли опять Вовка и донёс ли зарплату до дома. И свекровка наверняка начнёт бубнить, что Сания, кошка приبلудная, мало зарабатывает, дармоедка. Да и не свекровка, по сути, она Сании, она мать её сожителя.

Целый день проработав лопатой на морозе, в Ледовом городке, Сания опухшими, негнушимися пальцами пыталась выгрести из кармана мелочь и купить хлеба в ларьке. Монетки выскальзывали из красных обмороженных пальцев и падали на снег. Сания наклонялась за ними, шапка сползала на глаза, портфель падал и больно стучал её по ноге. Она сдерживала слёзы, чтобы не расплакаться перед продавщицей-узбечкой и сыном. Сын, не переставая болтал, смеялся и рассказывал что-то смешное.

Сания со злостью бросила портфель сына, встала на колени, выковыряла из снега все монетки и шлёпнула их узбечке:

— Булку дай!

Узбечка брезгливо поджала губы и осторожно, по монетке, вытянула деньги из блюда чумазым пальцем с облупившимся красным лаком на широком и коротко обстриженном ногте.

Сания с ненавистью посмотрела на неё, подумала, что косоглазая, а туда же, брезгует ей, русской.

Продавщица-узбечка плюхнула булку хлеба и, как только Сания забрала её, захлопнула окошко ларька, поставила табличку «закрыто» и отвернулась.

Когда добрались до дома, стало совсем темно. У подъезда снова вывернули лампочку, и Сания на ощупь тыкала в разбитый кодовый замок. Кнопки опять заедало. Она разозлилась, слёзы горячими обжигающими струйками потекли по щекам. Сания ожесточённо ткнула в двойку и сорвала ноготь. Замок противно пикикнул, и подъезд дыхнул душным теплом.

— Да пошли уже! — Она не утерпела и дёрнула сына за воротник.

Поднялась на третий этаж, ткнула ключом в скважину, пробормотав про себя «даже не думай сломаться», пнула дверь.

Галина Геннадьевна ШЕСТАКОВА родилась 22 декабря 1967 года в городе Перми. Училась в школе N 92, окончила Пермский финансово-экономический колледж (1994), Уральский институт экономики, управления и права (2003). Пишет повести и рассказы, публиковалась в литературно-художественных журналах. Член ПКОО «Союз писателей России» (2019). Работает в ООО «Садово-парковое хозяйство» главным бухгалтером. Живёт в городе Перми.

В квартире темно и тихо. Свекровка то ли спит, то ли притаилась за дверью, дожидаясь Сании, чтобы высказать за оставленную невымытую посуду.

Дверь в комнату, где Саня живёт с Вовкой и сыном, закрыта. И из-под двери не видно света. Видимо, Вовки дома нет.

«Пропивает зарплату, сволочь!»

Саня сжала зубы и, не снимая разбитых и покрытых белой солевой коркой сапог, подошла к двери комнаты. Прислушалась. А сын, всё говорил, говорил... «Хоть бы заткнулся!»

Она толкнула дверь и нащупала выключатель.

Вовка висел на крюке от люстры, вывалив синий язык. Почему-то в мокрых штанах. Она не испугалась и ничего не почувствовала, подошла к нему, встала в лужу. На столе, рядом с болтающимися ногами Вовки, лежала нацарапанная записка: «Ни кого не винить. Я сам».

— Мама! — В комнату вошёл сын и схватил Санию за руку. — Зачем он?

— Вон! — Саня завизжала. — Иди вон! Не смотри!

— Чего разоралась, падла? — Жмурясь с темноты, зашла свекровка и увидела сына. — Ой, сыночка! — Завыла без перехода. — Ой, родненький! Это всё падла эта! Она тебя уморила! Привёл её, с нагулянным! А она тебя-а-а-а-а...

Саня не слышала свекровку. Словно пузырь на голове: видно, как свекровь разевает рот, кричит, вся красная и в слезах, а звука нет. Пошла на кухню, по пути за воротник выволокла сына из комнаты и втолкнула его в спальню свекрови, взяла большой разделочный нож и вернулась в комнату. Отодвинула свекровь, так, как двигают стул, залезла в грязных сапогах на стол и стала пилить верёвку... про себя ругая Вовку, что опять давно не точил ножи. Но потом подумала, зачем их точить, мяса-то давно не ели, так, чтобы куском большим, всё кости покупали на бульон и дешёвые сардельки, нож этот-то и не нужен вовсе.

Сознание раздвоилось. Саня, наблюдала за собой со стороны: вот она стоит на столе, в грязных сапогах, и пилит верёвку. Вот нож срывается и пилит уже по её пальцу. Ей не больно, но рука дёргается от ножа, и начинает капать кровь, Вовке на воротник.

Странно, почему она ничего не чувствует?

Вовка кулём упал на пол. Весь воротник в каплях крови Сании. Теперь-то что надо делать?

Она стояла на столе у болтающегося рядом обрезка верёвки, с ножом в руке, и смотрела на Вовку и свекровь, содрогающуюся в плаче. Смотрела сверху и не хотела спускаться.

Вовка лежал в луже собственной мочи, и сейчас до Сании, наконец, дошёл запах, мертвенно-холодный и резкий. Заболел порезанный палец. Она стояла и никак не решалась спуститься вниз. Смотришь сверху, и как бы это к тебе не относится. Там, внизу, смерть и слёзы свекрови. И с этим надо что-то делать, а сил нет.

Свекровь перестала завывать и ухватила Санию за штанину:

— Слазь, падла! Надо милицию вызывать.

Саня подчинилась, спустилась со стола на пол, к грязному сапогу прилипла записка Вовки. Саня села на стул, осторожно отлепила записку и прочитала ещё раз.

«Ни кого не винить. Я сам».

Ничего не изменилось. Только записка была вся в следах сапог Сании.

«Я сам», — ещё раз прочитала она. Сам. Зачем?

Сам залез в петлю. Зачем? Что плохо-то было? Ну,пил по-маленьку. Работа была. И Сания его любила. Любила ведь?

Сания сидела и тупо смотрела на записку. Свекровь выла и тыкала в неё старой облезлой «Нокией».

Любила. Не сразу, правда, любовь эта пришла.

Жить-то начали сразу после школы. Сания после восьмилетки пошла в ПТУ. А Вовка работал грузчиком. Но Сании всё было тесно с ним. Чувств хотелось. Любви какой-то сильной, как в кино. А любви не было. Секс был. А любви...

Потом встретила Игоря и влюбилась. Без памяти. Всё бросила. И Вовку, и ПТУ. Бегала за Игорем как собачка, в глаза заглядывала, всё одобрения ждала. А как забеременела, он сбросил.

А через неделю увидела его с новой бабой. Красивой блондинкой. Она всё смеялась, смеялась... В ярком цветастом платье. Волосами встряхивала, губки яркие то сжимала кокетливо, то облизывала розовым языком. Игорь смотрел как замороженный на губы и язык. Ходил за ней как привязанный и искал одобрения. Руку ей подавал. Пиджак на плечи накидывал, а она его сбрасывала в пыль.

Сания не выдержала и бросилась на неё. Хотелось разбить ей лицо. Разодрать в кровь, чтобы не смеялась больше. Убить её хотелось. Никогда не думала, что способна на такое. Еле отташили. Не помнила она себя тогда. А Игорь даже разнимать не бросился. Стоял и кричал, что Сания дура истеричная.

После того как сын родился и подрос немного, Вовка её уговорил опять вместе жить. Любил он её. Сания это только потом поняла. Разве ж мужик возьмёт бабу с чужим ребёнком, да ещё бросившую его ради другого? Точно любил.

А сейчас он лежит в луже мочи, и всё что от него осталось — записка «Я сам». Зачем?

— Да звони ты! — свекровь трясла Санию за плечи.

Сания послушно взяла телефон и набрала номер.

— Полиция, — устало ответили.

— Умер... — (больно выговаривать это слово) — Вовка умер. — Сания посмотрела на свекровь. — Лежит в моче весь.

В трубке помолчали немного и сказали:

— «Скорую» надо вызывать сначала.

— Чего её вызывать-то. Повесился он. — Сания удивилась. — Не дышит. Синий весь.

— Адрес, — сказали сухо. — Ничего не трогайте до приезда полиции.

Потом приехали три человека. Им было наплевать и на Санию, и на Вовку. Писали, спрашивали, фотографировали. А Сания всё сидела с запиской, пока её не отобрали.

Сказали, в дело надо подшить. Дело-то уголовное, раз самоубился. И на завтра вызвали в двенадцатый кабинет.

Потом увезли Вовку в морг. Приказали из комнаты выйти, повозились и вынесли большой чёрный пакет. Сания зашла в комнату. Пусто и страшно. Весь пол в мокрых следах. То ли от снега с улицы, то ли лужу мочи расташили.

Саня вымыла всю квартиру с хлоркой, потом подъезд. Потом посуду. Потом сына.

Сын засыпал уже в ванной, стоя под душем. И всё разговаривал. Голенький и смешной. Похоже, так и не понял, что папы Вовы больше нет.

Свекровь всё время ходила за ней и бубнила:

— Жерножопая, уморила сыночку моего.

— Русская я, сколько тебе говорить, — вяло отбивалась Саня. — Бабка моя да, азербайджанкой была. Все остальные — русские. И я русская.

— Жерножопая падла.

Саня всё делала автоматически, главное быть занятой и не думать.

Не думать, где они теперь с сыном жить будут. С Вовкой не женаты. В квартире она не прописана. Своего жилья нет. Свекровка, как пить дать, выставит прямо завтра на улицу.

Не думать на какие деньги Вовку хоронить. Денег нет. Перед Новым годом всё получила на праздник. А Вовка, Вовка... Где теперь его зарплату искать?

«Горе, какое горе, — подумала Саня. — Слово-то смешное ка-кое-то, как два камня-голыша во рту перекатываются, стучаясь друг об друга».

Горе.

Горе ломает человека. Обрушивается, накрывает тяжёлым ватным одеялом, не пропуская ни радости, ни солнца. Человек мечется, задыхаясь под этой свинцовой ватой, не веря, что в жизни может быть по-другому.

Когда сын уснул, на Санию накатили все чувства разом. Она тихонечко завывала, кусая губы, чтобы не разбудить сына.

Утром побежала в контору, клянчить денег. Мастер Оксана, строгая хохлушка, сказала:

— У тебя часов мало отработано, Саня. Я поговорю, конечно, но обещать не могу. — Потом посмотрела жалостливо на неё.

За ночь и без того худая Саня вся заострилась, ломанные линии лица ещё больше выступили, и проявилось бабкино — азербайджанское жёсткое и угловатое.

— Держись, Саня, — похлопала Оксана по руке и через полчаса уехала к директору, просить за Санию. — Завтра выходи на работу, слышишь? Тебе ребёнок кормить надо.

Потом Саня поехала в двенадцатый кабинет.

Молоденький следователь, которому ещё всё интересно, смотрел на Санию изучающее.

— Ну, гражданка Соболева, рассказывайте, что случилось.

Саня покорно рассказала следователю. Всё подробно. Ответила на все вопросы. Но следователь не верил, видно было. Знал про грешок Сани.

— Вы же, гражданка Соболева, не так давно освободились. И сидели по статье 115 в части 2. Два года.

— Да, гражданин начальник. — Саня сгорбилась. — Нанесение телесных повреждений с обстоятельствами. Освобождена досрочно. За хорошее поведение.

— Опять, наверное, приревновали сожителя своего? — усмехнулся следователь. — С чего бы он в петлю полез? Если, как вы говорите, всё у вас хорошо было?

— Не знаю. Пришла, он висит. Я его любила, гражданин следователь.

Тут на Санию опять накатило. Придавило свинцом. Она завывала тоненько от бессилия.

— Любила я его! Любила! — Она захлёбывалась, комкая в руках белую в катышках акриловую шапочку. — Любила! Он же всё знал про меня и замуж звал! И любил меня! И сына моего! А я, дура, всё не верила ему...

— Ну-ну, Соболева! — Следователь испугался, побежал к чайнику, и расплёскивая воду, наполнил чашку. — Выпейте. Всё утрясётся. Вас же никто не обвиняет!

Сания пила, чашка била фаянсовым боком по зубам, вода выливалась на шапку и джинсы Сании.

После этого всё прошло как в тумане: беганье по инстанциям, справки, договориться, решить, морг, похороны, поминки.

Свекровка не помогала, смотрела исподлобья с ненавистью и шипела «падла и жерножопая». Но из дома не гнала. Сания ходила на цыпочках, старалась не злить её, лишь бы не выгнала.

После девятого дня Сания сдалась. Собрала в мятый чемодан пожитки и приготовилась уйти. Села у стола, дожидаясь сына из школы, руки на коленях — красные, натруженные. А перед глазами так и стоит записка «Я сам». Дело следователь закрыл, сказал, что «не волнуйтесь, гражданка Соболева, нет состава преступления».

Сания провела рукой по облупленной клеёнке. А на полу до сих пор видно пятно от мочи, чуть более светлое, чем краска вокруг. Что за жизнь такая... непутёвая. Она полюбила — в тюрьму попала. Её полюбил — умер. Только после его смерти она поняла, что всю жизнь одного Вовку и любила.

— Собралась? — В комнату вошла свекровка.

— Всё одно выгонишь, — вздохнула Сания. — Ненавидишь ведь меня.

— И куда с пацанёнком пойдёшь?

Сания провела ещё раз по клеёнке, когда-то они покупали её вместе с Вовкой.

— Оксана разрешила в бытовке пожить.

— Зимой? — Свекровь хмыкнула. — Ну-ну... Не жалко сына?

— Жалко не жалко, жить негде. — Сания всё смотрела на клеёнку. Цветы поблёкли, а были когда-то яркие и радостные.

— Вот чего, Сания, — свекровка первый раз назвала её по имени, — оставайся. Вовка любил тебя. И сына твоего. — Она вздохнула. — Мечтал всё, что ты ему родишь. Не случилось.

Сания молчала и слушала. И плакала. Не стесняясь.

— У меня нет никого, — продолжила свекровь. — Что ж мы будем одно горе по разным углам мыкать. Расписаны, не расписаны вы были — неважно. Жили как муж с женой. Всё одно семья. Вот и будем семьёй жить.

Наталья ГУМЕРОВА

ЛИНИЯ ПОБЕГА

* * *

Моя симпатия к тебе —
Полунамёк, полуулыбка,
Полудвиженье, полубег,
Полубман, полуошибка...

Приставка «полу», как табу...
Такие чувства под запретом.
Попробуй обмануть судьбу,
Оставшись ангелом при этом.

Нет! Пусть решают небеса —
Отвергнуть чувства иль забыться...
Полумечта, полуслеза,
Полужелание влюбиться...

* * *

Я с годами всё крепче влюбляюсь в весну,
В эту сырость и эту тягучую свежесть...
То рыдает, склоняя к покою и сну,
То играет со мной, унося безмятежность...

Озорно улыбается, глядя в глаза,
Мол, давай пошалим, вспомним давнее детство.
И задорно хохочет юла-егоза...
Вот уж правда, от грусти хорошее средство.

Этим средством как сладким лекарством лечусь.
И когда беспокоят тревога и хмурость,
Я весне, словно деве пречистой, молюсь,
Чтобы в сердце любовь и надежда проснулись...

Наталья Евгеньевна ГУМЕРОВА родилась 30 января 1973 года. Окончила строительный факультет Пермского государственного технического университета (1994). Работала в управлении «Подземметаллзащита». Увлекается декоративно-прикладным искусством: мастер-кукольник. Занималась в литературной студии «Тропа» при Дворце детского (юношеского) творчества города Перми. Лауреат нескольких поэтических конкурсов, в т. ч. Пермского краевого — им. А. Решетова (2011). Публиковалась в различных сборниках и альманахах, в т. ч. «Литературная Пермь». Автор поэтических сборников «Когда приходит вдохновенье» (2006), «Я нарисую бесконечность» (2008), «Туда, где царствует любовь» (2016), «Улыбнись восходящему свету» (2019). Член Пермской краевой общественной (профессиональной) организации Союза писателей России (2016). Живёт в городе Перми.

ЗАБЫТЫЙ СОН

К чему опять забытый сон?
Ведь он, увы, не станет явью,
Но бьётся сердце в унисон
Ветрам степным и разнотравью.

Немое утро... Свежий луг,
Огни душистого кипрея...
От теплоты знакомых рук
Дрожу, волнуясь, пламенею...

На травах сладкая роса,
У ног горят ромашки-свечи,
И льются синью небеса
На наши головы и плечи...

О чудеса, опять люблю!
Не скрыть ликующей улыбки.
«Продлись, видение!» — молю,
Но сны неведомы и зыбки...

По венам разошёлся свет,
Казалось, сон — не сон, а явность,
Но в окна заглянул рассвет...
И возвратил меня в реальность.

* * *

Что со мной?.. Я хочу улыбаться...
Улыбаться всему, что вокруг,
Загорелой листвой любоваться,
Трепетать от рябиновых рук...

Упиваться распахнутым небом —
Небывалой красой облаков,
Собирать, как по крошечке хлеба,
Впечатленья для новых стихов...

Наслаждаться сентябрьской прохладой,
И мечтать... И мечтать об одном...
Чтобы в царстве осеннего сада
Раствориться до капельки в нем...

ШЕСТОЕ ИЮНЯ

Шестое июня... По тёплой подушке
Доверчиво солнечный зайчик скользнул...
Мне снилось, что в гости пожаловал Пушкин
И на ухо что-то тихонько шепнул...

Я видела явственно берег скалистый
И скованный цепью раскидистый дуб...
И месяц, затянутый дымкою мгlistой,
И в чаще лесной покосившийся сруб...

Прошлась по песчаной косе лукоморья,
Заметила рыбку на пенной волне,
И влажные брызги солёного моря
Игриво вздымались на волосы мне...

Меняла наряды, обличия, маски,
Вкушала чужую и радость, и боль...
И чудилось мне, будто я в этой сказке
Живу и играю заглавную роль...

* * *

Я больше не боюсь вас потерять,
Не плачу, не тревожусь, отпускаю...
Легко поправлю выпавшую прядь,
Поверхность губ помадой приласкаю,

Ресницы чёрной тушью подведу,
Взгляну на отражение с улыбкой...
И, выпив чашку кофе на ходу,
Ступлю на снег, искрящийся и липкий...

На варежке снежинку разгляжу:
Ах, как она чиста и совершенна...
Я больше вас, далёкий, не держу,
Спектакль окончен... Опустела сцена...

Не спрашивайте, милый, «Почему?»
И душу зыбким счастьем не смущайте...
Вернётесь вы — безропотно приму,
А не вернетесь — выкрикну: «Прощайте!..»

ПРОШУ, ФЕВРАЛЬ...

Прошу, февраль, не надо снега...
Не заметай его следы,
Оставь хоть линию побега,
Хоть тропку тонкую во льды...

Где среди айсбергов стеклянных
Родная прячется душа,
И ветры воют неустанно,
Всё разметая и круша...

Я стала б солнечной стрелой,
 Пронзая холода тиски,
 И растопила бы любовью
 Его замёрзшие виски.

Объятые огненно-горячим
 Больное сердце обвила,
 Обиды, страхи, неудачи
 Заволокла волной тепла...

Накрыла б ласковою негой
 Пространство вечной мерзлоты...
 Прошу, февраль, не надо снега...
 Не заметай его следы...

МНЕ НЕ ЖАЛЬ...

Мне не жаль для тебя
 Ни признаний, ни чувств...
 И болею, любя,
 И любовью лечусь.

Закрываю глаза, —
 Обнимаешь во сне...
 Кто, скажи, привязал
 Твои руки ко мне?..

Кто навечно вписал
 Это имя в душе?..
 Прокричу в небеса:
 «Отпустите уже!..»

Безоглядно прошу,
 Боль любую стерплю...»
 Но чем больше прошу,
 Тем сильнее люблю...

БЫЛА...

Неужели не было любви?
 Неужели мне это приснилось?
 Не травмируй душу, не травми,
 Чтобы сердце не остановилось...

Ветер воеет жалобно в трубе,
 Вьюга горько слёзы распускает...
 Я запомню лучшее в тебе,
 Обниму и нежно приласкаю...

Прошепчу красивые слова,
До руки дотронусь на прощанье...
Нет! Не верю! Вьюга не права...
Были чувства, были обещанья!

Были дни нежнее облаков,
Были ласки мягче кашемира...
И была Она, была Любовь!
Счастье, заслонившее полмира...

* * *

Снег метёт по аллее, —
Дань февральскому дню...
Ни о чем не жалею,
Никого не виню...

Понимаю, не вечны
Ни мечты, ни слова...
Наши краткие встречи —
Что резная листва:

Возродится с весной,
Летом сил наберёт...
Разомлеет от зноя,
Прикорнув у ворот.

Станет осенью яркой
Лица солнца алей,
Драгоценным подарком
Скрасит тропы аллей,

Отгорит, отболеет
В память первому дню...
Ни о чем не жалею,
Никого не виню...

Часть 2

Николай ПОЛОТНЯНКО (об авторе см. с. 5)

ИЗ ЛЕТА В ЗИМУ ПЕРЕПРАВА

РУССКИЙ ПОЭТ

Он русский поэт, и не надо
Его ни жалеть, ни любить.
Он просто один среди стада
Россию готовых забыть.

Один, кому стыдно и больно,
Что мы не по правде живём,
Среди и слепых, и довольных
Своим повседневным ярмом.

Он совесть и честь в душах будит,
И стать не даёт нам зверьми.
Умрёт он, и люди забудут,
Что были когда-то людьми.

КРЕЩЕНСКОЕ УТРО

Валентине Ищенко

Хрупнул снег в крепко сжатой ладони,
Пальцы жжёт холодком ледяным.
Спят деревья, как белые кони,
В куржаковый укутаны дым.

В небе звёздные гаснут крупичицы.
И с востока, туманно горя,
Осторожно рыжей лисицей
Пробирается в тучах заря.

Свет крадётся по мягким сединам,
По навьюженным снежным буграм,
По нахоженным тропкам мышиним,
По запутанным заячьим следам.

Луч скользнул по вершинам деревьев,
На заснеженной вспыхнул копне.
И в засыпанной снегом деревне
Отразился в морозном окне.

Сразу стало теплее в избёнке
Даже в лютый крещенский мороз.
И всевидяще глянул с иконки
В мою душу ребёнок Христос.

МОРОЗ

Неспешно дожил я до февраля.
 В окошко глянул — милая погода.
 За город на просторные поля
 Метель умчалась, там её свобода.

Она рои гоняет белых мух,
 Сбивает их в упругие сугробы.
 И на постель Морозу стелет пух
 Из снега, самой нежной пробы.

Метель в полях кружится и зовёт
 Луну скорей в потёмках раствориться.
 Но сон к Морозу так и не идёт,
 Никак не может он угомониться.

То мышка пискнет глубоко в снегу,
 То филин разразится жутким смехом.
 Как будто сговорились старику
 Устроить хулиганскую потеху.

Куда не повернётся, всё не так.
 Давно уже такого не случилось.
 Пока дремал он, снег вокруг размяк.
 Знать, оттепель внезапная подкралась.

В мокре его усы и борода...
 Но от беды есть верное спасенье:
 Пора морозить всё, не то вода
 Затопит по-весеннему селенья.

И встал Мороз в свой исполинский рост,
 Рукой к звезде Полярной прикоснулся.
 И холод всё пронзил вокруг насквозь...
 Он лёг в сугроб и сладко потянулся.

**ПИСАТЬ СТИХИ
 ИЛИ ЗАМОЛЧАТЬ?..**

Писать стихи или замолчать?..
 Хотя они ещё не в тягость,
 Но чем-то стала утомлять
 Последняя земная радость.

Нет светлой лёгкости в душе,
 Всё тяжелей стихосложение,
 Поскольку рядышком уже
 И жизнь, и вечное затмение.

Они сошлись почти впритык,
Оставив шёлку для ухода
Душе, когда настанет миг
Ей обрести свою свободу.

За ней сомкнутся смерть и жизнь.
И тьма библейская настанет.
Во мне погаснет Божья мысль,
И древо времени завянет.

ИЗ ЛЕТА В ЗИМУ ПЕРЕПРАВА

Из лета в зиму переправа —
Причалит осень к декабрю.
Засыплет снег траву-отаву,
Взобьёт перину снегирию

И не забудет снегириху.
Рябины гроздь подсластит,
Меня заманчиво и тихо
На первоснежье пригласит.

Я выйду в сад, как день настанет.
Пройдусь по солнечной тропе.
И взор слезинка затуманит
Внезапной жалостью к себе.

И я в свой час усну под снегом
И обращусь в ничтожный прах.
И лишь душа бессмертным эхом
Звучать останется в стихах.

ПУХЛЯК

Снег, белый ласковый пухляк,
Всё вокруг накрыл мягчайшим пухом.
Повис клоками на ветвях
И что-то сделал с нашим слухом:
Премного стало тишины,
Исчезло эхо. До весны
От многоснежья стало глухо.
Но первый ласковый снежок,
Как говорится, не лежок.
И солнце — рыжая корова —
Слизнула снег, и будь здорова.
И обнажились листья, грязь,
Большая лужа у забора...
Сиротский день сменился скоро
Промокшей мглой. В полночный час
Луна, как выпученный глаз,

В моё уставилась окошко.
 На крыше заорала кошка,
 Что разругалась вдрызг с котом.
 Но скоро я забылся сном
 В домишке рубленном моём...
 И мне приснился белый заяц,
 Пухлявый, шустрый, озорной.
 За ним я гнался, запинаясь,
 По узкой тропочке лесной.
 И вдруг проснулся. С изумленьем
 Увидел, как в моём окне
 Снежинки заняты круженьем
 В рассветном блещущем огне.
 И снежный белый пухлячок
 Всё вокруг накрыл мягчайшим пухом...
 За стенкой кашляла старуха,
 И звонко-звонко пел сверчок.

ПОЦЕЛУЙ НА МОРОЗЕ ТАК СВЕЖ

Наста снежного яблочный хруст.
 Запах сдобы печёной из кухонь.
 Притаился сиреневый куст
 Под накидкой морозного пуха.

Разрывая сугроб, рыжий пёс
 Снег хватает горячею пастью.
 Зимний город опутан насквозь
 Серебристою иневою снастью.

Снег, белее белёных овчин,
 Приодел и берёзы, и липы.
 Отражаясь, играют лучи,
 И слышны снегирины скрипы.

На ресницах растаявший снег
 Озарил всё волшебным сияньем.
 И, волнуясь, глядит человек
 На деревья, трамваи и зданья.

Он влюблён. Молодая душа
 В дым хмельна от надежд и восторга.
 И навстречу подружке спеша,
 Он скользит с ледяного пригорка.

Поцелуй на морозе так свеж,
 Так пленительно вкусен и сладок...
 Беззаботное время надежд
 И счастливая жизнь без оглядок.

ЛЕДОК В ДВА ПАЛЬЦА ТОЛЩИНОЙ

Ледок в два пальца толщиной
Скрипит и гнётся под ногой,
И трещины бегут кругами...
Над жёлтыми степными берегами
Сияет день морозный. И когда
Под светлым льдом зелёная вода,
Замёрзший воздух в хрупкой корке льда
Переливаются, играют быстрым светом,
То радужно-тепло, как будто летом,
Река насквозь просвечена до дна.
На дне коряга чёрная видна.
И лёгкая подлёдная волна
Чуть-чуть вокруг неё траву колышет,
И рядом шука замерла, не дышит...
Но вдруг подует ветерок колючий,
И набегут взлохмаченные тучи.
И с берега, откуда ни возьмись,
Промчит позёмка стаяй белых лис.
Приятно душу освежить ознобом
И под метелью белой, пуховой
Идти домой по молодым сугробам
С весёлой просветлённой головой.

ПО ПЕРВОМУ ЛЬДУ

Нам страшно и весело было
По первому льду, налегке,
С бездумным ребячьим пылом
Лететь на коньках по реке.

Непрочный ледок прогибался,
Скрипел и от трещин белел.
И каждый из нас задавался,
Как будто взаправду был смел.

Мы мимо домишек и ветел
Летели по хрупкому льду.
И в спину толкающий ветер
Нас вмиг уносил за версту.

Нам страшно и весело было
Катиться по плоскости льда...
И в трещинах следом бурлила,
На лёд поднималась вода.

Светлана ЗАМЛЕЛОВА

СТОРОЖКА. Рассказ

Единственный в городе троллейбусный парк разделён на два участка. И на каждом есть свои ворота, своя будка со сторожем и свои псы-приблуды — разномастные, разновеликие, каждый со своей особенной судьбой. На первом участке — ближайшем к шоссе — ночуют троллейбусы, покорно свесившие рога и готовые хоть с рассветом нестись, подпрыгивая, куда угодно. На дальнем от шоссе участке хранится автомобильный хлам, и водителям городского автопарка позволено приходить сюда по запчастям. Но охотников до хлама, среди которого обосновались два пса, не так уж и много. Вот почему фонари над этим кладбищем созданий рук человеческих загораются нечасто.

Осенними ночами под окном дальней сторожки разлита чернильная тьма. Правда, там, где, словно кони в стойле, дремлют троллейбусы, всегда горит фонарь. Но свет его похож на свет далёкой звезды, лучи которой не доходят до земли, растворяясь в ночном сумраке. Внутри сторожка освещена лампой, что держится на торчащем с потолка проводе. А потому из темноты видно, что рядом с окном в сторожке стоит стол, а за столом в разные дни появляются то пожилая дама в бурой меховой жилетке, вооружённая против дальновзоркости очками с толстыми стёклами; то старик с обвисшими седыми усами, то и дело отхлёбывающий из чашки, которая, кто знает, чем наполнена; то всматривающаяся в темноту молодая темноволосая красавица. И нет никаких сомнений, что последнее впечатление отзовется у стороннего наблюдателя неподдельным удивлением. Потому что, и в самом деле, молодая сторожиха напоминает цветок, выросший, по прихоти природы, на мусорной куче.

«Все! Все... — с наслаждением думает Инга — а именно так зовут таинственную красавицу. — Все несчастные. И все ненавидят друг друга».

Инга не видела насилия, человеческое зверство никогда не распахивало перед ней своей зловонной пасти. Мера людского несовершенства, преподнесённого Инге судьбой, была столь мизерна, что отравиться ею до бессонницы, до кровавых видений и удушающих ночных кошмаров, было попросту невозможно. Своей каплей Инга

Светлана Георгиевна ЗАМЛЕЛОВА родилась в Алма-Ате. Детство прошло на берегу Карского моря в пос. Амдерма (Ненецкий АО). Окончила Российский государственный гуманитарный университет (Москва). Прозаик, публицист, критик, переводчик. Автор романов «Блудные дети», «Скверное происшествие. История одного человека, рассказанная им посмертно», философской монографии «Приблизился предающий... Трансгрессия мифа об Иуде Искариоте в XX–XXI вв.», книг «Гностики и фарисеи» (рассказы и повести), «Разочарование» (рассказы и фельетоны), «Посадские сказки» и др. Член Союза писателей и Союза журналистов России. Член-корреспондент Петровской академии наук и искусств. Главный редактор сетевого литературного журнала «Камертон». Кандидат философских наук (МГУ им. М. В. Ломоносова), защитила кандидатскую диссертацию на тему «Современные теологические и философские трактовки образа Иуды Искариота». Кавалер ордена Достоевского I степени.

отравилась лишь до тоски, до неприятия людей и презрения к жизни.

Дед Инги, как ей рассказывали, был священником, за что и претерпел перед самой войной, сгинув на бескрайних русских просторах. И эта незавидная судьба стала первой из обозримых Ингой. Бабушка Инги — вдова священника — Ингу невзлюбила, как невзлюбила невестку — Ингину мать. А потому Инга ещё пуще жалела незнаемого деда — отчего-то казалось ей, что будь он живой, и бабушка была бы добрее. А теперь и мать, и бабушка, и мачеха матери — все ненавидят друг друга.

«Ненависть... — думает Инга. — Разве не она движет миром?» Ненависть лишь дремлет в сердцах. Но сон её чуток, и как легко пробудить её! Поддерживать хорошие отношения — значит уметь усыплять ненависть. Но попробуй не угодить, не оказать внимания... Ненависть... Кто, как не она, расставит всё по местам? Кто, как не она, вытравит глупый розовый цвет и окрасит всё в подлинные тона? Только ненависть называет всё своими именами...

У Инги есть профессия. Инга — учитель. Но в школе платят столько же, сколько и в сторожке. Инга сделала выбор. Здесь почти никто не беспокоит её. Днём она читает и кормит собак, ночами смотрит в окно и думает. Вид койки, безразлично занимающей треть сторожки, вызывает у Инги бессонницу, как страшное заклятие — злого духа. Осенними ночами бессонница приходит не одна, но приводит с собою «семь злейших духов». И тогда странные мысли ползут в голову Инги.

Иногда к Инге приезжают друзья, и рабочее время летит совсем незаметно. Вот недавно приезжала к Инге Ольга — школьная подруга. Последнее время Ольга приезжает часто — ей нужно поговориться. А Инга слушает её и всё думает, думает...

Ольга тоже учитель. А теперь, по примеру Инги, из школы подалась в сторожихи, только в автобусный парк. Автобусов в городе больше, чем троллейбусов, да и Ольгино рабочее место не в сторожке, а в одной из комнат, которую днём Ольга делит с диспетчером. К ним заходят водители, и Ольга не надолго остаётся одна.

Из школы Ольга ушла, чтобы высвободить время на подработку. «С Вовкой-то одно было, — объясняла она Инге, — а теперь мне на мои учительские не протянуть с детьми. Хоть побираться иди! Да и побираться некогда — школа все соки выжмет».

С Вовкой Ольга развелась ещё летом. А по весне Вовка объявил, что у него есть другая, и что теперь он намерен жить с ней.

— Всё у тебя... как... как в аптеке, — шипел Вовка, притворив за собой дверь на кухню, чтобы дети не проснулись от голосов. — Ненавижу я эту твою правильность! Всё у тебя как надо, всё... всё прилизано. Хоть бы напилась разок. Хоть бы... Да хоть бы изменила мне, что ли!..

Ольга оторопело хлопала глазами и не хотела верить тому, что слышала.

А толстый и неуклюжий Вовка, молчаливый и добродушный, вдруг точно с цепи сорвался.

— Скучно с тобой, — шипел он на Ольгу, — скучно! Потому что всё у тебя прилично — скучно! А Ксюша... она другая. Она и выпить... и курит. И мужчин у неё было много. Поняла? Не то, что...

Такого Ольга ещё никогда и ни от кого не слышала: чтобы муж

корил жену её же верностью. Наоборот — это сколько угодно, даже и на пустом месте. Но чтобы так...

— А бизнес? — и Вовка, утративший всякую покладистость, сделался язвительным, как старый шут. — Из-за тебя я и бизнес не мог делать... А с Ксюшей мы...

— Какой бизнес, Вова? — перебила Ольга, которой чем дальше, тем больше казалось, что говорит Вовка не с ней, а с кем-то ещё, кого нет на кухне или кого Ольга попросту не видит.

— «Какой!» Ещё спрашивает! — ухмылялся Вовка в пароксизме глума. — А палатка-то? Забыла палатку?.. А с Ксюшей мы на проспекте палатку открываем. А ты сиди тут!.. Хранительница очага... Охраняй вон! — и Вовка кивком указал на вычищенную газовую плиту, украшенную кастрюлей с супом.

Вскоре Вовка и в самом деле открыл палатку рядом с автобусной остановкой. И проходя мимо пестревших за стеклом обёрток жвачки, Ольга ёжилась, хлопала обиженно глазами и всё не могла взять в толк: что же это такое происходит?

— Верно говорят, — жаловалась она Инге, всхлипывая, — мужики эти сами не знают, чего хотят. Живём. Всё есть. Дети. Так нет же — нашёл себе... Я-то чем виновата? Неужто, что не гуляла?

И всякий раз от мысли, что бывший муж хотел видеть её гуляющей, Ольге становилось не по себе, как было бы не по себе, узнай она, что где-то узаконили воровство.

Инга, родители которой развелись лет пятнадцать тому назад, слушает Ольгу молча. Помнит Инга свою обиду и разочарование, помнит и удивление, что выкатилось навстречу радости, с которой встретила развод бабушка. Правда, новая отцова жена так и не желала знакомиться со свекровью, а через год и вовсе отца бросила. И все живут теперь как сычи и ненавидят друг друга.

— Палатку открыл, — рассказывала Ольга, — а денег не даёт. А я, значит, двоих детей одна содержи!..

В самом деле, то ли дела в палатке шли неважно, то ли Ксюша оказалась охочей до денег, только пришлось Ольге думать о заработках. Два дня в неделю Ольга дежурила в автопарке, в свободное время решила заняться репетиторством. Денег выходило больше, чем в школе, и Ольга приободрилась. К тому же в автопарке ей нравилось: работа лёгкая, водители заходят. Кто конфет принесёт, кто так пошутит. Один даже стал ухаживать. Добрые люди тут же предупредили Ольгу, что этот и в свои шестьдесят тот ещё ходок.

«Поголяет и бросит», — шептали ей в одно ухо.

«От жены ни за что не уйдёт, — шептали в другое. — Уж скольких предупреждал: жена на первом месте».

— А мне сейчас такого и надо, — нехорошо похохатывала Ольга, рассказывая Инге о новом ухажёре. — А что? Ни к чему не обязывает, цветы приносит. На автобусе тут катал, — и снова Ольга смеялась странным, не своим смехом.

Как-то, спустя недолго, он позвонил Ольге на мобильный.

— Привет, Витюся! — прошебетала Ольга.

Инга услышала её голос, увидела глаза, и всё поняла.

— Ты что, спятила? — спросила она, когда шебетание прекратилось и телефон был препровождён в сумочку.

— А что? — притворно удивилась Ольга.

— Зачем он тебе? Старый, женатый... Я же видела: тощий, волосёнки седенькие висят — песок того гляди посыплется, а он себя хипарём воображает. Какой-то задри...

— А может, я его люблю! — выпалила вдруг Ольга. — И потом, уж поверь мне — я знаю, мужикам это нравится...

— Что? — не поняла Инга.

— Ну... раскрепощённость там...

— Дура... — разозлилась Инга.

И Ольга обиделась.

«Все несчастные, — думает Инга, оставшись одна, — и все ненавидят друг друга».

И этот скучающий Вовка, потянувшийся из созданного Ольгой бабьего мирка к новым горизонтам, но, за неимением горизонтов, ограничившийся палаткой и шлюхой. И Ольга, пустившаяся во все тяжкие и не понимающая, что палатка стала для Вовки своего рода неприступной крепостью, а шлюха — символом вольной жизни, не ограниченной с четырёх сторон магазином и поликлиникой.

Все несчастные и все ненавидят друг друга.

Муж Инги нашёл работу в другом городе и вот-вот должен вызвать Ингу к себе. И она, конечно, поедет. Но и там, знает Инга, всё будет то же самое.

Инга полюбила смотреть в окно и думать. Летом ночи были светлые и короткие, и мысли рассеивались. Но лишь подкралась осень, и тьма за окном стала цепляться за Ингин взгляд. «За что дедушку расстреляли?..» — думала когда-то Инга. «Значит, было за что!..» — думает она сейчас.

В сторожке Инга сменяет Петраса Йонасовича, бывшего когда-то главным инженером несуществующего теперь завода, литовца по крови, которого все и всегда называли Петром Ивановичем. Пётр Иванович большой любитель пива, но в сторожке алкоголь под запретом. Поэтому Пётр Иванович наливает портер в заварочный чайник, а из чайника, делая вид, что пьёт чай, — в чашку. Когда Инга первый раз пришла на работу, Пётр Иванович оглядел её и, оставшись довольным, сказал приглушённым, заговорщицким голосом:

— Приходи в другой раз пораньше — пивка попью.

— Обязательно, — хмыкнула Инга. Но когда в другой раз пришла в своё обычное время, Пётр Иванович встретил её обиженно.

— Что же ты не пришла? — спросил он таким тоном, словно Инга не пришла на обещанное свидание.

— Куда? — не сразу сообразила Инга.

— Как же?.. А пиво-то мы договорились....

— Знаете, Пётр Иванович, — сказала Инга первое, что пришло ей в голову, — я пива не пью.

— Что же ты пьёшь? — непринуждённо справился Пётр Иванович. — Сказала бы сразу...

— Разве обязательно что-то пить? — пожала плечами Инга. — Ничего...

— Как это? — не понял Пётр Иванович.

Инга смутилась отчего-то и сказала:

— Ну... вино. Сухое.

— Будем иметь в виду, — многозначительно изрёк Пётр Иванович и, очень довольный, поднял вверх указательный палец.

В следующий раз он сказал Инге, смотря куда-то в сторону:
— Хочешь, я вечером сегодня приду? Подежурю с тобой. Вина принесу.

— Не надо, Пётр Иванович, — взмолилась Инга. — Идите домой! И, подумав немного, прибавила:

— Ко мне придут.

— А-а! — с пониманием и в то же время разочарованно протянул Пётр Иванович. — Понятно... Дело молодое.

И, тоже подумав, сказал зачем-то:

— Конечно, я же не газпромковский бухгалтер. И не гаишник с Рублёвки...

Инга хотела что-то возразить, но промолчала и уставилась в пол. Пётр Иванович ушёл.

С той поры он переменялся. Напитков Инге он больше не предлагал, а прошался и здоровался с таким видом, что не оставалось никаких сомнений: Инга навсегда пала в его глазах.

На смену Инге в сторожку приходит пенсионерка Клавдия Никитична и приносит с собой ворох газет. Пока Инга ещё не ушла, Клавдия Никитична успеваешь поведать ей, на ком женился артист N и с кем сожительствует теперь певица Z. И каждый раз с наступлением утра, собираясь домой, Инга гадает, о ком сегодня поведает ей Клавдия Никитична. Одно Инга знает наверняка: каковы бы ни были герои дня у Клавдии Никитичны, она непременно расскажет о них с таким видом, точно от этих чужих и незнакомых людей, от их пустых занятий и никому не нужных передрыг зависит сама Клавдия Никитична или кто-то из её близких.

«Как тяжело с людьми!» — думает Инга. Совсем другое дело — ночью в сторожке. Крупный, лохматый Омон и гладкошёрстный Черныш, чуть превосходящий размером кота, поднимают навстречу посетителям дружный лай. А если долго никто не приезжает ночами — принимаются выть самозабвенно. Сначала один кто-то не то громко вздохнёт, не то зевнёт. Потом выдержит паузу и зевнёт протяжнее, то ли пробуя голос, то ли приглашая товарища присоединиться. И вот уж товарищ подхватит, точно говоря: «Да чего там... Давай на полную!» И тоскливые, протяжные звуки взвоятся тогда над сторожкой.

Стоит Инге выйти на улицу, как псы, почуяв её приближение, затихают и только радостно ворчат, устремляясь навстречу. Но случается, Инга нарочно остаётся в сторожке и слушает собачьи рулады, которые, как ей кажется, похожи на печной дым, вырывающийся из труб и ввинчивающийся в пустые небеса.

Завыл басом Омон. Черныш подхватил и вторит ему фальцетом. Инга всматривается в темноту и думает. И по временам чудится Инге, будто кто-то всматривается в неё из темноты...

Алексей МАЛЫЦЕВ

СТРОКИ О ПЕРМИ

ЗИМНИЕ СБОРЫ

Край повестки махнется,
 дни мои сочтены...
 На затравленных лицах —
 свет армейской луны.
 Растирает комроты
 пунцовеющий нос.
 Матерщина до рвоты
 да крещенский мороз.
 Быть служивым несладко
 даже в мирные дни...
 Минус тридцать в палатке —
 растопи-ка, рискни!
 Ужин выдался клёвый —
 сала свежего шмат...
 Угли каши перловой
 пожужь — захрустят.
 — Ложки в валенки спрятать!
 Живо! Все до одной!..
 С бакенбардами прапор —
 словно батя родной.
 — Что нахмурилась, паства?
 Выражай недовольство!
 Кто кричал «Не удастся
 пострелять!»? На, геройствуй!
 Сердце колет в атаке —
 очокуриться можно...
 Рукавица к гранате
 примерзает надёжно.
 Мы плетёмся понуро,
 ни о чём не жалея.
 Взрывом шапку слизнуло
 с головы у старлея...

Алексей Васильевич МАЛЫЦЕВ родился 20 октября 1961 года в городе Усолье Пермской области, ныне Пермского края. Окончил Пермский государственный медицинский институт (1985). Работал по специальности. В настоящее время трудится в ЗАО «Новомет-Пермь». Первая творческая публикация относится к 1986 году. Первый поэтический сборник вышел в 1995 году в Перми: «Траектория». Издавался в Москве, Перми. Автор более десятка книг — поэзии, детективов, мистики. В качестве сценариста сотрудничает с центральными телеканалами. Член Союза писателей России (1999). Лауреат литературной премии правительства Кировской области им. Н. Заболоцкого (2013). Кавалер ордена Достоевского II степени (2012). Живёт в городе Перми.

В раскорчёванном небе,
в пелерине густой
светит призрачный Дембель
путеводной звездой.

ПЛАЧ ПО ДЕВЯНОСТЫМ

В черед
эпитафий с тостами
вдруг да вспомнятся
девяностые —
там, где мрамор светился тускло
над могилами
новых русских.
Это надо же —
всех уторкать —
не на стрелках,
так на разборках!
Как всё просто:
нажал и выстрелил,
и не стало
Талькова с Листьевым.

Девяностые,
Девяностые...
Перестроиться так непросто нам,
расколов,
как орехи грецкие,
идеалы свои советские.
Зря душа
в прожитое просится,
дескать,
ей это всё —
не по сердцу,
брешут те,
в «Новостях» которые, —
«Есть обратный ход у истории!»

Мини-рынками,
словно коростами,
Русь покрылась вся
в девяностые,
где бельём
торговали на совесть
челноки —
инженеры, то есть.
А народ —
поголовно —
в ауте,
ваше слово,
товарищ ваучер!

Растолкуй,
    как нам быть,
    хрустящий наш,
чтоб,
    минуя ад настоящего,
нам в России другой проснуться,
чтоб без путчей
    и революций.

Девяностые,
    Девяностые...
фрак истории —
    не по росту нам!
Есть вопросы,
    но нет ответов...
Танки целятся
    в Дом Советов.

СТРОКИ О ПЕРМИ

Я снова с этим городом
    готов держать пари,
что он вот-вот капелью с крыш заплачет...
А город улыбается,
    подсвечен изнутри
лучистыми улыбками пермячек.

Закамск и Мотовилиха,
    Нагорный и Компрос,
и памятник Татищеву из бронзы...
Любой вам скажет в городе,
    кто в нём с рожденья рос, —
над Пермью по-другому светят звёзды!

Как в юности, закружит осень
    листья и дома,
и станет Пермь загадочной, как остров...
И Панночка в который раз
    сведёт Хому с ума
в мистическом театре, что у моста...
Балатово и Парковый,
    Краснова и Висим,
и лёд, плывущий по апрельской Каме...
И пусть не по-московски
    мы поём и говорим,
зато зовёмся с детства пермяками!

Николай БАШМАКОВ

НЕВЕЗУЧИЙ ДРИЛЬБОР. Рассказ

В пятницу, в самый разгар рабочего дня, у Геннадия страшно разболелся зуб. Какое-то время терпел, мучился и надеялся, что «само пройдёт». Сказать по правде, зубных врачей он побаивался, потому на чудо и понадеялся. «Само» не прошло, и пришлось ехать в соседнее село, в участковую больницу. Здесь зубных дел мастером работал участковый доктор Владимир Иванович. Стоматолог внимательнейшим образом осмотрел зуб и выдал заключение:

— Зуб вполне нормальный, дёргать рано. Я тебе сейчас поставлю временную пломбу с мышьячком, боль должна стихнуть. Если не стихнет, выковырай пломбу, прополощи рот содой и при первой возможности приезжай ко мне.

На том и расстался. Если бы Геннадий знал, что зубные врачи тоже ошибаются, он не раздумывая заставил бы эскулапа выдрать «вполне нормальный» зуб вместе со всей его корневой системой. Но вера в медицину у него в ту пору была сильна, и эта наивная доверчивость вышла ему боком.

Пломба не помогла. К ночи зуб разболелся так, что у Геннадия появилось непреодолимое желание залезть на ровную стенку без всякого альпинистского снаряжения. К утру это желание переросло в открытую антипатию к Владимиру, потому как попытка выковырять пломбу полностью провалилась. Расковырял лишь десну, отчего щека распухла и боль утроилась. Геннадий диву давался: ему пломбировали зубы, и не раз. Обычно пломба держится хуже, чем застрявшая в зубах косточка от винограда. В этот раз всё получилось наоборот: зуб шатался, десна кровоточила, а пломба сидела намертво.

Дождавшись рассвета, Геннадий покатил в больницу с твёрдым намерением: больше никаких пломб, только дёргать! Этот решительный замысел провалился на первом же этапе. В больнице он понял, что на практике означают слова «при первой возможности приезжай». В данном конкретном случае «возможность» откладывалась на двое суток, ибо стоматолога в больнице не было, и дежурная сестра вежливо объяснила причину его отсутствия:

— Владимир Иванович уехал на охоту и будет только в понедельник. Так что наберитесь терпения...

Терпения осталось совсем мало, и Геннадий взвыл от досады и боли:

— Передайте Владимиру Ивановичу: пусть охотится на зверей

Николай Борисович БАШМАКОВ родился 13 января 1949 года в селе Красная Слобода Слободо-Туринского района Свердловской области. Окончил Тюменское высшее военно-инженерное командное училище (1972), Военно-инженерную академию (1982). Военный инженер: полковник в отставке. Литературной деятельностью занимается с 1991 года. Автор пяти книг. Член Союза писателей России (2014). Кавалер ордена «За службу Родине в Вооружённых Силах СССР» III степени, ряда медалей, в т. ч. юбилейных, медали Польской Народной Республики. Кавалер ордена Достоевского II степени (2017). Живёт в городе Чайковском Пермского края.

и с охоты не возвращается, потому что я тоже озверел и здесь его точно зашибу!

О том, как терпел он эти два дня, история умалчивает, известно только, что к понедельнику Геннадий возненавидел свою работу, сослуживцев, телевизор, участковую больницу, а к утру вообще весь белый свет. Зубного врача он теперь не боялся, он его ненавидел. За два мучительных дня и две бессонные ночи Геннадий пришёл к однозначному умозаключению: зубы даны человеку исключительно для того, чтобы тот мучился, и теперь он был согласен на удаление не только больного зуба, но и всех его здоровых родственников.

С распухшей щекой, припухшими от горя и страдания глазами, не в добром здравии и не в славном настроении притащился он утром к стоматологу. Как тень, прошёл мимо сидящей очереди и обречённо взобрался в зубоврачебное кресло, которое в этот скорбный день ассоциировалось у него с эшафотом.

Владимира уже предупредили, что наступивший понедельник — последний день в его жизни, и он заискивающим и извиняющимся тоном укорил Геннадия:

— Что ж ты... как маленький! Я ведь говорил: заболит — вытащи пломбу и прополоши рот с содой.

— Выдери её сам! — зло бросил в ответ Геннадий. — Когда не надо, твои пломбы сами вываливаются, а когда приспичит, их можно скovyрнуть только вместе с челюстью...

— Ты, главное, не нервничай, — успокоил пациента Владимир и принялся за пломбу. — Слушай, точно крепко сидит, наверно, с цементом немножко переборшил. Но мы сейчас всё поправим: высверлим пломбу, залечим нерв, и зуб успокоится...

— Смотри, чтобы не получилось, как в прошлый раз! — из последних сил, но вполне ещё грозно предупредил Геннадий. — Вялый ты сегодня, и дух после охоты из тебя идёт тяжёлый. Если и в этот раз напортачишь, помилования не жди!

— Ладно, не пугай, мы тоже не лыком шиты! — решил показать характер зубной мастер и принялся настраивать бормашину — своё главное устрашающее оружие.

Жёсткое предупреждение Геннадия не подействовало. Получилось не «как в прошлый раз», а гораздо хуже.

Владимир что-то долго и нудно высверливал в зубе, после чего натолкал в рот Геннадия ваты и «профессионально» впихнул в зубной канал дрельбор, собираясь канал этот почистить. Геннадий взвыл от боли, поперхнулся и судорожно закашлялся. Владимир бросил инструмент — куда он изо рта денется — и быстро вытащил руку: пациент нервный, не дай бог, укусит. Дал больному прокашляться, снова сунул руку в рот и совершил пренеприятнейшее открытие: инструмента на месте не было. Специалист по зубам ошеломлённо уставился на Геннадия:

— Где дрельбор? Ты что... выплюнул его, когда кашлял?

Геннадий изумлённо посмотрел на стоматолога и прошепелявил:

— Ычего я не ыплёвывал! Ыдишь, вся вата о рту!

Владимир торопливо выгасил вату, осмотрел рот, плевательницу, кресло, исследовал в ближайшей округе пол. Дрельбора не было. Брови стоматолога поползли вверх, страшная догадка осенила его похмельную голову:

— Ты, случаем, не проглотил его?

Геннадия было уже всё равно, лишь бы скорее закончились мучения:

— Не знаю... может, и проглотил... Выдери зуб, а! Или отруби мне сразу голову!

Владимир ничего не ответил, побледнел только сильно, да лоб его покрылся испариной. Проглотить дрельбор — это ведь не монетку случайно сглотнуть. С другой стороны, в жизни стоматолога появился обнадеживающий момент: если и суждено кому-то сегодня умереть, то точно не ему. Но он усилием воли загасил вылезшее из тёмных закоулков сознания злорадство, представил, что может наделать инструмент с режущей кромкой в желудке у Геннадия, и немедленно остановил приём страждущих.

Очередь заволновалась и заворчала. Каждому была известна жизненная истина: чем дольше отсутствует стоматолог, тем сильнее у населения болят зубы. Но Владимир устоял. Не мог он отпустить в опасную дорогу пациента, в желудок которому случайно обронил свой рабочий инструмент. Стоматолог в спешном порядке выдернул пострадавшему зуб, и они поехали в районную больницу на рентген.

Поездка стала началом большого пути. Зайдя в рентген-кабинет, Владимир сурово потребовал прекратить плановый приём и немедленно заняться его пациентом. Рентгенолог, отгулявший накануне именины, в этот момент размышлял о том, что в родном государстве, как на проклятом «Острове невезения», пришло время отменить все понедельники. Он с трудом отошёл от флегмы и совсем не грозно, а, наоборот, устало и буднично охладил пыл Владимира и указал путь, по которому тому вместе с его пациентом нужно было идти. Впрочем, направление это они знали и без рентгенолога. В России под горячую руку туда посылают всех и каждого, причём делают это с завидным постоянством. Однако вникнув в суть дела, «просветитель душ» принялся назидательно ворчать:

— Вот ведь что с людьми пьянка делает! Поискали бы сначала, как следует, снаружи, чего сразу внутрь человека-то лезть? Человек ведь не шука-дура, чтобы глотать всё, что блестит...

— Да осмотрели весь кабинет! — выходил из себя Владимир Иванович. — Дрельбор как сквозь землю провалился! В желудке только и не посмотрели!

Рентгенолог похмыкал, почесал свою тыковку и сказал, наконец, главное:

— Рад бы помочь, ребята, но не могу. Электрики отключили свет до пяти вечера, а в пять я уйду на день рождения к другу, угораздило его в понедельник родиться. Так что не теряйте времени, дуйте напрямиком в соседний город, возможно, там вас просветят.

Выбора не было. На узике Геннадия поехали в районную больницу соседнего города. В этой больнице волшебным образом совпали все три случайности: рентгенолог был на месте, вся аппаратура работала, имелось в наличии и электричество. Пока переезжали, боль в десне у пострадавшего поутихла и в его измученной голове зародилась робкая надежда: может, и не глотал ничего, а произошла какая-то нелепая ошибка? Но рентген в пух и прах разбил эту глупую надежду. Дрельбор удобно устроился в желудке, который, судя по всему, пытался его переварить, но справиться с хромированной железкой не смог.

О необычном больном доложили главврачу Георгию Ивановичу. Тот лично знал Геннадия и не преминул попенять пострадавшему:

— Дорогой мой, нельзя глотать что ни попадя, особенно острые медицинские инструменты... От этого можно стать совсем мёртвым.

Пострадавшего немедленно госпитализировали. Лечащим врачом назначили Галину Ивановну, женщину, которой по манере разговора с больными очень подходила фамилия Крикунова. Крикунова голористо и назидательно принялась инструктировать Геннадия:

— Значит так, будем вас наблюдать и готовить к операции! Лежать тихо, как мышка в норке! Из палаты не выходить, с постели не вставать, резко с бока на бок не переворачиваться, ничего тяжелее ложки не поднимать! Хотя ложка вам тоже ни к чему! Будем голодать, чтобы к операции очистить желудок и кишечник!

Геннадий тут же задал вопрос, который в данный момент его сильно волновал:

— А в туалет?!

— В туалет можно! Для туалета сестра принесёт всё необходимое. Оправляться только в горшок и по большому, и по малому!

Три дня Геннадий выполнял указания лечащего врача: ежедневные анализы, рентген, «оздоравливающее» голодание и неподвижный образ жизни. Силы больного таяли, но чувствовал он себя удовлетворительно, потому как зубо-врачебный инструмент в желудке вёл себя неагрессивно, а зуб, от которого столько натерпелся, остался в участковой больнице. На четвёртый день привезли двух здоровенных мужиков, сильно покалечившихся на мотоцикле. Одного, а потом второго нужно было везти в операционную. Увидав, как мучается хиленький женский медперсонал, Геннадий искренне пожалел женщин, нарушил данное лечащему врачу обещание и помог погрузить мужиков на каталку. Мужики оказались гораздо тяжелее ложки. Во время погрузки в животе у него сильно кольнуло: злобная железка отправилась в путешествие и перекочевала из желудка в кишечник. Медперсонал с новой силой заговорил об операции. Но на вопрос больного «каковы шансы?» все старались отмолчаться и отводили глаза в сторону. Понять медиков было можно. До сих пор дрельборы никто не глотал, и в больнице отсутствовала не только статистика, но и какой-либо опыт по их извлечению из кишечника, поэтому вариант Георгия Ивановича «стать от этого совсем мёртвым» никому не казался фантастическим.

Вечером Геннадия навещил работавший в военкомате друг. Друзья обсудили ситуацию, вдвоём пошли к главврачу и уговорили того отпустить больного помыться и подстричься перед грядущей операцией, итог которой был не совсем ясен.

Скучна жизнь русского человека без приключений. Видимо, потому и ищут их наши люди в любой обстановке, причём не только на то место, что у всех на слуху, но и на места прочие... Как только вышли за ворота больницы, у Геннадия возник естественный вопрос: зачем напрягать друга и его семью, если до дома совсем чуть-чуть, каких-нибудь семьдесят километров. Он взял у друга уазик и поехал в родной Гожан. Чувствовал себя неплохо, однако панические мысли нет-нет да и посещали голову.

«Подстричься и помыться в бане обязательно надо... — оправдывал он свой поступок. — Неизвестно, как закончится операция,

не приведи господь, придётся лежать в гробу небритым и нестриженным...»

Стригся обычно у соседа, потому отдал распоряжение жене, чтобы истопила баню, и направился к цирюльнику. Во время стрижки рассказал соседу о своих злоключениях. Тот был слегка под хмельком и пребывал в философском настроении. Парикмахер уловил волнение клиента, проявил сочувствие и вытащил бутылку спирта «Рояль»:

— Не волнуйся, сейчас тебя успокою. Спирт качественный, даже немцы его пьют, а нам тяпнуть по стаканчику сам бог велел! Кто знает, доведётся ли выпить ещё?

От такого предсказания Геннадий сильно встревожился:

— Вот, успокоил так успокоил... Намекаешь, что во время операции концы отдам?!

— Ну почему сразу концы? Можно ведь и ласты склеить, коньки отбросить или дуба дать... Мало ли вариантов!..

Геннадий поёжился и пробурчал:

— Негативная у тебя перспектива... Лучше сразу застрелиться...

— Не доверяю я медикам. Сколько уже народу зарезали, и всё законно! — гнул своё сосед. — Давай выпьем! Говорю тебе: хуже не будет! На операцию весело поедешь, как на праздник, а если не повезёт, легче с белым светом будет расставаться!

— А-а-а, давай! — сдался Геннадий. — Какая уже теперь разница, от чего коньки отбрасывать: от твоего спирта или от скальпеля хирурга...

Спирт оказался забористым и крепким. Геннадий помнил, как самостоятельно пришёл от соседа, как в сопровождении жены направился в баню, а дальше — как отрезало. Проснулся только утром от надрывного звона будильника, поторапливающего загостившегося дома пациента: «Пора... пора на операционный стол!»

Жена знала: пока инструмент не достанут, принимать мужу твёрдую пищу противопоказано — и перед отъездом накормила его куриным бульоном. При этом она, как и супруг накануне, тоже переборщила с объёмом. Кроме того, бульон из жирной домашней курицы — это вам не постный супчик из фабричных окорочков. Оголодавший в больнице Геннадий понял это, когда проехал половину пути. Дальше всё было как в той рекламе о чудодейственном средстве «эспумизан», которого, как на грех, под рукой не оказалось. Живот раздуло, урчание в животе переросло в рычание, потом в шум и гам, и нашего страдальца непреодолимо потянуло в сортир. Горшка, который прописала Галина Ивановна, рядом тоже не было, зато вдоль дороги ровными рядами выстроилась красивая лесопосадка из молодых, чуть выше человеческого роста сосёнок. Едва он успел забраться поглубже в посадку и слёрнуть штаны, как жирный бульончик с оглушительным треском и свистом вылетел из его организма.

Оставшийся путь Геннадий проехал без приключений. Вовремя успел на утренний рентген, после чего тихонько проник в палату и затаился. Галина Ивановна пришла на обход со свежим снимком в руках совершенно обескураженная: тщательно готовившаяся операция провалилась с треском. Крикунова начала допрос с пристрастием:

— Большой, мы три дня готовили вас к операции! И вот теперь, перед операцией, этот злосчастный дрельбор исчез! Может, подскажите, куда он пропал?

Геннадий изобразил удивлённое лицо, а в самой глубине души, чтоб сверху не было видно, возликовал: «Ура! Инструмент вылетел вместе с куриным бульоном!»

Однако рассказать лечащему врачу о своих приключениях Геннадий не мог. Искренность могла притянуть за уши грандиозный скандал. На его простоватой физиономии появилось глуповатое выражение дилетанта от медицины, и он высказал дурацкое предположение:

— Галина Ивановна, а не могла эта железка перевариться? В желудке у меня полно соляной кислоты, изжога непрерывно мучает. Может, кислота её разъела? Еды вы совсем не даёте, а переваривать желудку что-то надо...

Провести на мякине опытную Галину Ивановну было нельзя. Строгим взглядом и начальственным тоном она пригвоздила распоясавшегося больного и не позволила перевести разговор в область юмора.

— Больной, если в школе у вас была двойка по химии, то даже не пытайтесь хохмить! На вчерашнем снимке дрельбор есть, сегодня его нет! Куда он за ночь делся?! Докладывайте, что и в какой последовательности делали?! Иначе продержу вас на обследовании ещё месяц!

Угроза была инквизиторской и вполне реальной. В то время ещё не был принят либеральный закон, запрещающий держать пациента в стационаре более десяти дней. Не проведена была ещё и «оптимизация», потому коек в больнице на всех хватало. Геннадий смалодушничал и... сознался во всех грехах. Рассказал и про поездку домой, и про спирт, и про куриный бульончик... Крикунову его рассказ сильно взбодрил, женщина немедленно перешла с крика на ор:

— Я же вам велела лежать тихо, как мышка! Из палаты никуда не выходить! Оправляться только в горшок! Вы игнорировали все инструкции, вы грубо нарушили режим! Я буду писать на вас докладную! Если дрельбор пропорол стенки кишечника, у вас может начаться перитонит!

На ор прибежал главврач. Георгий Иванович укоризненно покачал головой:

— Ай-яй-яй, я тебе поверил, Геннадий Андреевич, а ты меня подвёл. Обещал сходить на часок к другу, а поехал домой! Нехорошо. Перитонит и в самом деле может приключиться, потому с сегодняшнего дня ежедневные анализы, рентген и голодание, пока не убедимся, что всё обошлось.

В последующие дни было всё так, как описал главврач, плюс клизмы, уколы и горькие пилюли, которые назначила Галина Ивановна. Голодание и уколы бесили Геннадия, но хуже всего он переносил забор крови из пальца. Как только заходил к сестре, видел её пробирки и железку, которой она колола палец, кровь отливала от лица, внутри срабатывал рвотный рефлекс, непреодолимо, на грани обморока, кружилась голова. Он перестал нормально спать по ночам. Снились кошмары. Галина Ивановна с огромным шприцем в руках надвигалась на него и грозно редела:

— Где дрельбор?! Куда вы дели вещественное доказательство? Найдите его и представьте!

Геннадий не запомнил место, где он расстался с куриным бульоном и несчастливым стоматологическим инструментом, но найти

его в принципе было возможно. Делов-то: тщательно прочесать лесопосадку, сосёнка за сосёнкой, километр за километром... Но есть ли в этом смысл?

На четвёртый день экзекуций он пришёл к выводу, что смысл есть. Голодание и процедуры истошили нервную систему до предела, он начал всерьёз подумывать о том, где взять верёвку и мыло, а во время очередного обхода бухнулся перед лечащим врачом на колени и взмолился:

— Галина Ивановна, отпустите меня на два часа, я найду эту проклятую хромированную железку!

Крикунова изумлённо подняла строгие брови.

— Зачем?!

— Готов проглотить её снова и лечь на операцию, только избавьте меня от анализов и исследований моего организма... И разрешите съесть хоть маленькую корочку хлеба!

Мстительную Галину Ивановну тяжело было разжалобить. Она оценивающе оглядела пациента и жёстко забила последний гвоздь:

— За всё в этой жизни нужно платить, больной! А за грубое нарушение инструкции и режима — особо!

Тем не менее ей стало понятно: больной прочувствовал, осознал и раскаялся. Можно снимать санкции.

Во второй половине дня в палату зашёл главврач. Сказал, что Геннадию крупно повезло, что он родился в рубашке и спирт «Рояль» и баня совместно с жирным куриным бульоном провели операцию по удалению дрельбора лучше, чем высококлассные хирурги. Геннадия выписали.

Дома он с бутылкой коньяка направился к Владимиру Ивановичу, который жил в эти дни как на иголках, ждал из больницы худых вестей и подобно молоденьким девушкам гадал на ромашке: посадят, не посадят. По закону всемирной подлости всё время выпадало: посадят. Когда Геннадий заверил доктора, что у него и в мыслях не было обращаться в суд, Владимир на радостях тоже достал бутылку, и они отпраздновали. Один пил за день, в который заново родился. Второй — за то, что избежал суда и тюрьмы. Потом пили за доверие к медицине, за дружбу между врачами и больными. В конце — просто за везение: проглотил не шпагу и не вилку, а всего лишь небольшой стоматологический инструмент...

Олег ЧЕРНЯК

ПОСЛЕДНИЙ РЕЙС. Рассказ

На кухонном столе плотными рядками сияли протёртым стеклом пузатые коньячные бокалы, фужеры, восьмигранные стаканы для виски и хрустальные рюмочки для водки на тонюсеньких ножках. Рядом — строй запечатанных бутылок с манящими этикетками.

— Надо же, как в баре! — сказал Вадим. И ему вспомнилась студенческая общага, когда он с друзьями обмывал первый сданный экзамен. Денег не хватало, и они носились по этажам в поисках того, кто даст займы. Но просто так никто деньги не давал, всем хотелось присоединиться к празднику. Через час насобирали на бутылку водки и плавленный сырок, но и желающих выпить набралось человек двенадцать. Водки хватило по одному глотку, а радости-то было — вагон и маленькая тележка!

«Да, были времена, — подумал Вадим, — водки нет, жратвы нет, шмотки кооперативные, вобла — и та деликатесом считалась, а как-то по-другому было на душе — теплее, что ли. А сейчас... Прошло каких-то двадцать лет, и всё изменилось. Пей — не хочу, ешь от пуза».

Он открыл бутылку коньяка, плеснул в первый попавшийся стакан и поднёс его ко рту.

— Вадя! — позвала из комнаты жена. — Вадя, вытащи, пожалуйста, стол, уже восемь. Пора, скоро гости придут.

«Следит, что ли, за мной», — подумал Вадим, выпил и огляделся. Увидев брошенную на подоконнике кожуру мандарина, оторвал кусочек, закинул в рот и пошёл в комнату.

Надя крутилась перед зеркалом, стараясь оглядеть себя со всех сторон.

— Ну как я тебе?

Вадим посмотрел на неё и лениво улыбнулся:

— Очаровательна, как всегда.

— И всё?

— Нет! Сегодня очаровательней, чем обычно.

— Ты что, не заметил моё новое платье? Которое отлично...

— Да-да, — перебил Вадим, — которое отлично подходит к твоим роскошным перламутровым волосам.

— Дундук! — буркнула Надя. — Тащи стол!

Олег Аронович ЧЕРНЯК родился 18 июня 1961 года в городе Перми. В 1976 году окончил восемь классов физико-математической школы № 9, поступил в Пермский строительный техникум на специальность «Промышленное и гражданское строительство». В 1980 году принят по распределению на работу инженером технического отдела в Пермское отделение Стройбанка СССР. В 1989 году завершил обучение в Пермском политехническом институте. Работал на промышленных предприятиях города Перми. С 2004 года перешёл на работу в систему образования, в настоящее время — директор МАОУ «Центр образования Индустриального района города Перми». Автор пяти книг, вышедших в издательстве «ОТ и ДЮ». Лауреат премии им. А. Мерзлякова (2019). Член Союза писателей России (2018), член Союза русскоязычных писателей Израиля (2018). Живёт в городе Перми.

Вадим выволок из соседней комнаты стол-книжку. Это старое, давно забытое чудище он вытаскивал только 31 декабря, в ожидании прихода гостей.

— Получите и распишитесь! — Вадим нарисовал пальцем на пыльной столешнице грустную рожицу и сел в кресло. Откинувшись на спинку, он смотрел, как жена накрывала на стол.

«Вот и ещё один год прошёл, — подумал Вадим. — Ещё каких-то триста шестьдесят пять дней, и снова Новый год. Только и успеваешь переворачивать странички ежедневника. Планы, задачи, проекты... Словно из этого и состоит жизнь. С коллегами проводишь больше времени, чем с дорогими сердцу людьми. Скоро сорок четыре, потом пятьдесят, шестьдесят, семьдесят, если повезёт. Сколько их будет? А вспомнить что? Не глобальное, а так, прекрасные моменты. В юности всегда ждёшь: ещё чуть-чуть, и оно придёт. Что — оно? Счастье? Ждешь, ждешь, но всё только проходит. Раньше, когда дети жили с нами, приходили их друзья, наши с Надькой друзья, и мы собирались за этим столом, всё было не так. Мебели толком не было: на две табуретки клали доску, застилали покрывалом и бочком усаживались рядом. И не чувствовали мы тесноты, казалось, ошущали только тепло и искренность, передаваемые друг другу одним касанием, без слов. А сейчас?»

Традиции собираться дома канули в Лету. Ресторанов, кафе полно, да и хлопот меньше: готовить не надо, посуду мыть не надо. Но вместе с традициями постепенно начало уходить и чувство радости от этих встреч. Какой бы ни был ресторан — это ресторан, он не даёт домашнего уюта. И все вопросы — «А помнишь?.. А помнишь?..» — растворяются под потолок в гуле разговоров за соседними столами, так и не дождавшись ответа».

Вадим поднялся и пошёл на кухню.

— Опять? — спросила Надя, провожая его взглядом.

— Снова, — ответил Вадим. — Чуток выпью, хреново что-то.

— Что болит?

— Душа!

— Понятно, — усмехнулась Надя. — Тогда точно надо выпить! Только ещё хуже станет.

Вадим вынес из кухни и поставил на журнальный столик початую бутылку коньяка и бокал. Удобно сел в кресло, взял из вазочки мандарин, понюхал его и начал медленно снимать корочку.

— Присядь, Надя!

— Вадя! Можно я буду делами заниматься? Ты говори, я же слушаю тебя.

Вадим махнул рукой, налил и выпил. Он поймал языком вытекшую из мандарина капельку сока, оторвал дольку, положил её в рот и зажмурился от удовольствия.

— Надя! Сегодня меня поздравило с Новым годом сорок три человека. Через все существующие соцсети. Представляешь? Сорок три!

— Ух ты, здорово! — ответила Надя, раскладывая вилки. — А ты всё жалуешься, что никому не нужен.

— Надя, пойми! Я специально посчитал — сорок три! И только двое из них прислали текст, и то явно скопированный, а остальное — картинки. Просто готовые картинки с готовыми словами поздравлений.

— И что?

— Как — что? Мы отдаляемся, мы перестаём разговаривать. Мы зомби! Скачиваешь картинку и рассылаешь всем подряд. Всё просто! Отметился — мол, помню. Зачем всем? Напиши только друзьям, близким, но напиши. Пусть всем одинаково, но напиши, если не можешь позвонить.

Надя взяла со стола бокал, подошла, села на подлокотник кресла и погладила мужа по голове.

— Капни чуток, философ!

Вадим налил коньяк и протянул Наде мандарин.

— Давай за нас, — сказал он.

Они тихонько коснулись бокалами и выпили.

— Вадя! А может, ты просто стареешь? Ностальгия замучила. Входишь в кризис какой-то возрастной. Я читала об этом. Сейчас начнёшь выпивать и себя искать, потерянного в этой жизни, потом дурочку себе найдёшь двадцатилетнюю, чтобы молодость продлить. А? Я права? Что молчишь? Говори!

Вадим отодвинул Надю, поднялся с кресла и заходил по комнате.

— Дурочка ты, Надька! Это ты стареешь. Зачем ты уже пятый год устраиваешь эти посиделки? Ты же знаешь, что я ненавижу твоих тупых подруг и их напыщенных мужей. Ведь всё будет как всегда. Они придут, начнут говорить те же слова, что и в прошлом году: о том, как это здорово — традиционно собраться в нашей уютной квартире, поесть прекрасные блюда, приготовленные твоими золотыми ручками. Потом мы будем провожать старый год, гремя вилками и рассказывая анекдоты. Без пяти двенадцать мы прилипнем носами к телевизору и развесив уши будем внимать словам президента о «тяжёлом времени, которое вот ещё чуть-чуть и пройдёт. И в новом году нас ждёт заметное улучшение и прорыв. Мы всех обгоним, а кого не обгоним, то всё равно обгоним, но потом». Под звон курантов мы подскочим с мест и, громко чокаясь, начнём орать: «С Новым годом, с новым счастьем!» И дальше — по накатанной. Ты со своими ненаглядными начнёшь обсуждать наряды, украшения и новых бойфрендов звёзд из телевизора, а я, засыпая на ходу, буду слушать нудные рассказы мужей твоих подруг о том, какие машины они бы хотели купить и с кем бы хотели переспать.

— Не понимаю, Вадя, что в этом плохого?

— Всё плохо, Надя! Мы теряем настоящих друзей, мы теряем друг друга в этой суете. Мы теряем любовь, нежность, себя, в конце концов. Я говорил тебе: плюнь на всё. Не слушаешь. А ты представь: мы вдвоём, уехали на какую-нибудь базу отдыха. Вдвоём! Хоть на машине, хоть на поезде, да на самолёте на крайний случай! Отдельный домик, баня, лес. Ты, я и шампанское под звёздами. Мангал, мясо. А в двенадцать — фейерверк, настоящий, и люди из всех домов выбегают на улицу. Простые, весёлые, незнакомые люди. А наутро — снегоходы, горки, санки. Ты когда в последний раз видела толпу радостных людей? Помнишь? Нет? А я помню. На демонстрации Первого мая, когда мы институт заканчивали. Вспомнила? Ржали как кони, скакали и мечтали. Ты сейчас о чём мечтаешь?

— Не знаю, но мне дома лучше, да и спокойнее.

— Вот-вот. Спокойнее! Боимся общаться, боимся встречаться,

а без общения мы стареем, болтаясь в собственном соку. Боимся новых знакомств: а вдруг обманут, запутают, оберут?

— Ну хватит, Вадя, хватит! — Надя поднялась с кресла и повернулась к мужу. — Успокойся! Ну если ты так хочешь, давай на будущий год поедем. Обещаю!

— Ты уже это обещала, но опять так всё вывернула, что я и понять не успел, как так произошло, что мы опять дома будем сидеть. Ладно. Действительно, хватит, а то гости придут, и я прямо на пороге всех и поубиваю. Слушай, там в холодильнике столько всего наставлено, что я не могу сок томатный найти. Где он?

— Ой, Вадя, прости, забыла купить. Вернее, не забыла, а рук уже не хватило. Ташила всего много.

— Трудно позвонить? Сам бы купил!

— Не подумала.

— Надя, тебе не кажется, что это как-то странно? Какой-то ананасовый для подружек не забыла, а для мужа любимого рук не хватило!

— Сейчас на стол накрою и сбегаю!

— Сам схожу! — буркнул Вадим и пошёл одеваться.

— Паспорт возьми! — крикнула Надя. — Внизу сегодня консьерж новый. Жильцов ещё не знает, без документа не пустит. Настоящий чербер!

— Хорошо. Возьму. Правильно, что не пускает, особенно в Новый год!

Супермаркет, в который пошёл Вадим, находился через дорогу, в двухстах метрах от дома. Погода стояла новогодняя. Ещё вчера был минус один и валил мокрый снег. Ночью же приударил морозец и сковал торчащие в разные стороны ветки, припорощённые пушистыми снежинками, превращая деревья в сказочные декорации зимнего леса. Вадим зашёл в магазин — и ахнул. «До Нового года совсем чуть-чуть, а народу ужас! — подумал он. — И телеги у всех забиты. Когда они готовить собираются?.. Да какое мне дело до них!»

Он побрёл вдоль рядов, высматривая сок. Бросив в корзинку три коробки томатного, встал в очередь.

Перед ним стояла старушка лет за семьдесят. Несмотря на почтенный возраст, выглядела она экстравагантно. Серо-голубая короткая дублёнка, рваные на коленях синие джинсы заправлены в белые сапоги на рифлёной «манке». На высокий седой начёс был накинута пуховый платок, сквозь который просвечивали огромные оранжевые молодёжные наушники, закрывавшие старушке половину маленькой головы. В одной руке она аккуратно держала пластиковую коробочку с бантиком, в которой лежало два пирожных «Наполеон». Покачиваясь в такт музыке, старушка постукивала ухоженным ноготком по краю коробки. Казалось, она никого не замечает и блаженствует от предвкушения предстоящей новогодней ночи.

«Во даёт бабка! — подумал Вадим. — Уж она-то точно счастлива сегодня! Да почему только сегодня? Судя по одежде, она каждый день такая. Мне бы так! Но, глядя на её покупки, уверен — сегодняшний праздник не оставит приятных воспоминаний. Интересно, под какую музыку старушка так веселится?»

Он тихонько наклонился и прислушался. Из наушников звучал сдавленный голос Льва Лещенко:

*Прошай, со всех вокзалов поезда
Уходят в дальние края.
Прошай, мы расстанемся навсегда
Под белым небом января...*

Вадим грустно улыбнулся и прошептал:

— Поезда, уходят поезда...

Он развернулся и, раздвигая ворчащую очередь, вернулся в зал. Выложил на полку сок и позвонил домой.

— Надя, это я.

— Ты чего так долго, Вадя? Серёжа с Мариной уже пришли, а тебя нет. Что случилось? Очередь?

— Надя, — повторил Вадим. — У меня большая просьба, только не обижайся и пойми. Меня сегодня не будет дома, мне надо уехать.

Голос Нади задрожал:

— Куда, Вадя? Что случилось? Ты в порядке? Ты в больнице? В полиции? Я сейчас приеду, скажи куда!

— Надя, всё нормально. Я просто хочу уехать. Не знаю куда, но знаю, что надо. Просто так надо. Понимаешь? Надо, и всё.

— С бабой?

— Ты с ума сошла, один! Я хочу сесть в поезд и уехать. Один. Ненадолго. Туда и обратно.

— Куда — туда?

— Говорю же, не знаю! Куплю билет в никуда и поеду. Я люблю тебя! Не волнуйся! Я не ухожу, мне очень нужно.

Надя глубоко вздохнула:

— И после этого ты будешь счастлив?

— Не знаю, но я должен проверить.

— Езжай, Вадя! Если тебе так надо — езжай. Целую! Ты только звони.

— Спасибо! Конечно, позвоню, — ответил Вадим и торопливо пошёл по рядам.

Он кидал в корзину всё необходимое: небольшой рюкзак, зубную пасту, щётку, бутылку коньяка, нарезку сыра и бутылку воды. «Ну вот, на первое время хватит», — подумал он и снова встал в очередь.

Расплатившись, Вадим от всей души пожелал кассирше счастливого нового года, вышел из магазина и направился к стоянке такси:

— Парни, кто на Ярославский подкинёт?

— Полторашка! — откликнулся один из водителей, показывая на серый «Форд».

— Поехали, — ответил Вадим, сел на переднее сиденье и громко захлопнул дверь.

Кассирша билетных касс, лениво поглядывая на часы, наводила порядок на стойке. До окончания работы оставались минуты, и ей хотелось поскорее сдать смену и выпорхнуть на улицу, где в машине её дожидался муж. Появление Вадима вызвало у неё некоторое раздражение:

— Куда едем?

— Простите, — пробормотал Вадим. — Мне бы побыстрей и подальше.

— Мужчина, у меня смена заканчивается, — растягивая слова, ответила кассирша.

— Мне нужен билет в один конец в самую дальнюю точку. Чтобы ехать и ехать.

Кассирша защёлкала ногтями по клавишам компьютера и понимающе хмыкнула:

— От долгов бежим?

— Нет, от себя!

— Бывает, — улыбнулась кассирша. — Со всеми бывает. Я тоже пробовала, но ни поезд, ни самолёт не поможет. Даже Байконур не поможет... Вот, есть: в пути шесть дней, с половиной. По всей России идёт! Отправление в двадцать два пятнадцать.

— Отлично! То, что надо.

Вадим протянул деньги, забрал билет и пошёл на перрон.

Проводница, увидев Вадима, улыбнулась.

— Здравствуйте, — сказала она. — Паспорт, билетик.

— С наступающим, — ответил он и протянул документы. — Много народу в вагоне?

— Что вы! Пока вы и пара в четвёртом купе. Обычно под Новый год мало ездят, только в экстренных случаях. Все хотят дома праздник встречать. Да и мы в последний раз идём по маршруту. С будущего года закрывают направление. Всё, последний рейс.

«Последний рейс, — подумал Вадим и поднялся в вагон. — Последний, как-то очень фатально и печально звучит».

Он шёл по узкому проходу, поглядывая на таблички. У четвёртого купе он резко остановился, чтобы не налететь на мужчину, неожиданно вышедшего из дверей.

— Простите! — Мужчина приложил руку к груди и слегка поклонился. — Вероятность столкнуться с кем-то в пустом вагоне равнялась нулю. Не рассчитал!

— Всё в порядке! — улыбнулся Вадим. — Сам засмотрелся по сторонам. С наступающим!

— И вас!

Вадим улыбнулся и прошёл в своё купе. Снял куртку, бросил её на свободное место, вытащил из рюкзака бутылку коньяка и сыр.

— Ну что? Приступим? — спросил он сам у себя, отвернул пробку, взял со стола чашку с ярким логотипом фирменного поезда и налил коньяка на пару глотков.

«И это всё не так, — подумал он. — Вот раньше: стаканы гранёные в подстаканниках и торчащие в них чайные ложечки, которые дребезжали всю дорогу, не давая заснуть. Эх, всё было по-другому!»

Вадим выпил, ушипнул кусочек ноздреватого сыра и закинул его в рот.

Поезд тронулся и, набирая скорость, отправился в путь.

Тепло от выпитого растекалось по телу приятной обволакивающей волной. Вадим смотрел в темноту окна, но, кроме редких далёких огоньков, мелькающих заснеженных деревень, увидеть ничего не мог. Крупные снежинки пытались зацепиться за стекло, словно хотели вырваться из круговорота повседневности, но, подчиняясь ветру, срывались и оставляли на окне замёрзший размазанный след.

Вадим допил из чашки, покрутил её, рассматривая надпись, и сказал:

— Чашки ему не понравились! Стаканы подавай! Путешественник!.. А сколько у меня денег с собой?

Он вытащил портмоне и пересчитал купюры. «Четыре тысячи шестьсот рублей. А на карте сколько? Да чёрт его знает! Сам удалил сообщение из банка, чтобы Надька не увидела остаток. Да какая теперь разница».

Становилось тревожно, но весело и азартно, точно так, как тогда, после второго курса, когда он с ребятами сбежал из стройотряда. Три парня и три девчонки добирались до Москвы сутки в общем вагоне, без постельного белья и матрацев. На шестерых была пачка сигарет, буханка бородинского хлеба, хвостик жареного морского окуня, купленного в привокзальном буфете, и бутылка водки. Травили анекдоты, играли в карты, бутылочку и, краснея, выходили в тамбур целоваться. Было тесно, голодно и жарко, но удивительно душевно и романтично...

В дверь купе постучали.

— Да-да, не заперто! — сказал Вадим.

Дверь открылась, и он увидел улыбающуюся женщину лет шестидесяти, в ярко-зелёном спортивном костюме. Блёклый свет коридора боком падал на её лицо, подчёркивая мелкие морщинки.

— Простите, — сказала она. — Мы с мужем приглашаем вас к нам в купе встретить Новый год. Как-никак праздник, а вы один.

Вадим растерянно пожал плечами.

— Даже не знаю. Как-то неудобно, да и не планировал я...

— Пойдёмте, просто так, без планов. Посидим. Ведь как встретишь Новый год, так и проведёшь. У нас и шампанское есть.

Вадим задумался, махнул рукой:

— Спасибо, пойдём! Только у меня ничего нет. Коньяк, открытй... Я неожиданно поехал.

— Ну вот, берите его, и пошли! Мы до конца едем, так что запасов полно, — засмеялась женщина и пошла к себе.

Вадим закрутил на бутылке пробку и двинулся следом.

— И ещё раз с наступающим! — сказал он, заходя в купе.

Вадим поставил на стол коньяк и посмотрел на протянувшего ему руку мужчину.

— Давайте знакомиться! Меня зовут Илья, а эта очаровательная женщина — моя жена Светлана.

— Я Вадим. А как вас по отчеству? Вы же старше, неудобно как-то.

— Неудобно! — захохотал Илья. — Вы что, все сговорились? Светуля сказала, что неудобно вас к нам позвать. Почему всем всегда что-то да неудобно? Вот ботинки жмут — согласен, неудобно! А отчество моё Константинович, и пока, Вадим, вы будете его выговаривать, вечность пройдёт. А время дорого. И вообще, предлагаю на «ты». Всё, усаживайся! Уже половина двенадцатого.

Вадим сел на полку и подвинулся к окну. Илья со Светланой расположились напротив и начали вытаскивать из пакетов пластиковые контейнеры с едой, раскладывая по тарелкам их содержимое.

Вадим рассматривал попутчика. Из-за лысины высокий лоб выглядел огромным, седые волосы от висков были зачёсаны за уши, но

при каждом движении головы они выскакивали и торчали в разные стороны крупными кудряшками; от ровного прямого носа тянулись две глубокие морщины, упиравшиеся в края тонких губ, образуя треугольник. От уголков искрящихся глаз разбегались мелкие лучики морщинок — казалось, что глаза похожи на маленьких рыбок с широкими хвостами. Спортивный костюм был ему явно велик, и широкий ворот куртки постоянно съезжал назад, отчего край молнии упирался в горло. Илья нервно оттягивал его вниз. Было видно, что это ещё не вошло в привычку и немного раздражало его.

«Такое ощущение, что Илья постоянно улыбается, даже когда молчит и дёргает себя за ворот», — подумал Вадим.

Маленький столик был заставлен едой, аромат которой наполнил купе и напоминал Вадиму запах маминой кухни из далёкого детства.

— Вот это да! — воскликнул он. — Где это вы таких вкусовостей накупили?

— Накупили? — улыбнулся Илья. — Это моя дорогая наготовила! Мы в Москве у её сестры останавливались, так они со вчерашнего вечера колдовали на кухне. Дорога дальняя, так что всё успеешь попробовать. Ты до конечной?

— Не знаю пока, — смутился Вадим. — Как пойдёт.

— И правильно, — сказал Илья. — Не помню дословно, но Бродский говорил примерно так: «Как получается — так и получается, и, в общем-то, всё станет на свои места».

В открытую дверь купе заглянула проводница.

— Может, чаю?

— Спасибо, — ответил Илья. — Пока не надо. Может, попозже...

— Да-да, попозже, — поддержала его Светлана. — Присоединяйтесь к нам! Встретим Новый год!

— Давайте так сделаем, — улыбнулась проводница. — Если вам что-то понадобится, то я в соседнем вагоне. А если чайку захотите, то сами сможете набрать. Тиган горячий. Справитесь без меня? Я смотрю, вы люди интеллигентные, и плохого я от вас ничего не жду.

— Конечно, справимся! — воскликнул Илья. — Идите и не волнуйтесь!

Проводница кокетливо поправила причёску и, словно извиняясь, добавила:

— Муж у меня в соседнем вагоне проводником... Спасибо!

Вадим начал постепенно осваиваться. Ему казалось, что он сидит не в компании случайных попутчиков, а у старых добрых родственников, с которыми не виделся тысячу лет. И теперь они стараются отдать ему накопившуюся за долгие годы любовь и заботу.

— Наливай, Вадим, по чуть-чуть, — сказал Илья. — Проводим старый год!

Вадим налил всем коньяк и ухватил с тарелки ломтик лимона.

Илья взял чашку и сказал:

— Друзья мои! Сейчас наша проводница сказала фразу, в которой скрыт большой смысл. Она озвучила одну из главных наших проблем.

Вадим с интересом посмотрел на Илью. Ничего выдающегося в словах проводницы он не заметил.

— Какую? — удивился он. — Что они с мужем вместе работают?

— Нет, Вадим. Она сказала, что не ждёт от нас ничего плохого. В наше время это высокая похвала! Ты заметил, что когда малознакомый человек вдруг ни с того ни с сего улыбается тебе, то первым делом возникает вопрос: «В чём подвох?» Мы потеряли веру и стали мнительными. Мы, как звери, ждём ловушки, западни. Мы ждём плохого. Давайте выпьем, чтобы всё зло осталось в уходящем году! Забудем о нём и всех простим!

Негромко звякнув чашками, они выпили.

Вадим сунул лимон в рот и зажмурился. Глядя на это, Илья усмехнулся и сказал:

— Светуль, поухаживай за нашим гостем, а то на одном лимоне он до конца не доедет!

Светлана забрала у Вадима тарелку и начала накладывать на неё еду: пирожки, буженину, маленькие ломтики жареной курицы и солёные огурчики.

— Давай и тебе положу, — сказала она мужу.

— Справлюсь, Светуля! Ты сама ешь.

— Вы в Москве долго были? По делам или так? — спросил Вадим.

Светлана уже открыла рот, но Илья положил руку ей на колено и ответил:

— Гостили у родственников, да и мелкие незначительные делишки. Целый месяц проторчали.

— А почему сегодня поехали, в самый Новый год?

— Так как-то неожиданно всё получилось. Встрепенулись и помчались. Зачем время терять? Кстати... — Илья посмотрел на часы. — Без трёх двенадцать!

Он схватил бутылку с шампанским, сорвал фольгу, раскрутил проволоку и начал раскачивать пробку. Та медленно поползла вверх, выпуская из горлышка шипящие пузыри.

— Только не стреляй! — закричала Светлана, хватая мужа за локоть. — Я боюсь!

«Точно как дети! Постоянно улыбаются и всему радуются», — подумал Вадим и подставил чашку под вырвавшееся из бутылки шампанское.

— С Новым годом! — крикнула Светлана. — С новым счастьем! Все поднялись с мест и, громко чокаясь, выпили.

— Ну что, поедим? — спросил Илья. — С прошлого года ничего не ели.

Светлана хмыкнула и погладила мужа по голове, стараясь засунуть седые кудряшки за уши.

— Мяу! — шепнул Илья и засмеялся.

Вадим закашлялся. Он едва сдерживался. Ему хотелось расхохотаться.

— Вот так и живём, Вадим, — сказала Светлана. — Шестьдесят пять мужику, он всё дурачится, как мальчишка!

— Ведь это здорово — я так не могу! Уже лет пятнадцать не могу. Понимаю, что надо именно так, а не получается, — ответил Вадим.

Илья взял бутылку и спросил:

— Ну что, по коньячку?

— Мне шампанского! — сказала Светлана.

Мужчины налили.

— Давайте выпьем за прекрасные моменты нашей жизни! — предложил Илья. — Все за?

— Все! — в голос ответили Вадим и Светлана.

Вадим выпил и посмотрел на Илью.

Тот пил не спеша. Острый кадык с каждым глотком, словно поплавок от рывка рыбы, ходил вверх-вниз. Допив, Илья втянул носом воздух и медленно, сложив губы в трубочку, выдохнул.

— Да, хороший коньяк, и послевкусие великолепное! — глубокомысленно произнёс он и понюхал кусочек лимона. — Ну что, Вадим, готов рассказать, куда путь держишь? Если, конечно, это не большой секрет.

— Не секрет. Запутался я что-то. Вроде всё есть, но чего-то не хватает. Когда был молодым, всё как-то ярче было, сочнее, что ли. Вот взял билет в никуда и поехал.

Он откусил маленький кусочек пирожка и задумчиво начал жевать.

— Не грусти, — сказал Илья, налил себе и Вадиму коньяка, а Светлане шампанского.

— Давайте выпьем за музыку! — предложил он и, увидев удивлённый взгляд Вадима, добавил: — Да-да, за музыку из прошлого. Ведь музыка и песни, которые мы слушали раньше, — это единственная ниточка, за которую можно притянуть воспоминания. Потому что с каждой песней связан какой-то отрезок жизни. И даже через много лет, услышав знакомую мелодию, ты вспоминаешь какие-то счастливые моменты. Конечно, иногда вспоминаешь и печальные, но чаще счастливые. Именно потому, что их в жизни гораздо больше. Давайте выпьем!

Они выпили. Илья уже собрался что-то сказать, как громко хлопнула вагонная дверь и послышались торопливые шаги. В дверях появилась проводница: причёска её была слегка помята, три верхние пуговицы белой рубашки расстёгнуты, серый галстук с растянутыми резинками-застёжками небрежно свисал из нагрудного кармана.

— С Новым годом, дорогие пассажиры! У вас всё в порядке? Моя помощь не нужна? Справляетесь?

— Да, спасибо, — ответила Светлана. — У нас всё хорошо. Так что не волнуйтесь!

Проводница зашла в купе и присела на полку рядом с Вадимом.

— А мы с мужем шампанского выпили, — переходя на доверительный шёпот, сообщила она и неожиданно для всех шмыгнула и заплакала. — Вы такие хорошие, тихие. А у нас с мужем только в рейсе нормальная жизнь. Дома трое детей да свекровь-гадина. Живём в хрущёвке с пятиметровой кухней. Никакой личной жизни. А ведь мы двадцать лет вместе, я всё жду, когда уже дети вырастут или свекровь, прости господи, помрёт. Чтобы для себя хоть немного пожить, пока любовь не прошла... Ой, простите, что это я несу, совсем голову потеряла! Это от шампанского всё. Простите... Если ничего не надо, я пойду. Через сорок минут большая станция будет, двадцать минут стоим. Можно выйти покурить или просто воздухом подышать.

Она вытерла слёзы, поправила волосы и вышла в коридор.

— Вот и так бывает, — сказал Илья. — Господи, на что мы тратим свою жизнь? На абсолютно ненужные вещи: на сомнения в себе, на изучение жизни других, на зависть и споры. Мы погрязли во всеобщем скулеже. Мы не замечаем приятные мелочи, обращая внимание только на плохое. Поэтому нам и кажется, что вокруг беспросветная безнадежность. А знаете, что в жизни человека самое важное? Важное — быть счастливым. Эх, была не была, наливай, Вадим!

— Илюша, — строго сказала Светлана, — завтра голова будет болеть. Не мальчик уже.

— погоди, Светуль, — ответил Илья и, проглотив коньяк, сунул в рот кусок буженины.

— Вадим, ты хороший человек, — продолжал он. — Я таких людей сразу чувствую. И хочу дать тебе совет, так, по-стариковски: запутался — распутаешься, может, не сейчас, может, позже. Всё это такие мелочи по сравнению с настоящей дружбой, любовью, искренностью и пониманием. Главное — живи счастливо, не для кого-то, не ради позёрства. Живи, не напуская пыли в глаза другим, а так, для себя. Радуйся каждой минуте и пойми, что именно тот момент, когда не происходит ничего того, что царапнуло бы душу, и называется счастьем... Наливай!

Вадим выпил и посмотрел в окно.

— Подъезжаем, — сказал он. — А знаете, я, наверное, выйду и поеду домой.

— Вот и правильно! — улыбнулась Светлана.

— А мы с тобой прогуляемся, и ты помашешь нам вслед, — добавил Илья.

Поезд, замедляя ход, подъехал к станции.

— Стоянка — двадцать минут, — крикнула проводница и, взяв тряпку, начала протирать поручни.

Вадим вышел на перрон, за ним спустился Илья. Он повернулся к Светлане и сказал:

— Прыгай, Светуля, я тебя поймаю!

— Точно поймаешь? Сомневаюсь! — засмеялась она. — Если бы Вадим предложил, я бы ещё подумала. А так вместе с тобой и рухнем у вагона. Представляешь: барахтаемся, встать не можем, а поезд уходит. Вот умира!

Светлана ухватила за протянутую Вадимом руку и вышла из поезда.

— Слушай, Светуля! А давай я ему свой талисман подарю? Сколько лет я его носил, а теперь-то он мне зачем?

Он повернулся к Вадиму и сказал:

— Представляешь, лет двадцать назад подарил мне один китаец медальон — серебряную рыбку на нитке. А нитка возьми и порвись неделю назад. Наверное, это знак, что надо его тебе на счастье подарить. Куда ты его убрала, Светуля?

— В кошельке он, а кошелёк в сумке под подушкой.

— Сейчас, я быстро, — сказал Илья и поднялся в вагон.

— Светлана, какой замечательный у вас муж! — сказал Вадим. — Позитивный такой. Вы с ним замечательная пара! Бог даст, на долгие годы.

Улыбка исчезла с её лица, в одно мгновение она словно постарела, в глазах появились слёзы.

— Горе у нас, Вадик. Из онкологического центра мы едем. Рак у Илюшеньки. И что-то делать уже поздно. Так что едем домой умирать. Он всегда так любил жизнь...

— Что приуныли? — спросил Илья, спускаясь из вагона. — Держи, Вадим, только шнурок сделай покрепче, чтобы на века! — Он протянул медальон.

Вадим зажал рыбку в кулак и прошептал:

— Спасибо большое, Илья, сделаю, не волнуйтесь!

— Так, пассажиры, быстренько в вагон, — заторопилась проводница. — А вы что, с нами не едете? — спросила она у Вадима.

— Не едет, не едет, — ответил за него Илья. — Ему, к счастью, в другую сторону.

Он посадил Светлану и поднялся сам.

— Вадим! — крикнул Илья. — Пообещай мне, что обязательно будешь счастливым!

— Буду, Илья, теперь точно буду! — ответил Вадим и помахал рукой.

Проводница захлопнула двери, поезд дёрнулся, на секунду остановился, словно набирая силы, и медленно покатил в последний рейс.

Вадим понуро брёл по пустому перрону мимо вереницы занесённых снегом киосков. В памяти всплыли давно забытые стихи:

*Луч, освещающий наш путь,
Порой приходит ниоткуда,
А надо просто встретить друга
И с ним присесть передохнуть...*

«Ну вот и всё», — подумал Вадим. Он спрятал рыбку в портмоне и зашёл в здание вокзала.

Фёдор ВОСТРИКОВ

ВЕРЮ В МИР

В ЛЕДЯНОЙ КУПЕЛИ

Памяти М. Я. Кузина

«...А когда Ленинград заблокировали, пришлось
команде уничтожить всю военную технику»
Е. Н. Байдина, краевед

Земля и небо трескались от взрывов —
Тонуло солнце в мгле пороховой.
И танки в море падали с обрыва
Под грохот орудийно-громовой.
От Ханко отступившие солдаты
Грузились второпях на корабли.
Не страхом, а проклятием объята,
Всё дальше отплывали от земли.
Штормило море, минами кипело,
Кричало огнедышащей волной,
Как враг бомбил корабль остервенело —
Качался мир земной и неземной.
И катер — стральщик — силы не хватило! —
Спасти корабль, что сам сопровождал,
От мины вмиг корму разворотило —
Ударил леденящий водовал.
В сердцах солдат и ужас, и тревога,
А водовал безжалостно давил.
Из тысяч выжило совсем немного,
И с ними выжил Кузин Михаил.
Санбатом перелатан, перемотан
Вставал — и в бой! О, как был горд и рад,
Когда косил врагов из пулемета
За всех друзей, за дом, за Ленинград!
По праву вам священная держава
Победные вручила ордена,
А в орденах — величие и слава,
И Родина, что Богом нам дана!

Фёдор Сергеевич ВОСТРИКОВ родился 6 февраля 1942 года в совхозе «Батрак» (ныне пос. Авангард) Алексеевского района Куйбышевской (ныне Самарской) обл. Окончил Куйбышевское культурно-просветительное училище, Пермский университет марксизма-ленинизма, отделение журналистики. Первый поэтический сборник «Отцовское поле» вышел в Перми (1979). Член Союза писателей России (1993). Автор более тридцати книг. Сотрудничает с композиторами, переводит с азербайджанского. Дважды лауреат Пермского края в сфере искусств и культуры, награждён почётной грамотой Министерства культуры и массовых коммуникаций РФ, золотой медалью Российского фонда мира, кавалер ордена Достоевского I степени, Почётный гражданин Алексеевского р-на Самарской обл. Более 30 лет ведёт литературное объединение «Тропа» в Пермском городском Дворце детского (юношеского) творчества. Живёт в городе Перми.

ЗЛО

Утопает шар земной во лжи.
 Что поделаться с безобразьем этим?
 Раз всего даётся людям жизнь —
 Каждый смертный знает на планете.
 И чем дальше, тем гнусней и злей.
 Правду рушат взбешенные власти,
 Либералы Родины моей.
 Разжигают через прессу страсти.
 Слышатся стенанья, крик и стон,
 Отзвуки кровавого Гулага.
 О преступных татях всех времен
 Плачет незаржавленная плаха.
 Верю в мир — он будет веселей,
 Коль стряхнет, как сорняки с полей,
 Ложь и зло под вражки ор и хрипы...
 А пока, — что может быть подлей? —
 Шар земной скрипит от Скрипалей —
 Сатанеет Англия от скрипа!

* * *

С достоинством май проводили
 Всем недругам злым вопреки.
 Победу, как быть, подтвердили
 Бессмертные наши полки!
 Умерших всеславные лики
 Светились в едином строю,
 Встречая победу свою...
 Я в песнях простых, невеликих
 Великую Русь узнаю!

МОСКВА

Ты от века, Москва, златоглава,
 И красивей тебя — не сыскать.
 Ты — столица великой державы,
 Православная Родина-мать.
 А за мать и Минин с Пожарским,
 И панфиловцы насмерть дрались,
 Чтоб над миром не вражки пожары,
 А Кремлёвские звёзды зажглись.
 И зажглись! И сияют поныне,
 Как мыслителей мудрых слова,
 Чтоб Победа вовеки жива,
 И по праву стоит властелином
 Город мира и славы Москва!

ПООДИНОЧКЕ

Теперь колхозом не живут,
 А всяк живёт поодиночке.
 Своя забота, свой уют,
 Свои, как скажем, заморочки.
 Коттедж, как храм, очередной,
 А бизнес — тоже, верно, свой,
 Как остров в дальнем зарубежье.
 И в прессе каждой не впервой
 Подключий сленг о жизни прежней.
 Не разобрать, кто враг, кто друг —
 Душа от слов таких устала.
 И не заметила, как вдруг
 Святая Русь чужою стала.
 Да что ж вы, жирные тузы,
 С огнём кровавым заигрались?!
 Снимите с лысины картузы,
 За репы братья не пора ли?!
 Спасти не смогут ни овраг,
 Ни богатырских предков прах —
 Не будет никому отсрочки,
 Когда нагрянет внешний враг —
 Всех перебьют поодиночке!

ГАЙДАР

Бывают разве воины в запасе? —
 У них всегда к земле родимой дар!
 Родился в монастырском Арзамасе
 Писатель русский Голиков — Гайдар!
 В пятнадцать лет он дрался за Советы,
 Летя в атаку с шашкой наголо.
 Разил врагов, храня отца заветы,
 Выплёскивая ненависть и зло.
 В душе бурлила молодость и сила
 И клокотал словесно-дивный пыл:
 Любил высоко-праведно Россию —
 Любовь к Отчизне в книги превратил!
 Герои книг из стен библиотеки
 Уверенно идут из рода в род,
 С командою: Тимур и Чуки, Геки,
 Обогащая правдою народ.
 Пытались очернить родные даже
 Под либерально-волчий гнусный вой.
 Талант Гайдара нелюдь будоражит
 Патриотично-смелою строкой.
 Её, как жизнь, подхватывают люди
 И чудо-книги дарят молодым.
 Но был Гайдар и есть, и верю, будет
 В сердцах потомков славен и любим!

ХОР

В. Н. Минину

Мининский хор светоносно поёт,
 В холод и в зной превращая дорогу.
 Людям больным исцеленье даёт,
 Путь приближая и к храму, и к Богу.
 Радужность красок дарует сполна —
 Сила благая в классической лире:
 В меру пронзительна, в меру вольна...
 Мининским хором гордится страна,
 Лучшим славянским сокровищем в мире!

* * *

Прихожу я на берег и снова
 Мать-природу прошу: «Подари
 Мне такое певучее слово,
 Чтоб не мог я уснуть до зари,
 Чтоб оно клокотало и пело
 Величаво и страстно во мне,
 И моё стихотворное дело
 Пригодилось с годами стране».
 Мать-природа, вздохнув, отвечала:
 «Как же быть, стихотворец, с тобой?
 Полюби ты меня для начала,
 А потом и как Пушкин воспой! —
 Улыбнувшись весёлой рекою
 На прощанье, что в сердце держу:
 — Вот тогда я и слово такое
 Непременно тебе подскажу!»

* * *

Радио включили, телевизор —
 Обо всём бормочут без конца:
 Кто женился, кто добился визы,
 Кто из тюрем выдрал подлеца.
 И какой-то наш варяг в Канаде
 Шайбу полусотую забил,
 А бездарный щёголь на эстраде
 Молодость продюсерше сгубил.
 Повторили трижды раз и снова,
 Прокартавив, канули во мгле.
 Не сказали даже ни полслова
 О достойных людях на земле.
 Ведь сегодня, в светлый день осенний,
 Надо бы шуметь на белый свет! —
 В мир пришёл блистательный Есенин,
 Продолжатель Пушкина поэт!

ОЛИМПИАДА – 2018

Без флага Отчизны, без гимна,
Сквозь боль вековую и грусть
Почти под сплошным псевдонимом
В Корею отправилась Русь.
Потомки простят нас едва ли,
Что мы уберечь не смогли
Не только созвездья медалей,
Но главное — не отстояли
Величие русской земли!

* * *

Вечер смолк, ушёл в преданье.
Отступал закат вдали,
Звёзды-свечи мироздания
Не спеша во тьме зажгли.
Тишина вокруг такая,
Что слышать, как дышит тень,
Как с дубов роса стекает
На задумчивый плетень.
Я к природе на свиданье,
Будто в юности, хожу.
Не случайно к мирозданию
Всё ж и я принадлежу!

* * *

Мне говорят, что я природой болен, —
Ну что же, принимаю эту боль.
Она ж не только боль, а жажда воли,
А волю заслужить, мой друг, изволь.
По Грину возлюби, романтизируй
И по Гайдари в сердце сохрани.
Неси, как песнопение, по миру
Тебе природой вверенную лиру,
Как в прошлые, в оставшиеся дни!

РИФМА

Не мучь себя придуманною рифмой —
Она тебе, дружище, не родня.
Твоя ж — совсем не сказочная нимфа,
А дева у старинного плетня.
Её веди к певучему народу
И пойте вместе, душу веселя.
Она твоя извечная природа,
И в боль, и в радость, русская земля!

Владислав УРЖУМОВ

АВТОБУСНАЯ СОНАТА

БЛОКАДА ЛЕНИНГРАДА

А мне тепло в ободранном жилете
 Работать на морозной зимней стуже.
 Поверьте, многим людям на планете
 Бывало и значительно похуже.

Наемся ломтиком одним я до отвала.
 Кусочек хлеба — скоро будет пир,
 Бывали хуже случаи — немало
 Таких вещей наш мудрый видел мир.

Вода ключом и так пробьёт в поэте —
 Глоток воды оставлю для детей.
 Поверьте, многим людям на планете
 Бывало и значительно сложней.

Пробежка утром — это надо мне,
 Особенно под залпы фрицких ружей.
 Бывали хобби хуже на Земле,
 Бывали развлечения похуже.

И если бомба упадёт в мой дом,
 Раздастся взрыв среди холодной ночи —
 Найдёте на бумаге вы пером:
 «Бывали в мире судьбы покороче».

ПЕРМЬ. ЛЮБЛЮ И ГОРЖУСЬ!

Тайга тянулась вдоль дороги,
 Бросая тени на асфальт.
 За ней поля тянулись, логи,
 Трава звучала словно альт...
 Косой рассвет глядел к нам в окна,
 Бросая под колёса луч,
 Успело в сердце что-то ёкнуть:
 «Ах, до чего ж наш край могуч!»

Владислав Андреевич УРЖУМОВ родился 26 мая 2003 года в городе Перми. Учится в 10-м классе школы N 146. В литературном объединении «Тропа» занимается с февраля 2018 года. Победитель XVI Малых Астафьевских чтений в номинации «Поэзия» (2019). Живёт в городе Перми.

Мы много видели в поездке
Известных городов и рек,
Но красоты просторов пермских
Не видел лучше я вовек.
Мне повезло в Перми родиться:
Ведь лучший город — мой родной,
Могу я Пермью лишь гордиться,
Своей любимой стороной.
Мечта заставит улыбнуться,
На край Земли хоть улетай,
Я захочу к тебе вернуться,
Мой дорогой, мой Пермский край!

АВТОБУСНАЯ СОНАТА

Осенний ветер подгоняет снег,
Холодным лезвием секущий по асфальту.
Пусть не сравнится с небом человек,
Как ксилофон не подобает альту...

Автобус так уютен и пригож:
Души пристанище, замерзшего народа.
Тебе тепло, а за дверями сплошь —
И снег, и дождь. Ужасная погода.

Ходить пешком уже сезона нет.
Градской затор ведь не проблема для зимовки.
Глади в окно — стоит мой силуэт,
Глазами ищущий тебя на остановке...

МИХАЙЛОВСКОЕ СКВОЗЬ ВЕКА

Свистят в Михайловском ветра,
По бурым рощам пробегая.
А по листу, из-под пера
«Летит кибитка удалая»...
Как первый друг, что друг бесценный,
Во двор врывается стремглав —
Так пир горой, как праздник пенный,
Наградой к сотне новых глав.
Но утром свеж, ведь по привычке
В прохладу Сороти нырнул...
В глазах огонь, горят как спички!
И городской оставить гул
Теперь поэт совсем не прочь.
Взглянул в окно... И снова, снова
Строка, строка... Весь день, всю ночь —
Глава «Бориса Годунова»...

А муза кружит над столом,
Сюжет внимая сказок новых,
Что были связаны узлом
«Подругой дней его суровых».
Чернила вечностью блещут,
И строфы сквозь века ложатся.
В Михайловском ветра свистят,
Бегут по Пушкинским абзацам!

ПОКА ДОГОРАЕТ СВЕЧА...

*«...Огонь — это почти вечное движение.
Если ему только позволить, он выжжет
до тла всю нашу жизнь, от рождения
до смерти. Что есть огонь? Это тайна...»*
Рэй Брэдбери, «451° по Фаренгейту»

По сонным улицам, безмолвным тротуарам
Летит со свистом времени поток.
Летит, не то гонимый ветром ли, пожаром,
Не то начала ищущий исток.

Он мчит, шекочет трубы, крыши, кроны,
Как пламя неприрученное — лист;
Под тот же шелест, те же скрипы, стоны,
Что издаёт, сгорая, лес ветвист.

Огонь свечи — одна, всё та стихия.
Он сеет страх? Нет, дарит людям свет.
И парафин. Как клетка льву, окова змию
Удерживает пламени рассвет.

Выходит, время — птица на свободе,
То мчаться вольная, то воспарить.
Обычно дикая и властная в природе,
Что стоит лишь поймать и приручить...

И где-то, летопись складирова по строкам,
Где каждая заслуживает мзду,
Он жёг свечой по временным потокам —
Поэт, держащий время за узду...

Елизавета ЗАВОДНИКОВА

ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ

НАЧАЛО ПИСЬМЕННОСТИ

Странник согнутый бродит в пустыне.
Знаки теплил папируса лист:
«Нет воды. И пески словно дыни...
Сохнет в горле. Уста запеклись».

Красный двор на Руси светлоликой.
Малый Фомка нашёл бересту,
Затесь чиркнул, неграмотный, лихо, —
Лапти скрыли вконец наготу.

Дети Севера руны кромсали.
Кипу — узел от инков висел...

Буквы «альфа» и «аз» опали —
Рыхлый шар возносился в красе.

Буквы «альфа» и «аз» зазвенели,
Почву скудную сдобрив росой.

Предки наши беречь повелели
Клад, как зорко стеречь колосок.

ЛАМПАДКА ОСЕННЕГО САДА

Памяти А. Л. Решетова

Продрогли унынием строки поэта —
Войны лихолетья впечатались где-то:
В очах, бередящих ранимые души,
И в маках, серпом не затронутых, стужей.

А счастье, известно, — неполная фаза:
От мамы осталась морошка, что разом

Елизавета Леонидовна ЗАВОДНИКОВА родилась 17 октября 1993 года. Магистр лингвистики (2019), работает в Пермском национальном исследовательском политехническом университете. Занимается в литературной студии «Тропа», старшая группа (руководитель Ф. С. Востриков). Дипломант конкурса начинающих авторов памяти Валерия Дементьева (2016, 2018). Призёр XIV Малых Астафьевских чтений (Чусовой, 2017). Публиковалась в газете «Пермский писатель» (2017) и в альманахе по итогам XIV Малых Астафьевских чтений (2018). Живёт в городе Перми.

Корзины да кров наполняла отраднo.
Слабеет лампадка осеннего сада...

А в чаше настояны травы, что пряны —
К Борею вернулся и векше багряной.
Старик-Берендей завещал его думу,
Пастух завывал элегично — не шумно...

ВЕЧЕР У КОСТРА В ПОЛАЗНЕ

Тени у костра танцуют,
Давний ритуал воруют.
Перечно-душисты дали —
Точно купорос отдали.

Много поколений — мало
Помнящих войны начало.
Эти декабри стенали
Линзами тускневших марей.

Старые причалы тонут.
Крепко я вплету бутоны,
Чтобы ритуал, столь зыбкий,
Время оживил, что гибко.

ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ

Обескровило снег светило.
Мы летаем под ритмы марта.

Заливается песней мило
То синица, то ветер.

Карта

Указала чертою камской,
Где лазоревы, бледно-лунны
По воде прилагали сказки
Берега, что сонливо-смутны.

Мы по вектору здесь блуждали.
Зарождалось извне невольнo
Средоточие светлой дали —
На губах остывало долей.

Милана ВОЛОКИТИНА

ЧТО ЛЮБИМ В ЮНОСТИ СВОЕЙ

* * *

В этом мире горя и страданий
Человека жизнь не стоит и гроша!
Деньги управляют мирозданием —
Не важны теперь ни совесть, ни душа!
В суете однообразных будней
Пролетает жизнь бессмысленно, спеша...
Мы стоим на кренящемся судне,
Голос совести безжалостно глуша...
На обложках глянцевого журналов
В жемчугах эстрадные певцы.
Всё блещет на пышных карнавалах...
Нет, они уже не музыки творцы!
Измельчала русская культура
Под наплывом западных идей:
Сгрызенного яблока «скульптура»
Выше ценится, чем труд учителей!
Где размах души великорусской?
Где ты, сильный, волевой народ?
И лишь странник по дорожке узкой
В неизвестном направлении идёт...

СЧАСТЬЕ

Скажите, что такое счастье?
Способны ль мы его постичь?
Когда наступит вдруг ненастье,
Хлестнёт по спинам грозный бич,
Поймём ли мы, где счастье было,
Что важно в жизни для людей?
Какое место нам так мило?
Что любим в юности своей?
Иль сломит нас судьбы лавина,
Набросив снежный свой наряд?

Милана Сергеевна ВОЛОКИТИНА родилась 29 августа 2002 года в городе Перми. Ученица школы N 104. Сочинять начала с 9 лет. Пишет прозу и стихи. В литературную студию «Тропа» пришла в сентябре 2017 года. Участник конкурса памяти Валерия Деметьева и Малых Астафьевских чтений. Живёт в городе Перми.

Нахлынет горькая кручина,
Что свету белому не рад!
А счастье здесь, стоит в сторонке,
Лишь раз шагнуть — и вот оно!
Уже несётся голос звонкий:
Вам быть счастливым суждено!

* * *

«Почему?» — этот вечный вопрос,
На который не будет ответа...
Как же быстро уходят поэты,
Не дождавшись свершения грёз!
Справедливость — несчастная дама!
Так, скитаясь по миру, она
Никогда никому не нужна...
Лишь поэтам, что очень упрямы.
Только век их, увы, слишком краток!
Погибают один за другим,
Оставляя потомкам своим
На бумажном листке отпечаток...
Так внезапно ушли в мир иной,
Тихо дверь за собою прикрыв,
Слишком мало на свете пожив,
И Тальков, и Высоцкий, и Цой...

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Стонет русская земля,
Кровью жертв войны умыта,
Плачут тихие поля,
Плачут клёны и ракиты...
Поднял руку на отца
Сын, которому семнадцать.
Мать рыдает у крыльца —
Ей судьба одной остаться!
Всюду смерть, убийства, кровь!
Братья стали вдруг врагами,
Ружья в руки взяли вновь,
Землю топчут сапогами...
Горький вопль матерей
Над могилою солдата...
Нет другой войны страшней
Той, где брат идёт на брата!

Юля КОМАРОВСКАЯ

ПОСЛАННИК ВЕСНЫ

УЛИЦА ГЕРОЯ

Посвящается
Герою Великой Отечественной войны
Татьяне Барамзиной,
в честь которой в Перми названа улица

Вдали от шоссе, от проспектов широких
Стоят до сих пор, как в эпохе другой,
Дома невысокие старой постройки
С табличками «Улица Барамзиной».

В честь девушки-снайпера улицу эту
Назвали, чтоб помнили люди о том,
Как шли пермяки воевать за победу,
И даже девчонки сражались с врагом!

Какой же была она, девушка-снайпер?
Такой же, как все, кто страну защищал,
Война закалила девичий характер
И бить научила врагов наповал.

Танюшей в полку её ласково звали
За рост небольшой и кудрей завиток,
За смелость, за чуткость души уважали,
За то, что умеет нажать на курок.

Гордилась Татьяна, что снайпером стала,
Писала домой: «Я открыла свой счёт,
Шестнадцать фашистов — не так уж и мало,
Была бы винтовка, рекорд подрастёт».

С врагами готова померяться силой,
И если придётся погибнуть самой,
За Родину нашу умру я счастливой,
До вздоха последнего выдержу бой».

Юлия Владимировна КОМАРОВСКАЯ родилась 25 апреля 2004 года в городе Перми. Ученица школы N 44. Увлекается литературным творчеством: сочиняет стихи, пишет рассказы и сказки. С 10 лет занимается в литературной студии «Тропа» во Дворце детского и юношеского творчества г. Перми. Была победителем открытых Малых Астафьевских чтений. Лауреат региональных, всероссийских и международных литературных конкурсов. Имеет публикации в журналах и сборниках работ участников литературных конкурсов. Живёт в городе Перми.

Тот бой наступил, бились насмерть солдаты.
 Последний блиндаж только не покорён.
 Закончились пули — пошли в ход гранаты,
 Бьёт девушка-снайпер фашистов огнём.

Она лишь одна, а противников — много,
 Захвачен блиндаж, и Татьяна — в плену.
 Фашисты её истязали жестоко,
 Не дай Бог кончины такой никому...

У девушки-снайпера путь был короткий,
 А улица ширится, тянется вдаль —
 Уже начинают здесь строить высотки,
 Дорогу хотят превратить в магистраль.

Ничто на земле не стоит без движенья:
 Меняются люди, мелькают года,
 И улиц старинных второе рожденье
 Приходит, чтоб дальше росли города.

У ветхих домов современные зданья
 Берут эстафету на годы вперёд,
 И память, меняя свои очертанья,
 Из прошлого века в грядущий идёт,

Чтоб знали потомки о подвигах давних
 И чтили Героев поры боевой,
 И жили на улице девушки Тани —
 Отважного снайпера Барамзиной.

ПОЛЕ БИТВЫ ВЕЛИКОЙ

Поле битвы великой, поле воинской славы,
 Где шумит величаво вековая дубрава
 И ковыль в междуречье серебром расцветает,
 Помнят русские люди, берегут, почитают.

Это древнее поле нарекли Куликовым,
 Здесь священное место, вольной жизни основа,
 Здесь, поднявшись над мглою, вновь заря засияла,
 Сорвала Русь оковы и свободною стала.

Семь столетий промчалось, как на поле широком
 В бой полки выходили, бились насмерть жестоко,
 И сминались кольчуги от ударов могучих,
 И земля содрогалась, и бойцов было — тучи!

В старину с поединка начинались сраженья,
 Два воителя лучших бились до поражения:
 Пересвет-ратоборец Челубея-детину,
 На коне удержавшись, наземь с лошади скинул.

Судьбоносная сеча в диком поле свершилась —
С Золотою Ордою Русь отчаянно билась.
Вперемешку лежали русы и печенеги,
И татаро-монголы, здесь оставшись навеки.

Князь Донской до победы бился с войском Мамай
И, на поле сраженья с тяжкой скорбью взирая,
Повелел в честь погибших тут часовню поставить,
Чтоб по вере Христовой поминать их и славить.

Верят люди поныне: как ветра налетают —
Богатырские силы над равниной витают,
В наши дни проникая из години старинной,
Навешая героев тех событий былинных.

И как дуб исполинский не сломить под ударом,
Как не вытоптать степи, рек не выжечь пожаром,
Так и Русь будет вечно нерушимой державой,
Никому не уступит доброй воинской славы!

СИМВОЛ РОССИИ

— Какое дерево красивей всех на свете?
— Берёзка, — прошумел в ответ мне ветер. —
Свисают её веточки дугою
И шелестят кудрявою листвою.

— Берёза краше, — просияло солнце. —
Не зря её сажают под оконцем,
От тоненьких берёзок белоствольных
Становится мир светлым и спокойным.

— Берёзка лучше, — прощуршали травы. —
Когда в лесах случаются пожары,
Берёза первая растёт на пепелище,
Под ней и мы клочок земли отыщем.

— Милей берёза, — щебетали птицы. —
На ней мы любим по весне гнездиться.
Её серёжки — всем на загляденье,
А высохнут — нам станут угошеньем!

И люди чувств к берёзе не скрывают,
Её в России символом считают
Земли родной и русского раздолья:
Растёт она в лесу, у дома, в поле...

Ответов много, все они похожи,
Но вывод нужно сделать. И какой же?
Как нет цветка красивее, чем роза,
Нет краше дерева, чем русская берёза!

ПОСЛАННИК ВЕСНЫ

На исходе зимы, с первым лучиком вешним
На проталине снега в холодном лесу
Распускается нежный и хрупкий подснежник,
Ото сна пробуждая природы красу.

Белоснежной головкой кивая проходим,
Колокольчик весенний неброско цветёт,
Облетают снежинки его осторожно,
Щедро влагу ему дарит тающий лёд.

С первых дней на студёном ветру закалённый,
Чуть заметный среди ледяной белизны,
Смело тянется к свету на стебле зелёном
Самый первый посланник грядущей весны.

Дотянуться до самого солнца мечтает,
Путь весне указать — пусть приходит скорей
В царство снега и льда из цветущего края,
Власть у стылой зимы забирая смелей.

И хоть сил не хватает, чтоб стать великаном,
Знает кроха-подснежник уловку одну —
Прорастает отважно, когда ещё рано
Появляться цветам, и торопит весну.

После вьюги сердитой и злого мороза,
Под прощальные слёзы сосулеч лесных
Навевает подснежник весенние грёзы
О тепле, о любви, о сердцах молодых.

И однажды под звон колокольчиков тонких
Вся природа очнётся от зимнего сна,
Станет мир по-волшебному ярким и звонким,
Потому что пришла наконец-то весна!

Анна КОНЕВА

НА ВЕТРАХ ИГРАЕТ ДОЖДИК

* * *

На ветрах играет дождик,
Не жалея тонких рук.
Осень — опытный художник:
Изменила мир вокруг.

* * *

Когда на улице темно
И светят фонари,
Ты выпей сладкое вино
И в небо посмотри.

Окутан город темнотой,
Она сползает с крыш,
И ветра заунывный вой
Скребётся, словномышь.

Пускай идут печали прочь.
Закрой глаза, лети!
Зарёй уйдёт царица-ночь.
Увидишь все пути.

* * *

Горела тихо лампадка,
Бежало перо по письму,
А мысль поэзии сладко
Творила иную тесьму.

В полёте плавилась строки,
Отчётливый образ возник:
Печальный и одинокий
Судьбы пророческий лик.

Анна Алексеевна КОНЕВА работает в краевой библиотеке для слепых заведующей редакционно-издательским отделом. В свободное время предпочитает слушать музыку, читать, посещать концерты и спектакли. Ранее стихи автора публиковались в газете «Пермский писатель». Живёт в городе Перми.

* * *

Играла скрипка в таверне.
Ревели струны в тиши.
Тоска баюкала нервы.
Болели шрамы души.

Мерцали звёзды в бокале.
Душа искала ответ.
Рука строчила в запале,
Встречая новый рассвет.

* * *

Заснул усталый город.
Покоем сон укрыл.
Теперь он снова молод,
О грусти позабыл.

Елена АЗАНОВА

ВЕСНА ЗАБЛУДИЛАСЬ

КУНГУРСКАЯ ЛЕДЯНАЯ ПЕЩЕРА

Вход неприметный, на лицах волнение.
Заперты двери, начало тропы.
Словно подземного царства виденье,
В гроте Полярном господствуют льды.

Ярко сверкает хрусталь сталактитов —
Каменный свод бахромою покрыт.
Радует глаз красота сталагмитов —
Лёд вековой навсегда здесь закрыт.

Трубы органа в пещере беззвучны,
Воды озёр безмятежно стоят.
Древние гроты из гипса непрочны,
Тысячи лет их потомки хранят.

ЗИМНЕЕ УТРО

1

Снегири и свистели
Спозаранку прилетели.
Утро ясное стоит.
На деревьях снег блестит.

Снегири вокруг летают,
Перья пламенем играют.
В небе посвист издают,
Скачут, ягоды клюют.

А синица на дорожке
С любопытством ищет крошки.
Эти птицы лишь зимой
Прилетают к нам домой.

Елена Станиславовна АЗАНОВА учится в пермской школе N 6. В литературном объединении «Тропа» занимается с 2016 года. Печаталась в 2017 и 2018 годах в журнале «Родничок». Победитель конкурсов им. В. Деметьева и «Малые Астафьевские чтения» в 2018 и 2019 годах. Лауреат II степени в конкурсе «Глаголь» (2018). Выступала на краевом радио «Диалог с молодыми» (2017, 2018, 2019). Печаталась в журнале «Костёр» (г. Санкт-Петербург) в марте 2019 года. Живёт в Перми.

2

Снегири и свиристели
Под окном на ветку сели.
Ветер лютый ветку гнёт
И взлететь им не даёт.

Ветки крутит, извивает,
В диком танце их ломает.
Пташек сбросить норовит,
Вот поэтому чудит.

Птахи съжившись сидели
И друг друга будто грели.
Чтобы стойкость победить,
Снегом их решил накрыть.

Ветер приутих устало,
И светлее сразу стало.
Ввысь взметнулась стая птиц,
Словно облако зарниц.

ВЕСНА ЗАБЛУДИЛАСЬ

Весна заблудилась
В февральских метелях.
Листва не проснулась
На спящих деревьях.

На небе зарделась
Заря, полыхая,
Огнём загораясь
От края до края.

Таёжные ветры,
Врезаясь в просторы,
Замёрзшие травы
Сплетают в узоры.

Холодное солнце
Не блещет лучами,
Но птиц щебетанье
Слышать под ветрами.

Весна, пробуждаясь
В хрустальной дубраве,
С зимою прощаясь,
Спешит к переправе.

Николай ГЛУМОВ

ДЕНЬ ВЫЗЫВАЮЩЕ ХОРОШ

* * *

Помазан Господом поэт.
Печаль в речах его сакральных.
Ему недалеко от бед
И слов кладбищенских, финальных.

В речах избранника печаль.
В руке избранника бутылка.
Ему, мой друг Владимир Даль,
От бублика досталась дырка.

Его не признаёт сосед,
Не признаёт Россия следом...
Он вечно корчится от бед
И вечно ссорится с соседом.

* * *

Пить простое и крепкое пиво,
Изъясняться простым языком,
Стать печальным, похмельным, ленивым,
Позабиться обломовским сном.

И всю жизнь пропахав на заводе,
Большинство из дарованных дней,
Раствориться в великом народе,
Средь великих его сыновей.

Только так, только так, не иначе,
И о том нету силы молчать —
Может быть, ничего мы не значим,
Просто так будем существовать.

Николай Николаевич ГЛУМОВ родился 9 сентября 1957 года в городе Перми. Окончил юридический факультет Пермского государственного университета (1979). Работал следователем. Трудился на железной дороге начальником почтового вагона. В настоящее время — рабочий. Занимался в литературной студии при Пермской краевой организации Союза писателей России. Публиковался в различных периодических изданиях, в альманахе «Литературная Пермь». Автор нескольких поэтических сборников: «Городская аркадия» (2006), «Полёт птицы счастья» (2007), «Пролетарский февраль» (2009), «Красная осень» (2012), «Пролетарские дворы» (2014). Член Союза писателей России (2008). Кавалер ордена Достоевского III степени (2012). Лауреат Всероссийской литературной премии им. Д. Н. Мамина-Сибиряка, лауреат Пермской краевой премии им. А. Л. Решетова (2015). Живёт в городе Перми.

* * *

Дождь резвится с прогнившею рамой.
 Ветр берёт фонари на прищел.
 Своей жизни прекраснейшей самой
 Прокурору открылся предел.

Мир предстал ему в истинном свете,
 Но гордыню смирить не дано.
 И сидит он в своём кабинете,
 И глядит он на осень в окно.

Там, за рамой — свет истины вечной,
 Но попробуй туда преступить.
 Прокурор он хороший, конечно,
 И ему надо с кем-то дружить.

ИСХОД

Буржуйским дням потерян счёт!
 Какое скорбное начало!
 Какой пророческий исход
 России небо в дар послало!

Бредёт советский караван
 Ниспосланной с небес дорогой.
 Бредёт поэт, немного пьян.
 И весело ему немного.

Спасает душу алкоголь!
 Сознание спасенья ищет.
 Ему патруль доставит боль
 И к размышленьям много пищи.

* * *

День вызывающе хорош,
 Как будто Пушкин кучерявый,
 И сразу даже не поймёшь,
 Что некому накрыть поляну.

Глядишь на облачную тень,
 Скользящую ячменной нивой,
 И просто мыслишь дребедень,
 И просто думаешь о пиве.

О самогоне, о вине,
 О том, что пьют сейчас другие —
 И вот уж счастливы оне!
 А дни есть всякие в России.

Игорь ТЮЛЕНЕВ (об авторе см. с. 27)

НУ, О ПЛОХОМ СЕЙЧАС НЕ БУДЕМ

«КОБРА»

Ты лежишь, красивая, как кобра,
Юная священная змея.
Словно сердце раздвигает рёбра —
Так глаголы рвутся из меня.

Только не рассказывай об этом,
Твои губы пухлые чисты.
Видишь, как томятся под запретом
В лоне вод деревья и кусты.

А тогда у речки Монастырки
Я сказал: — Любовью напои?
Я был скромн, тих и не настырен,
Пальчики перебирал твои

Словно пианист клавиатуру,
Хоть из зала зрители ушли,
Проклиная русскую культуру,
От которой вдруг с ума сошли!

Вот и я сошёл с ума, конечно,
Как при виде кобры майский кот.
Криками разламывая вечность
И пугая питерский народ.

О СЕБЕ

Словно медведь, с герба сошедший,
То МОлотовский, то ПермскОй!
Ну не ПермскОй, конечно, ПЕрмский,
Но тоже с русской душой.

Ни «Жигулей», ни Сивки-Бурки,
Ни изб, ни княжеских палат.
В друзьях спортсмены или урки
И девки из агитбригад!

Мы ежели не пьём, то курим.
Не курим, так по морде бьём...
Ну, о плохом сейчас не будем,
Любого, как гармонь, порвём!

Я достаю блокнот и ручку,
На Родину в упор гляжу
И музу русскую, не сучку,
Под белы ручки в дом ввожу!

Владимир ГЛАДЫШЕВ

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ЧЕ!**Глава из романа «Наука оболъщения»**

Первый пик популярности Вадим испытал в юности, сразу после окончания универа. Начинаящего репортёра с острым видением мира, живым слогом заметили ещё во время производственной практики в областной газете и пригласили в штат. А вскоре отправили в первую зарубежную командировку, была такая разнарядка по линии турбюро «Спутник» — выделить молодого журналиста. Вернувшись с Кубы, Вадим написал серию ярких репортажей о своих встречах на острове Свободы. Был читательский интерес, было одобрение коллег и даже завистливое удивление. А на «летучке» редактор газеты предложил издать репортажи отдельной книгой. Начинаящий автор был на седьмом небе от счастья.

Вечером в семье своей невесты Инны они немножко отметили эту новость за бутылочкой лёгкого винца. Вадик, слегка подшофе, произнёс свой любимый тост:

— Да здравствует Че Гевара!

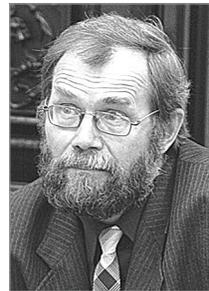
Портрет Че, этого романтика-революционера, мечтавшего об освобождении от капиталистов всей Южной Америки, появился в комнате Вадика после кубинской поездки. Родственники Инны тоже читали его репортажи со Всемирного фестиваля молодёжи и студентов в Гаване. «Только не зазнайся, старик», — сказал сам себе репортёр, слушая очередную лестную оценку. Хотя на вечеринке в доме подруги ему стало отчего-то стыдно. Вадим не обо всём рассказывал Инне, знакомы они были ещё недолго. Инночка училась на искусствоведа в том же универе, который окончил и он.

Дело в том, что появилась у него после заграничной командировки одна тайна... Чуткая, как самый тонкий прибор, подруга уловила его перемену настроений, и по своему обыкновению затормозила его, забросала упрёками — а потом «надулась». Взбалмошная натура, что с неё взять, холерический темперамент. Вадик же был сангвиником, казалось бы, что общего? А вот поди ж ты — потянулись друг к другу...

Неожиданно на помощь «героя дня» пришла мать Инны, Виктория Ивановна.

— Вадим, а вы не смогли бы придти к нам в школу, встретиться с ребятами, рассказать о своей поездке? Ведь это им очень интересно будет, мы читали ваши кубинские статьи на уроках.

Владимир Фёдорович ГЛАДЫШЕВ родился 4 октября 1951 года в городе Молотове/Перми. Окончил факультет журналистики Уральского государственного университета (1979). Трудовую жизнь посвятил журналистике и краеведению. Публиковался в различных сборниках, альманахах, журналах и газетах, в т. ч. «Литературная Пермь», «Пермский писатель». Первая книга вышла в городе Перми в 1985 году: «И нам его беречь». Автор более десятка книг, в основном краеведческой направленности. Член Союза журналистов СССР/России (1980). Член Союза писателей России (2009). Лауреат нескольких премий, в т. ч. им. А. Гайдара. Кавалер ордена Достоевского II степени (2012). Живёт в городе Перми.

Опять «статьи»! Но в этот раз Вадик пропустил мимо ушей терминологическую путаницу газетных жанров, обычную для «чайников», которые называют любую публикацию в газете статьей. Мама подружки работала литератором, собственно, и знакомство с Инной переросло в нечто большее после того, как Вадим написал о её матери как об одном из лучших преподавателей изящной словесности, как выражались в старину.

Нет, началось не с этого.

Когда Вадим пришёл в эту школу на высоком холме, получив редакционное задание написать очерк к Дню учителя, скромная литераторша отказалась от такой чести и... предложила другую кандидатуру, физика Григория Демидовича. Демидыч, как звали молодого педагога между собой ребята, понравился журналисту, он написал свою зарисовку легко, с симпатией к герою. Хотя саму физику в школе не любил, но вот человек, преподававший им этот предмет, его очень интересовал. В отличие от молодого, динамичного Демидыча, тот педагог был пожилым, одноруким, нервы — ни к чёрту, иногда мог запустить в нерадивого ученичка тряпкой или мелом. Хороший был учитель, тем не менее, царство ему небесное. Одноклассники сказали: утонул в Мулянке... В Мулянке! Мелкой вонючей речушке, в которой в детстве любили «палькаться» Вадик с друзьями. Н-да...

А вот Демидыч никогда не нервничал, он брал своё шуткой, тонкий психолог, он умел найти подходы к любому оболтусу. Материал у Вадима было построено на сравнении, с элементами интервью, и шутки тоже пригодились. После публикации упрямый «журналюга», с сознанием выполненного долга, сказал Виктории Ивановне: «А следуюший мой очерк будет о вас, всё же литература — мой конёк!» И спустя полгода выполнил своё обещание.

На встречу в школу (которую, кстати, окончила и Инна) он шёл уже как к своим хорошим знакомым. Ведь бывал в последнее время здесь чаще, чем в своей бывшей школе, находившейся в рабочей слободке. Но когда репортёр увидел, сколько юных слушателей нагнали учителя на третий этаж, где проходили общешкольные «мероприятия», ему стало как-то не по себе. Он-то рассчитывал, что встреча будет в классе, камерную обстановку он переносил неплохо, а перед большими аудиториями его порой бил с непривычки мандраж.

Помогла гостю опять же опытная Виктория Ивановна: заметив, что Вадим ступешался, она начала говорить сама, изредка обращаясь к нему с вопросом. «Какой всё же обаятельный, добрый человек», — с благодарностью подумал о ней журналист. Спустя минут десять-пятнадцать он уже обрёл «боевую форму» и начал вспоминать, что его поразило в кубинцах, а также... в немцах, с которыми он там познакомился. Попрактиковался в немецком языке и — в умении пить пиво.

— Ребята, учите языки, очень пригодятся, — щедро давал он советы юным слушателям. — Поверьте! Без знания испанского я был, как немой, немтырь. Кстати, вы знаете, что на Руси немтырями называли поначалу немцев, поскольку по-русски не говорили. А вот знание немецкого мне неожиданно пригосилось на Кубе...

Вадим уже совершенно освоился и залом владел без помощи учителей. Уловив, что «галёрка», где собрались старшекласники, в какой-то момент отвлеклась, он пустил в ход испытанное оружие оратора.

— А в заключение я расскажу вам о том, как я пошёл на преступление... — галёрка моментально затихла, заинтригованная. — Да, пошёл на нарушение лагерного режима, за что и получил выговор от руководителя группы... И, в общем-то, получил поделом, ведь обстановка на Кубе действительно серьёзная: совсем рядом — США, которые давно бы убрали Фиделя (сколько покушений на него было!), вместе с его друзьями-барбудос, если бы не мы, не наша страна. Кто знает, кстати, что означает «барбудос»? Правильно — бородатые. Фиделиты поклялись не сбривать бороды, пока не завоюют свободу. Да и внутренние враги социализма на острове никуда не исчезли, эти гусанос — «червяки», как называют их кубинские комсомольцы, — каждый год бегут с острова в Америку...

...А преступление заключалось в следующем. До отъезда русской группы оставалось всего два дня, а Вадиму очень нужно было вырваться из лагеря в Гавану, ну просто позарез! И вечером, когда все ушли на дискотеку и в бар, наш авантюрист незаметно (оглядывался, как шпион!) вышел на гаванский автобан, проголосовал и на попутном «москвиче» — машины там почти все советских марок — добрался до столицы. В дороге перебросились несколькими фразами с водителем, нашли общий язык — немецкий. Выяснилось, что этот молодой инженер ездил один раз в Москву, знаком с русскими специалистами. А когда водитель узнал, что его случайный пассажир живёт в городе, где танцует знаменитая балерина Надя Павлова, то воскликнул:

— О, Надя, На-деж-да Павлова, мы её любим, да! Это наша Алисия Алонсо! Прима!

— ...И представьте, ребята, — сказал, закругляясь, Вадим, — водитель так расположился ко мне, что даже ничего не взял с меня, никакой платы. Это было очень кстати, так как у меня в кармане оставалось всего несколько монет, песо. Вот так мне помогла наша знаменитая землячка-балерина!

От встречи со школьниками у Вадима осталось хорошее послевкусие, как после хорошего «Гаванского клаба» или мохито. У него даже брали автографы — впервые в жизни! Особенно запомнилась одна черноволосая семиклассница в коричневом фартучке. Она робко подошла за автографом, когда Вадим уже собирал все свои сувениры, фотки и блокноты. Он выдернул фотокарточку из кубинского набора, спросил у неё, как её зовут.

— Светлана, — ответила она.

— Ну, если так, то скажи и своё отчество, — улыбнулся журналист.

— Борисовна, — серьёзно ответила девчушка.

Пока Вадим писал на открытке, она грустно сказала:

— А я тоже хотела стать балериной, меня даже мама водила в наше хореографическое училище. Но меня не взяли.

— Ну ничего, — рассеянно-щедро ободрил её торопившийся репортёр. — Профессий много хороших. Станешь, может, врачом или учителем, все тебя уважать будут. До свидания, Света Борисовна!

— До свидания, — всё так же серьёзно, без улыбки попрощалась она. — А зачем вам надо было так в Гавану? — спросила вдруг девчушка.

«Опа! Нашлась всё-таки одна любознательная особа», — подумал Вадим. Не мог же он рассказывать всем, что ехал повидаться с девчонкой, с милой гаваночкой.

— Ну, как зачем, это ж столица, там интересные музеи, и есть даже катер, на котором плавал Эрнест Хэмингуэй, знаменитый писатель, Нобелевский лауреат. Почитай его книжки, поймёшь. Ну, пока!

«Какие к чёрту музеи, вечером-то», — понял он уже на ходу, какую глупость сморозил. Впрочем, яхту «Пилар», превращённую в музей «старины Хэма», он действительно тогда посмотрел. И не в одиночестве: гидом Вадима была девушка, к которой он рвался на свидание.

...Памятный год... Год его первого международного контакта... и первой близости с иностранкой. Разве можно такое забыть... Вот и на вечеринке у Инны, после тоста про Че, в полупьяном сознании Вадима почти рефлекторно вспыхнуло волнующее божественное имя — «Прости, Мария!..»

А почему «прости»?... С Марией, миловидной мулаткой, активисткой принимающей организации имени Хосе Марти (местные комсомольцы), Вадим разговорился на вечере знакомства с их делегацией. Мария — Маша... «О, да, можно Маша!» — радостно согласилась его новая знакомая, — она танцевала с Вадиком несколько туров. Танцы, ритмичная музыка, джазовые импровизации, зажигательные, плавно пропитывающие все поры тела... А это на всю жизнь — «Бесаме мучо», — «целуй крепче». Потом они уселись рядышком, продолжив болтать, за бокалом сербесо (пива). Общаться было легко, потому что Мария изучала русский в школе.

Вадика с этой симпатичной мулаткой было очень интересно, кубинские коктейли, на которые он тратил свои нищие песо, интриговали его не меньше, чем странная смесь вполне идейной речи новой знакомой, просто влюбленной в Фиделя, главного их барбудос, — с довольно откровенными прижиманиями Марии, когда они танцевали. Близость её упругого жаркого тела пьянила кровь, кружила голову. Правда, был один неловкий момент, когда, танцуя, Вадик слегка оторвался от своей партнёрши, чтобы обменяться шутками с Сёмой, студентом политеха из их группы. Шутка была какая-то довольно фривольная, Сёмка (ну что с него взять — полутех! Так студенты универа подкалывали ровесников из политехнического) что-то в ответ сморозил в тон, типа «оставь одежду всяк сюда входящий»¹.

И Вадик не стал переводить своей партнёрше эту реплику, что было, вообще-то, довольно неприлично.

Мария не была обидчивой, во всяком случае, не показала и вида, что её задела невежливость русского барбудос — борода Вадима ей понравилась, она даже ласково погладила её. Потом, несколькими днями позже, Вадиму стало стыдно за своё хамство, а в тот вечер всё так быстро заболталось, забылось. Океан шумел где-то рядом. После танцев они пошли на пляж, купались в ночном океане, вода была тёплая и ласковая, сияющая и звёздная. Вадим даже позволил себе лишнее, подныривая под Марию, он осмелел настолько, что касался её тела, ласкал её упругие груди под купальником и ещё

¹ Реконструкция хрестоматийного афоризма Данте: «оставь надежду, всяк сюда входящий».

кое-что... С шумом выныривал вместе с ней. «Это не я, это морская звезда, Машенька!» — и они хохотали, как дети, брызгая водными каскадами в друг дружку. Обниматься и целоваться в воде Вадиму нравилось гораздо больше, чем во время танца, потому что он сильно потел, никак не мог привыкнуть к влажному кубинскому климату. Славно пошалили...

Остаться наедине они не смогли ни в тот вечер, ни на следующий день. Программа пребывания русико туристо была насыщенной. Увиделись в музее Хосе Марти, но ненадолго, бродили по залам вместе, отстав от своих групп, не слушая экскурсовода.

А в ту самоволку журналиста, когда он, презрев всё, вырвался из хоть и молодёжного, хоть и туристского, но всё же лагеря, — они фактически объяснились в любви. Произошло это у яхты Хэмингуэя. Они целовались!

— Когда вы уезжаете, Вадим? — спросила Мария, держа его за руку.

— Послезавтра, Машенька, уже послезавтра, — ответил он, — вглядываясь в её тёмные сияющие глаза. — Какие красивые у тебя глаза... Мы же с тобой на «ты», забыла?

— Уже послезавтра, — повторила она, грустно улыбнувшись этому своему имени на русский манер. — Машенька — так называете меня только... ты. Мы приедем в ваш лагерь с друзьями, я хочу проводить тебя.

«Неужели у неё получится?» — думал Вадим. Да нет, конечно, у них же своя дисциплина, как у наших комсомольцев 1920-х. Медленное, томительное течение последних часов на острове Свободы врезалось в память как страстное и переливающееся жаркими красками мозаичное полотно.

В хлопотах последнего дня он хотел отмахнуться от мыслей о своей милой мулатке... «Приду в четыре, — сказала Мария... Да ничего она не придёт! Опять кубинская маньяна¹, опять проманьянит...»

— Здравствуй, Вадим! — прервала его грустные размышления Мария. Она появилась неожиданно, уже за час-полтора до общего сбора. Вадим вздрогнул от радости. Не скрывая восхищения, любовался своей подругой, не без чувства гордости перед шалопаем Сёмкой, слонявшимся рядом. Мария была в короткой юбочке и белой блузке, оттенявшей её красивые точёные формы. Жара стояла невыносимая. Девушка властно взяла Вадима за руку, и они пошли прочь от праздного туристского общества, в уголок парка, укромных кустов на побережье нигде не было. Росли кокосы, плоды туристы срывали прямо с дерева, но эти деревья от жары не спасали — и от страсти тоже. Жара и страсть... И лёгкое чувство стыда в душе, потому что всё происходящее напоминало телепередачи о парочках за стеклянной перегородкой, когда герои всё должны делать на глазах телекамер и зрителей, провались они вместе с музыкой... Как кто-то пошутил, жизнь надо прожить так, чтобы было что вспомнить, но стыдно рассказать...

¹ «Маньяна» — это завтра, в смысле «когда-нибудь», у кубинцев это выражение вошло в привычку, как насмешка над необязательными «обещалками». У всех народов есть такие типы, наверное, уж если у немцев есть: «Завтра-завтра, не сегодня — так лентяи говорят...»

Потом уже, перед автобусом, Вадим заботливо отряхнул песок, приставший сзади к блузке его подруги, и, наверное, покраснел от мысли, что кто-нибудь из его соотечественников заметит его жест.

А в самолёте тот же жаркий стыд вогнал его в краску, когда соседка Тамара, сидевшая сзади, достала из его спутанных волос травинку и протянула ему с загадочной улыбкой. Как выяснилось позже, девица эта, комсорг деревообделочного (вот словечко-то!) завода, замечала больше всех остальных, и не просто так, но по долгу службы: она была в их группе куратором по кагэбешной линии. А Вадим-то радовался, подумав, что с их молодёжной группой не было ни одного «искусствоведа в штатском».

От Марии с Кубы пришло в течение года три письма. Точнее, одно письмо и две открытки.

Единственное письмо, написанное по-русски, он потом перечитывал много раз, и вслух, и молча, и плача, скрывая от всех свои рыдания.

«...Вадим, вчера получила твоё письмо, рада, что у тебя всё хорошо и ты не забыл твою кубинскую подругу Мария, которая получает твоё письмо с радостью и гордостью». («С гордостью!» — бог ты мой, какое чудное, невероятное творение, милая девочка, неужели ты обо мне?!)

«...Сейчас очень ясно помню тот день, когда мы встретились и познакомились, когда много говорили и рассказывали обо всем». (О чём? Если бы вспомнить!..)

«...Как красиво всё было!» (А вот это точно — это главное ощущение — как красиво всё было! Это врезалось на всю жизнь.)

В письме Мария ещё спрашивала, когда у Вадима будет день рождения и что он хочет в подарок. «Проси всё, что хочешь» — (ну, конечно, тебя, Машенька!!!) И в конце — трогательная приписка: «Принеси (!) мне, пожалуйста, твоё фото. И скажи, что хочешь знать о Кубе».

Машенька... Такая забавная, такая чистая и наивная. «Жду ответа как соловей лета», — сделала она приписку к письму.

На одной открытке, с изображением подводного мира, причудливого букета моллюсков, Мария написала на испанском, с трогательной припиской на русском:

«...Я написала это на испанском языке, потому что думаю, что ты понимаешь, да?»

Она как в воду глядела: Вадим действительно штудировал испанский, сразу по прилёте с Кубы раздобыл в «буке» (букинисте) самоучитель и словарь.

«Не забывай свою кубинскую подругу Марию...» Как же можно тебя забыть, Машенька!..

На обороте другой открытки — это был как раз портрет Че Гевары — Мария обратилась к нему сначала на «вы»:

«Я посылаю вам эту открытку на долгую неизгладимую память. Я очень благодарна вашей любезной дружбой. От всего сердца желаю вам дальнейших и блестящих успехов в жизни, а ещё крепкого кавказского здоровья» (!) А подписалась так: «Твоя подруга Мария». Сменив пустое «вы» на живое «ты», в котором ощущалось всё — и ласка, и тоска, и лёгкий упрёк...

Но совесть Вадима была чиста, он отвечал Маше и в первый, и

во второй, и в третий раз. В первом своём послании — то был просто водопад признаний и откровений! — он задавал ей кучу вопросов.

Не сразу он понял — наивный! — что не все его вопросы и эмоции доходят до адресата.

Догадку подтвердил звонок из компетентных органов. Сначала звонок, а потом и визит чекиста из дома с улицы 25-го Октября. По телефону Вадима приглашали навестить сие учреждение для беседы о кубинской поездке. Когда он довольно нахально отказался, под тем предлогом, что все свои впечатления он изложил в репортажах для газеты, — «читайте и выписывайте!», — тогда-то сотрудник вежливо и непреклонно назначил час свидания в редакции.

Беседу, состоявшуюся в Доме печати, точнее допрос, Вадим всегда вспоминал с удовлетворением: «А хорошо я его отшил, всё-таки!» Хотя в душе он, честно сказать, опасался, что лишится работы. Нельзя же оставаться «бойцом идеологического фронта» человеку, который во время зарубежной поездки активно контактировал с западными немцами (совершенствовался в немецком), имел связь с кубинской студенткой, короче, был неводержан, пил-гулял и тому подобное.

На работе он удержался. Редактор его отстоял. Но спустя три года после кубинской командировки его не пустили в Германию, хотя, казалось бы, кому как не ему, но... вместо него с делегацией поехал сотрудник сельхозотдела, который совсем был не в теме. И по возвращении тот паренёк ничего не написал. Вадим понял: это всё те же длинные руки КГБ. Потом был ещё случай, по которому он понял, как может «контора глубокого бурения» доставать неудобного репортёра: система мстит, приручает и подавляет.

Но как всё это мелко и гадко, самая страшная месть была связана с Марией. Из того разговора с чекистом Вадим догадался, что в СССР существует перлюстрация! Тот посетитель с холодными глазами знал о его переписке! Когда это ужасное открытие посетило голову журналиста, он аж похолодел. Это что же получается, никаких тайн и никаких надежд?!

Сердце его тосковало... Он начал рисовать образ смуглой красавицы на полях блокнотов. Переслал одно письмо на адрес Марии с оказией, через знакомого немца из ГДР, с которым познакомился на строительстве газопровода. Немец, казалось, был надёжный, столько пива — «айнхеллес» — тринкали вместе, но... письмо не дошло.

«Куба далека — Куба рядом...». Популярная песня звучала по радио и ТВ. Но для него Куба замолчала...

Вадим женился на Инне. Не сразу, не вдруг они пришли к этому итогу. В их отношениях постоянно «искрило». То он пылал, а потом охладевал, то она искала «лучшую партию» и держала его «в чёрном теле». И всё же свадьбу сыграли. Вадим всё реже вспоминал свою кубинскую Машеньку. И только портрет бородача в берете со звёздочкой по-прежнему висел в его домашнем кабинете.

...Спустя год после женитьбы он оказался в Москве, и не проездом. Жил месяца три, на курсах повышения квалификации. Народ собрался интересный... «Расформированное поколение, мы в одиночку к истине брели...» Это из «Юноны и Авось» Вознесенского. Первая советская рок-опера, композитор А. Рыбников.

Что скрывать, лучше всего повышали они свою квалификацию

тогда не на лекциях, а вечерами, собравшись в «общаге» на Ждановской (сейчас «Выхино»), за пивком-чайком, за чтением любимых поэтов и своих сочинений.

Вознесенский был в моде, вокруг него создавался ореол независимого и гонимого. Хотя сборники у него выходили регулярно, в отличие от действительно гонимых, и даже орден поэт получил. Владел искусством компромисса — объяснение возможно только такое. Недаром, видимо, кто-то из правозащитников назвал Вознесенского «кредитной карточкой советского либерализма». Молодые курсанты из провинции, собравшиеся на несколько месяцев в столице, спорили, бывало, о современной поэзии до хрипоты, порой чуть до драки дело не доходило. Кому-то из новых приятелей Вадима посчастливилось даже прорваться в Ленком на рок-оперу «Юнона и Авось». У него самого дома был диск-диптих с записью этой оперы. Оказалось, многие курсанты, из самых разных уголков Союза, знали стихи Вознесенского наизусть! Вечерами, за бесконечными чаепитиями, даже без вина, читали и распевали любимые арии.

«Нас мало, и нас всё меньше. А самое страшное, что мы врозь...»

«Чего ищут? Чего-то свежего!. Земли старые — старый сифилис, Начинают театры с вешалок. Начинаются царства с виселиц...»

«Аллилуйя любви!...»

«Ты меня никогда не забудешь — я тебя никогда не забуду, возвращаться — плохая примета, я тебя никогда не увижу...»

«И вся империя — тюрьма, и за границей тоже кутерьма. Чужда чужбина мне и скушен дом, расформированное поколение...»

Оказалось, «в одиночку к истине брели...» в то время многие — и стихи были для этих ищущих, беспокойных душой ровесников способами, каналами контактов с себе подобными. Тогда не было мобильников, сотовой связи — стихи вместо СМС-ок.

А если случалось посидеть вечером с вином, то тогда получалось вообще душевно — пели и читали с выражением, со слезой!

Вадим петь был не мастер, на вечеринках он больше сидел, молчал, но... сопереживал. У него было своё прочтение поэмы Вознесенского. Его поразило одно «божественное» место — из монолога-молитвы главного героя Николая Резанова. Кажется, столько раз слушал и перечитывал, а тут вдруг открылся потаённый смысл молитвы и ему, «тёмному» репортёру. И он задумчиво повторял: «Когда на мне остановился взгляд Казанской Божьей матери».

Вадиму вдруг показалось, что автор поэмы отнёсся к Богородице как-то слишком по-человечьи, по-мужски. Как это можно — увидеть — в иконе просто «Женщину с вишнёвыми глазами»?!

«Знал многих женщин, схоронил жену, но всюду видел тайный взгляд вишнёвый...».

Загадка мучила журналиста, в тот московский длительный «заезд» он много ездил по храмам, монастырям, изучал иконопись, посещал действующие церкви, получая странное удовольствие от пения во время церковной службы. Возвращался в «общагу» позднее всех. Садился в уголок, со стаканом чая, слушал своих коллег-приятелей. Однажды не выдержал, поделился с ними и своим небольшим открытием. Нет, не про Богородицу, это слишком сокровенное, чуть ли не богохульственное. Рассказал ребятам о том, что в его родном городе есть чудесная церквушка Казанской Божией Матери, усыпальница

местных купцов-пароходчиков Каменских, для которых писали иконы знаменитые русские мастера Рерих и Нестеров.

— Постройте, эта церквушка, — воскликнул, разгорячившись, Вадим, — поставленная в древнем псковско-новгородском стиле, точно подходит под описание Вознесенского: «Белоснежные контрфорсы, словно лошади воду пьют!»

— Всё, старик, мы к тебе приедем! Такое чудо надо смотреть лично! — воскликнул Слава, восходящее светило вологодской журналистики.

И конечно, звучал на их «подмосковных вечерах» пронзительный романс Кончиты: «Белый шиповник, страсти виновник»:

*Для любви не названа цена,
Лишь только жизнь одна, жизнь одна...*

Ох эта деталь про укол шиповника! Она всегда будет напоминать теперь Вадиму его прощание с Марией на берегу океана.

Пленительной, неизъяснимой свежестью на Вадима пахло только единожды — на Кубе. Как будто волной счастья окатило. Дома, в Союзе, атмосфера тех лет была довольно затхлая, для творческого человека просто тяжкая. Во время московской учёбы одна из курсанток-журналисток, приехавшая откуда-то из Сибири, пыталась покончить с собой. На дворе — самый пик застоя, когда даже «кредитные карточки советского либерализма» режим предъявлял Западу редко и нехотя.

Ещё в курсах Вадим познакомился с кубинцем, посланцы острова Свободы тоже повышали квалификацию в Москве. Звали его Эдуардо, он подарил другу с Урала майку с портретом Че. После чего они каждый вечер прощались, подняв кулак:

— Да здравствует Че!

Вадим рассказал своему новому другу историю, как добирался автостопом до Гаваны. Проницательный улыбчивый кубинец сразу поинтересовался:

— К кому ездил? Как её звали?

Нет, Вадим не стал передавать с Эдуардо никаких писем, записок для Марии. И не то что «перегорел»... Его молодая жена, оставшаяся в Перми, ждала ребёнка. Всё проходило трудно, в муках, в обвинениях всех и вся... Известно — русская интеллигенция не приспособлена к производству самих себя. Божественный процесс родов напрягал всех, и Вадим чувствовал это на расстоянии.

Но странно: в тот момент, когда Эдуардо ошарашил журналиста ударом «под дых», ему вспомнилась пермская школьница с вишнёвыми глазами, смутившая его почти тем же серьёзно-детским вопросом: «А зачем вам так надо было в Гавану?..»

Раунд борьбы в формате СМС

— Главное — я увидел ту кареглазую девочку в школе. Помнишь, я рассказывал?

— Помню. Мимо своей школы я езжу теперь на работу... Встречу не помню.

— Не хочу думать, что лучшее между нами уже было...

— И я ту девушку с вишнёвыми глазами люблю.

Наталья ТРЯСЦИНА

ЛЮБЛЮ ШАГАТЬ ПОД МАРТОВСКИМ ДОЖДЁМ

ФИЛЬМ ПРО ВЕЧНОСТЬ

Скоро приеду и выплюсь дома.
Северный ветер шумит над крышей.
Вот бы зарыться лицом в солому,
Тихо лежать, чтоб никто не слышал

То, как пульсирует кровь в сосудах,
Дёргаясь, как под электротоком.
Что там ей Гамлет и что Гертруда,
Если судьба открывает око:

Смотрит тяжёлым взглядом. Липким.
Снова по коже бегут мурашки.
Выйти бы в сад, где дубы и липки,
В мокрой от пота простой рубашке!

Выйти бы в сад и ходить по тропке
Между черёмухой и рябиной.
В дом бы вернуться, подбросить в топку
Дров с берестою, как свиток длинной!

Вот бы успеть! И заснять по полной:
Фильм, что про жизнь, про любовь, беспечность.
Чтоб ароматом был он наполнен,
Чтобы с экрана струилась вечность.

ДЕЛАЮ ШАГ

Делаю шаг. Делаю два. Делаю три.
Всё — от тебя. Ты улыбнись, ты посмотри.
Нет, не дрожит, нет, не немеет больше рука.
Я засмеюсь, развеселюсь без коньяка.

Наталья Владимировна ТРЯСЦИНА родилась 9 ноября 1977 года. Окончила мастер-класс журналистики (2002), филологический факультет Пермского государственного педагогического университета (2010). Поэт, журналист, преподаватель литературы в школе N 47 города Перми, руководитель школьного литературного клуба. Член Союза журналистов (2011). Публиковалась в альманахе «Литературная Пермь», газете «Пермский писатель», журнале «Мы — земляки». Автор сборника стихотворений «Примири своё зрение...» (2015). Лауреат региональных и международных конкурсов. Живёт в городе Перми.

В этой истерике, в этом веселье некий обман,
Некий надлом белой тоски, синий туман.
Я ухожу, я ухожу вверх или вдаль,
Мне никогда, мне никого больше не жаль.

Делаю шаг. Делаю два. Делаю три.
Я — от тебя. Я — без тебя. Ты — не внутри.
Делаю шаг. Делаю два. Делаю три.
Ластик возьми в правую руку, слово сотри.

То, что подростки пишут украдкой на небесах,
Пишут на лавках, пишут в тетрадках о чудесах, —
Так не бывает, так быть не может, ты убедил.
Ты убедился, ты постарался, двери открыл.

Что же так смотришь горько и грустно,
Что ты молчишь?
Ты принимаешь всё, как придётся.
Помнишь, малыш, как мы смеялись
и пели песни в синем лесу?
Сотри резинкой память и радость, что я несусь.

ШТОРМ

Вчера был шторм. И дождь стоял стеной.
И листья трепетали, как ладони,
Просачиваясь через свет льняной,
По лужам гарцевали злые кони.

Так Балтика взглянула на Урал,
И небо грозное просияло.
И в недрах почвы прозвенел металл,
Как отзвук беспощадного хорала.

И встали все: поля, луга, цветы.
С землёй смешалось небо и столетья.
И повторял весь мир твои черты,
Рождаясь и взрываясь звонкой медью.

ФЕВРАЛЬ В ПЕРМИ

Утром в город зашёл февраль.
Отмечая дома и парки,
Заметая проходы в арках,
И поставленный в лес рояль.

Кто играл на нём? Не угадать.
Но скрипит под ветром пружина
И бессмысленных клавиш рать
Запевающей хором дружины.

Эй, рояль, ты мой лучший брат!
Мы с тобой дополняем друг друга.
Перед нами заснеженный сад,
И задача: выйти из круга!

Взорвать музыкой зимний лес!
Пусть всерьёз оскорбятся вороны.
Сотворим с тобой много чудес,
Нас поддержат деревьяв кроны.

И тебе, как и мне, знакомы
Равнодушие и тишина.
Выходя из январской комы,
Просыпается лес от сна.

Эй, рояль, так давай сыграем,
Как никто до нас не играл!
Мы зимой с тобой умираем,
С содроганием ждём финал.

Но заставим себя, как прежде,
Сделать свежий надрез в коре.
И берёзовый сок надежды
Даст нам силы жить в феврале.

ЛЮБЛЮ ШАГАТЬ ПОД МАРТОВСКИМ ДОЖДЁМ...

Люблю шагать под мартовским дождём,
Смотреть на беспредельный водоём,
Что плещется изысканным потоком,

И видеть то монетку, то ключи,
То смолотые в крошку кирпичи,
То чёрное искусственное око.

Оттаивает мир от холодов,
Чтоб слышать ликование дроздов,
Ворующих клубнику прямо с грядки.

Меняю я разломы старых льдов
На нежное дыхание садов,
На шахматные игры с солнцем в прятки.

Люблю смотреть на яростный закат
И птиц пушистых, брошенных в него
Рукой весны, прекрасной, тополиной.

Я наблюдать хочу сильнее всего
За тысячей подснежников-солдат,
Проснувшихся среди елей и малины,

Глотающих небесный леденец,
И патоку снегов, и чай дождей,
И в полный рост встающих на рассвете.

И верящих в бессмертия венец,
И в силу удивительных идей,
Запомнивших эпоху и людей,
Меняющих сознание планеты.

ПОКОЛЕНИЯМ

Господи! Я всё бы отдала:
Имя, голос, мужество и честность.
Мне всего-то нужно два крыла.
Мне всего-то нужно слышать вечность.

Господи, ну как растолковать
Людам, не имеющим стремлений:
Человек, рождённый умирать,
Носит в себе искры поколений.

Сквозь века проносятся они,
Зажигают звёзды и планеты.
Так люби же каждого: цени
Эти мимолётные портреты.

Нет, растопчут, злом ослеплены,
То, что нужно бережно и твёрдо:
Сохранить в истории страны
И нести через эпоху гордо.

Михаил ДАВИДОВ

ВЕЧЕР ПАМЯТИ

РУССКИХ ЛЮДЕЙ НЕ СЛОМИТЬ!

Защитникам Отечества

Утром губами разбудишь,
Новый откроем день.
Спросишь глазами: «Любишь?»
И опьянит нас сирень.

Боже! Какое счастье —
Просто вот так любить!
В мире, покое, согласи
Вместе с любимой жить.

Солнце взошло и сияло.
Щёки румянило, грудь
Прелестью женской дышала.
«Только меня не забудь!..

...Помни!» — прощаясь, молила
С болью моя душа.
Милая, если б ты знала,
Как смерть бывает близка!

Дом и страну защищая,
Вижу твои глаза.
И я уверен, родная, —
Ты не забудешь меня!

Выживу, выстою, зная:
Русских людей не сломить!
И я вернусь, дорогая,
В милый наш дом, чтоб любить.

Михаил Иванович ДАВИДОВ родился в 1954 году в Ординском районе Молотовской области, ныне Пермского края. Окончил Пермский государственный медицинский институт (1977). Работал врачом военно-строительного отряда космодрома Байконур, хирургом, урологом. Доцент Пермского медицинского университета. Писатель, историк литературы. Автор 10 литературно-художественных книг. Публиковался в журналах «Москва», «Великоросс», «Урал», «Литературная Пермь» и других. Кавалер ордена Достоевского II степени (2017). Член Союза писателей России (2016). Живёт в городе Перми.

Утром губами разбудишь,
 Чтобы открыть новый день.
 Сердцем шепнёшь, что любишь,
 И опьянит нас сирень.

ПЕРМЬ ВЕЛИКАЯ

Гимн

Над Камой в сердце льются песни,
 Чуть слышно плещется волна.
 О, Пермь! Край древний и чудесный,
 Душа моя тобой полна!

Припев:

Россия! Россия!
 Бескрайни русские поля!
 Частичка славная России —
 Родная пермская земля!

Люблю тебя, мой край привольный,
 Заводов шум и тишь лесов.
 Народ талантливый и вольный,
 Живёт в нём к правде вечный зов.

Припев.

О, Пермь Великая! Тобою,
 Твоим дыханием живу.
 Твой дух святой несу с собою,
 Чтоб защитить свою страну.

Припев (2 раза)

ВЕЧЕР ПАМЯТИ

Мы здесь, у Камы, повстречались,
 Мой самый славный человек!
 Шепча, закатом любовались,
 Мечтая жить вдвоём весь век.

Мне не забыть тот летний вечер,
 Те поцелуй у реки.
 И веял счастьем тёплый ветер,
 И мысли были так легки!

«Не за горами ваше счастье!» —
 Вешала надпись у реки.
 Но накатило то несчастье...
 Как это страшно, земляки!

Зачем пришла «Хромая лошадь»,
Людей топча, трава, губя?
Воспоминанья жгут и душат,
Живём в мучениях, скорбя.

...Я вновь на Каме. Стужа. Ветер.
Вздыхает грустная луна.
Но в сердце — тот же летний вечер,
Душа моя тобой полна.

Гляжу на звёзды. Вечереет.
Ты — там, на небе, навсегда.
Твой свет любви мне душу греет.
Гори, свети, моя Звезда!

ЮЖНАЯ НОЧЬ

Волна лениво набегаёт,
Шипит и уползает прочь.
У моря девушка играет
Глазами, предлагая ночь.

Два спелых яблочка призывно
Зовут вкушать её любовь.
Девушка ловит взор мой жадно,
Всем телом испуская зов.

Но зря старается Венера:
Я не хочу её утех.
В моей душе — другая дева,
И изменить ей — тяжкий грех.

Она на севере далёком,
Среди метелей и снегов,
В краю суровом и холодном
С надеждой ждёт моих звонков.

У ней глаза синее моря,
Они наивны, но нежны,
Они ещё не знали горя,
Девичьей робости полны.

Напрасно южная девица
Бедром игриво шевелит.
Напрасно ночи мастерица
Призывно мне в глаза глядит.

Часть 3

Владимир КРУПИН

ИЩЕЛЕНИЕ. Рассказ

Ранней осенью в монастыре отпевали хорошего человека. Сладкий кадильный дым, умильные слова молитв, согласное пение хора снимали скорбь, умиротворяли.

После отпевания архимандрит пригласил меня к себе и решительно сказал:

— Сколько я ещё могу отпевать? Конечно, Богу виднее, кого призывать, но Он не возбраняет нам заботиться о здоровье. А оно необходимо для трудов во славу Божию. Так? Вы согласны?

— Ну да. — Я не понял, к чему это сказано.

— Вот что, — решительно сказал архимандрит, — и не вздумайте отказываться от моего предложения.

— Какого?

— Вы плохо выглядите. Надо вам немедленно лечь на обследование. У нашего спонсора есть договорённость с одним очень хорошим лечебным центром. За неделю ничего не изменится. Вас полностью обследуют, дадут какие-то рекомендации. Может, где-то что-то надо подвинтить, что-то убавить, а что-то прибавить. Усилить защиту против инфаркта-инсульта. Как раз сегодня арендованная спонсором отдельная палата освободилась. Завтра с утра будьте готовы.

— Но...

— Вы служили в армии?

— Так точно.

— А у нас дисциплина сильнее, чем в армии. Примите как послушание.

Вернулся домой — жена встречает очень радостная.

— Это же очень хорошо — обследоваться. Врач звонил, говорит, чтоб ты взял халат, пижаму и шлёпанцы.

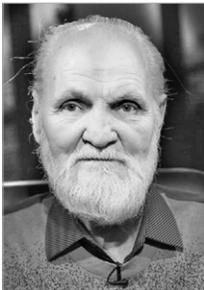
— Но у меня нет халата и пижамы, — обрадовался я. — Может, не примут?

— Есть же летние брюки лёгкие, и туфли летние есть. И приличные тапочки. И курточка лёгкая. Я уже приготовила. Вот ложечка для заварки, тебе Валя подарил, вот чай. Но врач сказала: там нет посещений. Почему?

— Почему вообще меня туда везут?

— Обследоваться! Тебе это надо. Ты плохо спишь.

— Да сейчас уже и медведи в берлоге плохо спят.

Владимир Николаевич КРУПИН родился 7 сентября 1941 года в посёлке Кильмезь Кировской области. Окончил филологический факультет Московского областного педагогического института (1967). Преподавал. Работал редактором. Преподаёт в Московской духовной академии. Неоднократно бывал и выступал в городе Перми. Первая книга вышла в городе Москве в 1974 году: «Зёрна». Автор большого количества прозаических книг. Член Союза писателей СССР/ России (1975). Лауреат различных литературных премий, в т. ч. Патриаршей литературной премии имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Кавалер орденов Дружбы народов, Достоевского I степени (2012). Живёт в городе Москве.

И вот жизнь моя назавтра с утра резко изменилась: в сопровождении монастырского врача я был доставлен в этот медицинский центр. Ехал с великой неохотой, надеялся, что что-то сорвётся и я вернусь. Ещё ограда устроила — высокая, плотная, по верху обведённая колючей проволокой. Проволоку облагораживал оплетавший её дикий виноград.

— Тут был связанный с обороной режимный объект. В 1990-е ликвидировали, потом ни то, ни сё, потом вот медицина, — объясняла врачиха.

На проходной, оказывается, и пропуск был уже заказан. В приёмном отделении она меня сдала другому врачу, та велела мною заняться женщине в синем халате. А эта отобрала у меня верхнюю одежду и обувь, видимо, чтобы не сбежал, дала больничные тапочки и сопроводила в терапевтическое отделение. Просторный лифт, потом длинные, чисто вымытые пустые коридоры с дверьми справа и слева. Очень похоже на тюрьму для блатных. Завела в кабинет, где у меня прослушали грудь и спину, измерили давление, и ещё одна сопровождающая привела, наконец, в отдельную палату. Стол, стул и какая-то замысловатая кровать на шарнирах. На стене провода, кнопки, табличка: время приёма пищи, процедуры, подъём, отбой, номера телефонов дежурной.

Я хотел полежать на кровати, я же лёг на обследование. Собирался осмыслить перемену в жизни, но даже и не присел: пришла медсестра и повела к заведующей. Попросила отключить телефон. А он у меня, оказывается, и вообще сегодня не включался. На ходу сообщила, что из центра выходить нельзя, только по заявлению, которое подпишет лечащий врач и которое заверит зав. отделением.

А вскоре сама зав. отделением обрадовала ещё и тем, что это обследование не неделя, а минимум десять дней. Да и то, сказала, это очень быстро для полного обследования. Очень много анализов, и разовых, и повторных, всё это скоро не бывает. И из пальца, и из вены, и сок желудочный, и, конечно, моча. И капельница, и таблетки утром и вечером, и всякие рентгены. Кардиограммы, энцефалограммы. УЗИ. И процедуры. И глотание маленькой телекамеры, тоже всё будет.

— А выходить, значит, нельзя?

— По специальному разрешению. Но у вас будет такой плотный график, что выходить будет просто некогда.

Я затосковал: уж хватило бы в моей жизни заборов, ограждений и оград, но куда тут денешься, архимандриту надо подчиняться.

Подписал, не читая, несколько многостраничных бумаг, вернулся в палату. Подошёл к окну. И такой мне вид открылся! Он меня необычайно восхитил и даже примирил с ролью временного жителя в запертом пространстве. Центр этот на юго-востоке столицы. Из окна палаты был вид на Московскую кольцевую автодорогу, МКАД, за ней Николо-Угрешский монастырь. В нём я, конечно, бывал. Но была видна ещё и церковь села Беседы, вот что впечатлило. Я её многократно замечал, когда проносился по этой кольцевой трассе. И справа налево, и слева направо. Сейчас невольно возникло сравнение с наброшенными на город обручами хула-хуп. И Москва их крутит, вращаясь одновременно и туда и сюда. Она такая — всех завертит.

А вот почему-то в церковь Рождества Христова в Беседах не получалось заехать: или торопился, или ещё что. Всегда жалел: село Беседы значительно для русской истории. Не только оттого, что тут располагались великокняжеские угодья, но главное — тут происходил военный совет — беседа — перед Куликовской битвой.

И я возмечтал побывать в Беседах. Казалось, село близко. Дойти до кольцевой автострады, перейти её, тут и церковь. Может, тут километра два. Да, надо жене позвонить, обещал же. Но когда было звонить? И только начал тыкать в кнопки мобильного, как в палату, безо всякого стука, пришла женщина в белом, в затемнённых очках и — ни здравствуйте, ни прошу прощения — сразу:

— Отключите телефон, садитесь. Я ваш лечащий врач. Римма Оскаровна. Левую руку кверху ладонью на стол.

Стала измерять давление. Потом прослушивать.

— А от чего меня лечить? — спросил я. — От старости же не лечат. У меня оба дедушки у врачей не бывали, а жизнь-то какая им досталась, и ничего, жили. До старости дрова пилили-кололи. Хочу на них походить.

Моя разговорчивость ей не понравилась. Так я понял. Или она немножко недослышивала. Также я сообразил, что они у меня всё равно чего-то найдут. А дальше по кругу: примутся одно лечить, другое тоже захочет лечиться, и уже из этого круга не выскочить. Тут только начни.

— Меня же только на обследование положили. Так-то я себя хорошо чувствую. Если что-то и есть, так возраст всё-таки. — Я всё-таки надеялся, что она даст мне от ворот поворот, то есть получится, что не сам отсюда убегу. А убежать мне захотелось.

— Зачем меня здесь держать? — рассуждал я, тоскливо глядя на голые стены. — Живу же. Не слепой, не глухой. А если что и есть, так это нормально. Надо же от чего-то умирать.

Врачиха, никак не реагируя на моё нытьё, присела к столу и стала заполнять бумажки, похожие на квитанции. Может, она меня и не слышала. Протянула несколько штук:

— Это уже на сегодня. На завтра у дежурной медсестры. С утра не завтракать, анализ крови. — Снова померяла давление.

— Нормальное? — спросил я. — Третий раз за два часа измеряете. Конечно, оно от переживаний прыгает.

— А какое для вас нормальное? — спросила она.

— Не знаю, — честно сказал я. — Да зачем и знать? Прекрасно себя ощущаю! Может, ничего мне и не нужно? Поеду обратно?

— Вы прибыли на обследование, — холодно сказала она, — а в этом обследовании многие десятки параметров, кроме кровяного давления.

— Хорошо, спасибо. — Я взял бумажки.

— Давайте познакомимся, — сказала она.

— Так мы же уже знакомы. Вы — Римма Оскаровна.

— С вашим организмом. Снимите рубашку.

Выслушивала она мои внутренности внимательно. Эти с детства знакомые: дышите-не-дышите.

— Повернитесь спиной. — Простучала лопатки и рёбра. — Рёбра ломали?

— Да. Восьмое-девятое слева. Но всё зажило.

Она присела к столу. И стала допрашивать и записывать, будто сама вела протокол:

— Рост?

— Прямо военкомат. Вообще всегда было метр восемьдесят, но сейчас, чувствую, уменьшаюсь.

— Вес? — Она, наверное, была врач-робот.

— Тоже по-разному. Но стараюсь за семьдесят семь не заезжать. Две семёрки, а не три. Шутка. Был портвейн знаменитый «Три семёрки».

— Пьёте?

— В тяжком прошлом. «Для пьянства вот какие поводы: крестины, свадьба, встречи, проводы, уха, защита, новый чин и... просто пьянство без причин».

Даже не моргнула.

— Бывает утомляемость?

— Ну да, я ж не трактор. Трактор и то...

— Изжога?

— Бывает. Но это у меня с армии. Там, знаете, чем изжогу лечил? Пеплом от сигареты. Я же дураком был, ещё и курил.

— Головокружение при перемене положения тела?

— Так как не бывать, бывает. Если согнуться да резко разогнуться. Но можно резко и не разгибаться.

— Дискомфорт в левой стороне груди?

— Поволнуюсь когда. С женой когда поссорюсь. Тут да, дискомфорт.

— Боли в шейном отделе позвоночника?

Я напряг затылок и признался:

— Это тоже есть. Но это опять же всё как у всех.

— За всех не надо отвечать. Снижение памяти?

— Да вроде пока помню. Где позавтракал, туда же обедать иду. — Я надеялся, что врач понимает шутки. — Конечно, уже не как молодой. Да и зачем много-то помнить. «Отче наш» выучил, и хватает.

— Горечь во рту? Запоры? Отрыжка? Газы в кишечнике?

— Можно я рубашку надену? — спросил я.

— Можно не спрашивать. Икота?

— Бывает. Но скажу: «Икота, икота, иди на Федота, с Федота на Якова, с Якова на всякого», то без всякого лекарства проходит.

Нет, врачиха, а ведь молодая ещё, была без эмоций:

— Перенесённые заболевания, операции? Какие, когда, под каким наркозом? Общим, местным? Контакт с инфекционными больными?

Я перестал шутить, отвечал на вопросы. Сообщил о перенесённых пяти операциях под общим наркозом.

— Но они были давно, хорошо прошли, всё прошло.

— Ложитесь. Расстегните ремень. Спустите брюки. — Она стала мять живот. — Тут чувствуете? Тут? Тут?

— Везде чувствую, — доложил я. — Но нигде не болит.

— Сядьте. Покажите язык. Высуньте побольше. Уберите. Повернитесь вправо. Так. Теперь влево. — Она и в уши поглядела, и глаза проверила, заставив меня поводить ими в разные стороны. — Это так, прикидочно. Подробнее уже специалисты.

Подержалась за пульс. Чего-то ещё пописала.

Нет, это была не женщина, это был робот. Её наверное, делали в Японии по спецзаказу. Она встала:

— Какие будут просьбы?

— Будут. Убрать телевизор.

— Но можно же не смотреть.

— Нет, даже один его вид вызывает аллергию. Начинаю чесаться.

Она пожала плечами и вышла. Я включил телефон, сразу завибрировал. На экранчике прочёл: номер такой-то. Конечно, жена, звонила. Семь раз. Вызвал её, даже оправдываться не стал: она с ума сходила, думала, что случилось, я же не отвечал. Не сумев до меня дозвониться, в интернете нашла телефоны центра, меня отыскивали в списках отделения, даже сказали ей номер телефона палаты. Но и он не отвечает.

— Ты меня в могилу загонишь!

— У меня минуты не было, чтоб позвонить.

— Именно для меня не было.

— Я не знал, что в палате есть телефон. А, вижу — над кроватью. А, он в розетку не включённый. Включаю. А какой у меня номер? Ты же знаешь. Звони.

— Сам теперь звони.

— Дай хоть очнусь.

— От чего?

— Осмотр был.

— И что?

— Я весь больной.

— Я это знала. Что-то серьёзное? Будут лечить?

— Будут в гроб загонять. Помнишь шутку про врачей? Консилиум: «Ну что, лечить будем, или пусть живёт?». Или вторая: «Несмотря на все наши старания больной выжил». Уже всего запугали.

— Что-то серьёзное, я спрашиваю?

— Абсолютно здоров. Хоть в космос отправляй. Будешь женой космонавта. — В палату постучали. — Извини, пришли, позвоню. Да!

Пришёл мужчина в синем халате с белым воротником:

— Сказали телевизор у вас забрать. Они не шутят?

— Здесь разве шутить умеют? Да, спасибо, заберите.

— А что так?

— Ненавижу.

— Так-то оно так, — согласился он. — Но а вдруг «Барселона» играет.

— Так чего ж ты не за своих болеешь?

— Я за игру болею. А наши что? По минуте думают: пнуть по мячу или указаний подождать. В Лондоне, в 1968-м, по-моему, когда мы победили, им нечего было на приём к королеве надеть. За родину воевали. А нынешние — за деньги. Где ж тут победы будут? Ну вообще-то на чемпионате поднатужились, да и то, даже не четвертушка, восьмушка. Так и то, какое ликование развели.

— Но победы нужны, как без них?

— Без них никак. Какая боль, какая боль: Россия — Саудовская Аравия: пять — ноль.

Он ушёл, я стал звонить жене. Она ответила, но в дверь вновь постучали. Дежурная. Принесла ещё листочки. Разложила на столе,

и те, что заполнила врачаха, тоже разложила. Стала объяснять порядок посещения кабинетов.

— Этаж, номер, время, всё прописано. Сложено по порядку. Лучше приходите заранее. А то у нас есть любители лечиться. Ещё запомните номер стола. У вас пока общий. То есть не диета. Уже скоро обед. Или сюда принести?

— Это уже, когда залечите до лежачего положения, тогда.

Но эта хотя бы улыбнулась.

На обеде, куда потихоньку сходились люди в пижамах, меня удивила тишина. Даже ложки-вилки не брякали. За компотом все ходили со своими кружками. У меня своей не было. Раздатчица удивилась, но тут же взяла белую больничную кружку, ополоснула, потом сказала: «Кипятком поливаю, это будет ваша персонально, возьмите с собой в палату. У вас должен быть чайник».

— Нет, не видел.

Когда вернулся в палату, чайник, тоже белый, стоял на тумбочке. Подошёл к окну — в воздухе пропархивали мелкие жёлтые листочки. Смеркалось. Сейчас всё раньше будет наступать вечер, потом и вовсе зима.

Стук в дверь. Да, надо же куда-то, в какой-то кабинет. Медсестра, уже другая, принесла капельницу. В перевернутой большой мензурке болталась какая-то жидкость.

— Ложитесь. Закатайте рукав левой руки. Поработайте кулачком, пожимайте и поразжимайте пальцы.

Прощупала пальцами с маникюром кожу на сгибе локтя, протёрла влажной ваткой, уколола в это место иглой, которая продолжалась прозрачной трубочкой, и по ней из мензурки начало поступать в мой организм, прямо в кровь, какое-то... что? Лекарство? Какое, от чего?

— Когда раствор дойдёт до вот досюда, нажмите эту кнопку, — сказала она и ушла.

Ни имени не знаю, ни облика не запомнил.

Что ж я, улёгся под капельницу без книги, без молитвенника? Да, телефон же есть.

— Ну и новость! — воскликнула сразу жена.

— Какая?

— Ты не знаешь? У вас объявлен карантин. Посещения запрещены.

— Ну всё одно к одному: и меня не скоро выпустят. Я под капельницей лежу. Что вливают, не знаю. Пока жив.

Опять входят, и опять без стука. Вроде рано капельницу убирать. Нет, не медсестра, моя врачаха. С бумагами. Села, их пересматривает. Я молчу. Капли каплют.

— В интернете нашла ваши данные трёхлетней давности. Были серьёзные болезни за это время?

— Нет.

— Но отчего так резко снизились все параметры? Ещё подождём анализов. — Поддержала за запястье. — Ничего не беспокоит?

— Нет.

Ушла. Ещё поговорил с женой.

— Я отсюда сбегу.

— Не вздумай. Перед отцом Тихоном как ты будешь выглядеть?

Сняли капельницу. Ходил по коридорам и кабинетам: в одном брали на анализ слюну, в другом был какой-то тест, в котором требовалось находить что-то похожее в разных картинках. Уровень детского сада. Может, меня за дурака принимали. В третьем несколько раз дышал в широкую трубку.

— Вы как гаишники, поймавшие водителя за превышение скорости и подозревающие алкоголь. — Сотрудницы кабинета ничего даже на это не сказали. Я понял, шутить здесь лучше не надо.

У меня наступило какое-то состояние прострации. То есть я как бы замер в своих чувствах, внушив себе, что надо просто пережить эти дни, это обследование. Ну да, тюрьма. Но ведь кормят, отдельная палата. Отдыхай. А всё равно что-то томило и угнетало. А чего, кажется, горевать: жизнь идёт, ещё чего-то делаешь, никому не в тягость. А то, что ничего тебе в этой теперешней жизни не нравится, так это стариковское брюзжание. Ты такой не один. Я в отца. Такой же. «До какого сраму дошли, — говорил, — а ещё до какого дойдём». Так что к старости я встал на накатанные рельсы. Но это же не эгоизм, не о себе думаю, о России. Да я, в общем-то, и в юности не был всем довольным, хотя и бунтарём особо не был. И диссидентство всегда было мне противно. Открытая борьба — это да. Понятие родины, страны, державы, Отечества было для меня святым. А отсюда всё остальное. И когда, уже давным-давно, стал причащаться, жить стало и легче, и труднее. Легче, потому что знал: Господь не оставит. Труднее, потому что резче увиделась вся наевшая на Россию бесовщина.

Ходил и ходил по коридорам и лестницам. И все эти передвижения около казённых стен напоминали о посещениях в больницах много болевших друзей. Да. А эта врачиха спрашивает, чем переболел? Друзей потерял, вот и вся причина. И сам, в свою очередь, замирал.

Вспомнил, как мы с поэтом Анатолием Гребневым, естественно вятским, навешали в Перми, в обкомовской больнице Виктора Астафьева. Его слабые лёгкие потребовали ремонта. Сидели у него в отдельной палате. Помогли переодеться в сухую рубашку. Смотреть на его шрамы, рубцы, напоминающие ранения, было тяжело. На месте левой лопатки под кожей даже видно было, как бьётся сердце. Но он вовсю шутил, веселил нас фронтовыми историями. Речь слабировал матерками. Пришла медсестра: «Вам укольчик» — «Куда?» — Она покраснела: «В мышцу». — «Ой, девушка, — сказал Виктор Петрович, разворачиваясь, — уж какая там мышца, давно задница».

Когда мы уходили, в коридоре девушка-медсестра отчитывала важного дядю, видно, что начальника: «У вас такая пустяковая болячка и вы так по-хамски себя ведёте, такие капризы. А вот в седьмой палате фронтовик, весь израненный, еле дышит и ещё шутит».

А вообще, думал я, вся моя московская жизнь — это, по сути, сплошные больницы. И свои, и родных и близких. И эти, похожие друг на друга, коридоры, в которых санитарка орудует шваброй, примотав к ней мокрую мешковину, эти столы дежурных медсестёр за барьером с постоянно трещащими телефонами, процедурные кабинеты, запахи столовой, в которую бредут со своими кружками,

ароматы мочи и хлорки, всё более-менее похоже. И эти больные, половина из которых непременно недовольна порядками в больнице: врачам тут надо нести дорогие подарки, медсёстры делают уколы за деньги, а если не платишь, то делают уколы больно, на кухне воруют, а санитарка специально открывает окно, чтоб сделать сквозняк.

Всех больниц, где лежал, где делали операции, где кого-то навешал, ни за что подробно не вспомнить, но хотя бы помянуть добрым словом 68-ю в Текстильщиках и родильный дом рядом, детскую Морозовскую и детскую Филатовскую, Медсантруд на Таганке, больницу МПС, военные госпитали в Сокольниках и Красногорске, ветеранскую в Кузьминках и Общедоступную Московскую на Спортивной, городскую в Филях, Пироговской центр и, конечно, самый мрачный центр онкологии на Каширке и детскую онкологию имени Димы Рогачёва, и больше всего Боткинскую, в которой и сам лёживал, и знакомый батюшка, и тёща, и в которую на «скорой» увозили жену и мне позволили сидеть у неё в ногах...

А что говорить о последних десяти годах тяжело болевшего друга? Его помешали и в самые простые больницы, и в больницы элитарные, военные, профильные, в медицинские и обычные научно-исследовательские институты. Везде лечили. Лечили, лечили и залечили. Вот его вроде вылечат, выпишут всегда очень дорогие лекарства и отпустят. Улетает на родину. А там... там попадает в больницу. И там лечат. Бывало, я и там навешал.

— Как понять? — рассуждал он. — Тут спрашивают: как вас лечили? Откуда я знаю. Ну, анализы всякие брали, лекарства вот такие прописали. Говорят: вас неправильно лечили, выбросьте эти лекарства. Вам нужны другие. Мы вас вылечим. А я что, я слушаюсь.

У него после двух страшных избиений, черепной травмы были провалы памяти, тяжелейшие головные боли. Как он всё переносил? И находил ещё силы шутить. Даже работал иногда. А главное, что досаждало, убавляло здоровья — его вытаскивали на многие официальные, чаще всего ему совсем не нужные мероприятия. Он, по общему негласному признанию и друзей и врагов, был лицом русской литературы, и ему приходилось тащить воз этого признания. Пойти в Центральный комитет, в Совет министров, во всякие другие органы, чтобы чего-то добиться, за кого-то попросить, — это всё лежало на нём. Председатель Союза писателей очень иногда был безжалостен: «Валентин, у нас завтра монголы, очень хотят тебя видеть. Ну удели полчаса». Какое там полчаса, день пропал! Потом и китайцы, и сербы приезжают, и вся Европа, и несчастному Валентину опять приходится тащиться в Союз писателей, подолгу пить чай с очередной делегацией, говорить ни о чём, терять время и здоровье. А как его донимали с просьбами написать предисловие, дать интервью, а сколько напрашивалось в гости! И приходили, и подолгу сидели, будто готовя будущую фразу в воспоминаниях: «И когда я приходил к нему в квартиру на Староконюшенном, то всегда говорил ему: «Валентин Григорьевич, берегите себя, вы нам очень нужны». Сберегли.

Горбачёв просил его войти в Президентский совет. Вошёл. Не чего-то ради, а для добрых дел во славу России. То, что Оптину пустынь вернули Церкви — прямая заслуга Распутина. Он говорил об Оптиной и с Горбачёвым, и с «архитектором перестройки» Яковлевым. До этого мы бывали в ней и видели «мерзость запустения,

пророком предреченную». Вспоминали потом пьющего мужичка, которому дали квартиру в келье преподобного Амвросия Оптинского, и который извлекал из этого много полезного себе. «Я же вижу, шапки снимают, крестятся, ну и я. Я тоже человек. Когда и денежку подбросят». Подбросили и мы. Очень благодарил и сказал, что это ему на вечер, а пока у него есть. И закуска есть. «Садитесь, парни. Сейчас стаканы вымою».

Сорок три года мы были дружны. Осенью 1972-го я прилетел на совещание молодых писателей от издательства «Современник». Два месяца назад утонул Александр Вампилов, друг Распутина. Вечером сидели в обкомовской гостинице, теперь она «Русь», Валя неожиданно сказал: «А поехали на могилу Сани». Получилось, что поехали только мы вдвоём. Поймали частника. Был гололёд, машина на подъёме перед кладбищем буксовала. Вышли, толкали. Я даже снял свой полушубок и швырял под колесо. Сей полушубок был упомянут в стихе Валерия Фокина «На проводах»: «Нынче солнышко светит ласково. Может, кто и нетрезв, да не глуп. Не похож на дублёнку канадскую твой тяжёлый ямщицкий тулуп».

Сорок три года. Это же сотни чаепитий, то у него, то у меня. Как он описывал заварку чая, так и заваривал. Процедура, священнодействие. Ополаскивал чайник, разогревал. Заварку клал бережно, но не экономил. Смеялся, вспоминая анекдот: «Евреи, не жалейте заварки». Смешивал чаи. Добавлял привезённого чая «Курильского» или «Золотого корня». У него и жена Света такая же была, как он, чаёвница. «У нас может быть всё самое скромное, но не чай». Воду сильно не кипятил. Свежим кипятком заливал чай не до верха, накрывал шерстяной плетёной салфеткой, настаивал, потом отливал немного из чайника в чашку и выливал обратно. Это он называл «подженить». У нас в Вятке делали так же, только называлось «учередить». Возил с собой в непрерывные поездки «заварную» ложечку с крышечкой в дырках, кипятильник. От этой ложечки разом всё вспомнилось — дороги по Японии, Монголии, Италии, Финляндии, Болгарии. А поездка в Тунис по приглашению Ясира Арафата! А на схождение Благодатного Огня в Иерусалим! И все эти выездные Секретариаты, Пленумы, Съезды, Дни литературы в союзных республиках. Да на одно, им начатое и проводимое событие каждого года, «Сияние России» сколько раз прилетал. А Карелия, Новгород, Минск, Киев, Белгород, Орёл... В Киеве долго шли от Киево-Печерской лавры через Аскольдову могилу, стояли потом у памятника великому князю Владимиру. Мурманск особенно запомнился: под Мурманском был ранен его отец. Почему-то ближе к полночи вышли. Площадь Пяти углов. Странно и непривычно: по времени глухая ночь, а стоит белый день, солнце ходит как наливное яблочко по блюдечку, на улицах никого, сонное царство.

Днём встреча на атомоходе «Ленин». Вначале экскурсия по этой громадине. «Не могу понять, чудо это или чудовище», — сказал он тогда. Ещё в Североморске встреча была. И в Апатитах. Или в Кировске? Нет, в Кандалакше. А его приезд в родную мою Вятку, в Великоорецкое. Но всё бегом и бегом. Всё вспомнишь, да не всё перескажешь.

А как забыть финскую баню-сауну? Это 1976-год. Тогда эти сауны были где-то за заборами (песня была «А за городом заборы, за

заборами вожди»), простые смертные о них только читали. Вот нас, мы приехали на совещание писателей Финляндии, повели в сауну. Мы побаивались: дело небывалое, вдруг опозоримся. Зашли с ними в парную. Они сидят, молчат. И мы сидим, молчим. Иногда поддают. Но вроде терпимо. Стали они почему-то по-одному выходить. Выходят, выходят, и вот мы остались одни. Сидим, сидим, греемся. «Слушай, вроде неудобно, они ушли, давай и мы выйдем». Выходим, они в ладоши хлопают. Оказывается, мы их всех победили.

И опять проблески воспоминаний. В Монголии такое есть место — नेताющий ледник. Жара плюс сорок, а под ногами лёд. Ходим по нему босиком.

В Италии, в Ватикане, в 1988-м, на приёме у папы римского, кардиналы в лиловом висят над ухом и интимно сообщают, что мы можем говорить с папой, но недолго, минуты по две. Валя говорит: «Бери мои минуты и говори с ним четыре».

А Божественная Литургия, причащение в Успенском соборе Кремля. А заседания Комитета общественного спасения у отца Александра Шаргунова. Движение за прославление императора Николая и Царской семьи.

А длительные поездки по русскому Северу со знаменитым народным академиком Фатеем Шипуновым. Ночлег у костра с видом на Ферапонтов монастырь. Утром ехали в Нилову пустынь, к Нилу Сорскому. Грязища, буксовали. В пустыни мужская психиатрическая больница. В центре огромная клумба, на которой, как на лужайке, лежат душевнобольные. Над ними высится статуя основоположнику, конечно с ленинским жестом. Такие памятники повсеместно называли «Всю жизнь с протянутой рукой». Также психиатрическая больница, но уже женская, была и в бывшем Задонском монастыре. И туда Фатей нас привозил. Тяжелейшие впечатления. Фатей умел воспитывать русских писателей.

Дни Славянской письменности и культуры в Новгороде, Москве, Минске... Много раз Алтай. Подмосковные научные центры: Черноголовка, Зеленоград, Обнинск, разве всё перечислить. Но было же! Ну не зря же было!

Вообще, Валя был человек, лишённый оптимизма. Часто грустно шутил: «А если б к утру умереть, то лучше было бы ещё». И вместе с тем необыкновенно решительный. Мы с ним состояли членами Комитета по Государственным и Ленинским премиям. А была выдвинута на премию постановка театра имени Ленинского комсомола по Шолом-Алейхему. И нам её надо было смотреть. А там, по ходу, изображался еврейский погром. Зрелище ещё то. Страшные хари русских охотнорядцев, несчастные избиваемые евреи. Валя поглядел на меня и резко встал. Я понял, тоже встал, и мы, ясно, что не под аплодисменты, вышли. В Комитете по премиям, конечно, наш демарш восприняли болезненно, особенно секретарь его Зоя Богуславская. Там она всем и всеми командовала. «Ах, ах, хотя бы вы в перерыв ушли».

Беды России, нападения на неё он воспринимал обострённо, болезненно. Особо не обольщался тем, что кто-то в мире любит нас, читал: «Хорошо, что никого, хорошо, что ничего... — и заканчивал: — И никто нам не поможет, и не надо помогать». Когда, вроде как в утешение побеждённому коренному населению, демократы вывесили

триколор над Верховным Советом, Валя, выступая на Всемирном русском Соборе, сказал: «Россию можно похоронить и под таким знаменем и под музыку Глинки. — И вспомнил эмигрантское: — Над нами трёхцветным позором полощется нишенский флаг». Да, флаг этот доселе, не знаю, как кого, а меня не вдохновляет. Его ещё и на лице стали рисовать. Как татуировка. А она знак или дикарей, или уголовников.

И когда в 1993-м расстреливали здание Верховного Совета и передавали этот расстрел в прямом эфире, перемежая рекламой наш несмыываемый позор, когда русские стреляли в русских, Валя говорил, что ему уже никогда не очнуться от этого ужаса: «Когда всё кончилось, я отошёл от телевизора весь обугленный».

Потом он вместе с журналистом Виктором Кожемяко выпустил книгу «Эти двадцать убийственных лет» о 1990-х годах, об уничтожении России.

И за его пронзительные повести и рассказы, особенно за образы русских женщин, за выступления в защиту достоинства русского человека, его любили. Вот пример: улетали с Ольхона, и уже стояли у самолёта. Валя даже как-то виновато сказал: «Да, вот омулем на распялке не успели угостить». Это слышал кто-то из экипажа. И задержали рейс. Запылал костёр, явилось ведро свежего омуля, его стали особым образом разделявать, укреплять на рогульках перед огнём. Прошло всего двадцать, может двадцать пять минут, и мы попробовали незабвенный благоухающий продукт.

Сколько времени, здоровья, нервов убавляла борьба за сохранение памятников истории и культуры, борьба за издание исторического и философского наследия. Например, за «Историю Государства Российского» Карамзина. Наивные люди, мы думали: вот издадим Карамзина, и Россия спасена. Писали в инстанции, просили. Отвечали: нет бумаги. Тогда, в сентябре 1991-го, пришли в Комитет по печати Сергей Залыгин, Виктор Астафьев, Владимир Личутин, Гариф Ахунов, Анатолий Ким, Валентин Распутин, Василий Белов, Виктор Потанин, аз многогрешный и сказали: мы отказываемся от изданий своих книг и отдаём бумагу на Карамзина. И подействовало. А борьба с поворотом северных рек на юг? Первым начал писать о повороте рек именно Василий Белов. Статью «Спасут ли Вожже и Лача Каспийске море». Потом Михаил Лемешев, учёные. А сколько сил ушло на «Байкальское движение», тут полностью заслуга Распутина. Бросали все свои дела и вставали грудью за Россию. Эти многолюдные вечера, поездки, хождение по кабинетам. Меня встретила Вика Токарева, мы с ней были в 1968–1969 годах сценаристами Центрального телевидения, и спросила: «Слушай, зачем вам это надо? Вы же писатели». Да, писатели, но писатели русские.

Именно благодаря во многом Распутину и Белову роль писателя в России была самой авторитетной. Даже так бывало: что-то случается в стране, тут же вопрос: а куда смотрят писатели? Во всём верили нам. Например, выступаем на встрече, говорим, поэты стихи читают. Встаёт в первом ряду старик: «Это вы всё хорошо отобразили. Но скажите, как бороться с колорадским жуком?»

В палате я устроил иконостасик в углу, обращённом как раз одновременно и на восток, и на церковь в Беседах. Палату стал называть

своей больничной кельей. И уже привык к ней и бежал в неё отдохнуть от процедур и очереди перед кабинетами. И постоянно утыкался в стекло с видом на церковь в Беседах. И всё больше хотелось побывать в ней. Вроде недалеко. Конечно, пересечь окружную дорогу, по которой по шестирядным шоссе в одну сторону и шестирядным в другую несутся машины, сотни машин за минуту, немислимо. Но бывают же интервалы. Я даже вычислял: вот, вроде напор схлынул, тут бы я успел до середины добежать, отдохнул бы и дождался бы и на той стороне паузы в движении. Рискованно, конечно. Но если что, можно пройти вправо или влево, должны же быть переходы. Из окна не видно.

Но как пойти, когда каждый день расписан чуть ли не по минутам, ты всё время на виду, тебя опекают врачи, медсёстры и одна санитарка, постоянно увлажняющая полы в коридорах и палатах, как?

И врачиха моя заглядывала и здоровьем интересовалась, и даже удивлялась вроде, что чувствую себя хорошо. Как тут уйдёшь? А ведь туда и сюда надо самое малое часа три.

И всё-таки такой день представился. Мне сказали, что послезавтра на меня наденут прибор — холтер, который нельзя снимать целые сутки. С ним спать, с ним ходить, с ним есть и пить. И давать организму нагрузки и непременно их записывать, дали специальный лист, в котором велели отмечать, что с тобой было каждый час: ходил ли, лежал ли, спал ли или питался. Все процедуры на эти сутки отменялись, как и еждневная капельница. То есть я был только под своим контролем.

Я понял: другого случая не будет.

А назавтра были предварительные выводы обследований. Римма Оскаровна много не говорила, но я и сам понимал, что у меня нашли или массу болезней, или их начатки, букет — как говорится. Всяких: от головы до сердца и лёгких, от сердца до желудка и ниже. Порции таблеток, приносимые с вечера, утром и выкладываемые на тумбочку, увеличивались количественно, а уж было ли количество качественным, знать мне было не дано. Но в этой больничной атмосфере казалось мне, что мне всё хуже.

На приёме увидел много нового внутри себя. Сердце, непонятно как снятое, трепетно и как-то судорожно трепыхалось на экране больничного монитора. Уменьшалось, увеличилось, играло, прямо как солнце после пасхальной службы. Но то солнце. На миллионы лет рассчитанное, а тут маленькое сердечко. Казалось, вот-вот выдохнется.

— А ещё хотите посмотреть изнутри свой желудок? — спросила Римма Оскаровна.

И показала его на экране. Для этого я и глотал крохотную телекамеру. Противно было, конечно, но зато впервые увидел красоту своих мраморно блестящих стенок желудка. Представить, что им приходится соприкасаться со всякой животной и растительной, белковой и углеводной, твёрдой и жидкой, пережёванной и наспех проглоченной пищей, было почти невозможно. И вот эту красоту заливать мерзостью мутного пива, обжигать водкой и коньяком, сваливать сюда, как в помойку, и заставлять перерабатывать недожаренное мясо, переваренную рыбу, всякие помидоры и картошку, бедный ты, мой милый желудок!

Да и что желудок! Разве почкам легче? Какое только пошло не лъём в глотку организма, а почки всё это пропускают. А бедняжка мочевой пузырь! Что говорить. Дивно ли, что они устают и просятся на покой. Одному только сердцу как достаётся. А могучая наша кроветворная печень. Да что говорить! Ходим мы, созданные Господом на диво, живые храмы духа Божия, и над собой издеваемся. Себя не ценим, не бережём. А ведь обязаны.

За день я всё продумал. Попросился на прогулку. По территории разрешили. Я ещё из-за того попросился, чтобы вернуть из камеры хранения куртку и ботинки. Сдал взамен больничные тапочки. Обулся, вышел и пошёл слева направо вокруг зданий по периметру. Глухо — заборы и проволока, оплетённая зеленью. Порядок лагерный — клумбы, аллеи, стенды о здоровой жизни, деревья и кустарники. Всё подстриженное, всё по линейке.

Я взаперти. Да ещё и этот карантин. Но решил: давай завершу круг почёта. И не зря: в направлении как раз к окружной кольцевой, которая ощутимо напоминала о себе своим гудением, обнаружил, что за деревьями в одном месте бетонный забор заменён временным, деревянными щитами. Видимо, ремонт канализации. Экскаватор, маленькая бетономешалка, вагончик. Забор тоже высоковатый, но хотя бы без проволоки. И от корпуса далековато. И никого — ни охраны, ни рабочих. А-а, сегодня же суббота. Так ведь и завтра воскресенье. Они же специально навешивают на меня аппарат на выходные.

Вот, тут-то мне и путь-дорога.

Вернулся в корпус. Внизу, в буфете попил чаю с булочкой. Конечно, куртку не сдал. Скрутил её в свёрток, взял под мышки и пошагал по лестницам. В лифте решил не ехать, там лифтёрша, заметит запрещённый груз. Ботинки тоже были запрещены, но я как-то прошмыгнул мимо санитарки. А тапочки больничные остались в камере хранения, пусть думают, что меня выписали, искать не будут. У меня в палате свои, домашние, жена позаботилась, в них уютнее.

Читал вечерние, а после ночи (спал неважно) и утренние молитвы, обращаясь к церкви. Пошёл на процедуру навешивания аппарата. Боялся, будут долго возиться. Нет, молоденькая медсестра быстро напрытывала на разные места моей верхней части тела присоски с проводами, привесила на ремень коробочку, к которой эти провода сбегались, вручила листок, разлинованный на двадцать четыре деления. Это по часам наступающих суток. Надо было записывать, что делал, чем занимался каждый час.

— Но эти датчики, они крепко держатся?

Завтракать не стал. Может, надеялся на причастие? Хлеба всё-таки взял, положил в пакет. В палате выложил на видное место листок, в котором отмечал свои передвижения, написал: «с 9-00 до 12-00 прогулка по территории». Про себя подумал: врать нехорошо, но тут же придумал оправдание: нет, не вру, у меня не самовольная отлучка, у меня прогулка конкретно по территории Москвы и Подмосковья.

Позвонил жене, попросил молиться за меня.

— Я о тебе и так всё время молюсь.

— Сегодня особенно надо! — это у меня непроизвольно вырвалось.

— Пожалуйста, не пугай. Какое-то новое обследование?

— Нет, нет, всё нормально.

— А почему особенно? Чего-то скрываешь?

Как мог, успокоил её. Телефон оставил в палате. Вышел из корпуса, перекрестился и пошагал. У шитов ограждения выбрал заранее намеченное место, закрытое высоким кустарником, проверил навешенную на меня сбрую, ещё поозирался по сторонам — вроде всё спокойно, и полез. Но с ходу не получилось. Не оттого, что не было сил, а от мелькнувшего страха, что зацеплю за что-то проводами, сдёрну датчики-присоски и нарушу работу аппарата. Оглянулся, увидел ящик, подтащил, убедился в его устойчивости и с его помощью поднялся на забор. Перевесился на другую сторону, ухватился руками за край шита, спустил ноги и отцепился. Удачно: не упал и ни одна присоска не отлипла. Слава Богу.

Надо было пройти мокрую низину, плотно заросшую ивняком, по низу осокой. Ботинки сразу промокли. Впереди был ручей. Разглядел самодельную плотину из срубленных ветвей, перешёл по ней водную преграду. Значит, кто-то уже ходил тут.

И ещё были преграды. Непонятно для чего раскопки, залитые водой, спиленные и неубранные деревья. И это в черте Москвы. Наверное, строить чего-то собираются. А это место с моего этажа выглядело парково: пышная, красивая зелень. Уже с жёлтыми осенними сединками. Наконец, выкарабкался наверх и передохнул. Аппарату моему было что записать, эти нагрузки и тревоги.

И вот я перед Московской кольцевой автодорогой. Слева, но очень далеко, виднелся переход. Буду ждать, может, движение на немного прервётся. Стоял пять минут, стоял десять. Какие там интервалы, о чём я наивно мечтал? Несутся стада ревущих механических, изрыгающих выхлопные газы животных, сигналият, злятся друг на друга. Им в одно удовольствие смести меня с лица земли.

Куда денешься, двинусь к переходу. Хороша прогулочка на свежем воздухе, надышался досыта. Помогало то, что радовался близости церкви, которая иногда мелькала в просветах среди зарослей придорожных деревьев.

На середине перехода, на эстакаде, постоял. Подо мною неслась многотысячная колёсная жизнь: фуры, трейлеры, другие всякие большегрузы и бесчисленные легковые автомашины всех марок стран-производителей. Усмехнулся, вспомнив, как внук, уже очень современный ребёнок, всё допрашивал меня: «А это какая машина? А эта?» И раза два-три поймал меня на незнании, не смог отличить «хонду» от «хондая» и один «оппель» от другого. Тогда я, чтобы внук не очень-то задирает нос, выучил по значкам все марки и, торжественно допрашивая его, уловил на незнании «лексуса». Вернул свой авторитет и имел право сказать: «Ты б с таким усердием книжки читал».

А его папочка, мой сын, тоже Володя, у нас в семье все Володи, когда был ещё меньше, меня один раз чуть до сердечного приступа не довёл. С семейством Беловых были в Пицунде. Сынок не на машине, на мне ездил. На пляже я посадил его на плечи и пошагал вдоль берега. Анечка Белова увидела такое дело и тоже запросилась на плечи отца. И вот, идём рядом, мой сыночек прыгает и прикрикивает в такт: «А мой-то папа выше! А мой-то папа выше!» У меня ноги подкосились: быть выше, и кого? Белова?

Эта Анечка вертела папочкой как хотела, любил он её сильно и всё прощал. Возвращались из Пицунды, и они у нас в Москве ночевали. Улетали в Вологду назавтра из Быкова. Вызвали такси, поехали. И вдруг Анечка в голос зарыдала, у куклы с ноги где-то соскочила туфелька. И что? Василий Иванович велит таксисту поворачивать. «Вася, опоздаем!» — Ольга Сергеевна нервничает. Но Василий Иванович не может огорчить Анну Васильевну. Возвращаемся и, четыре взрослых человека, ползаем по квартире, ищем туфельку. И находим! И вновь едем. И едем, и успеваем. Оказывается, вылет задержали на сорок минут.

Уж заодно вспомню и о шапке скульптора Клыкова. С ним меня познакомил как раз Василий Иванович. Он уезжал домой и просил проводить его. «Много книг нахватал. Ещё Слава Клыков придёт». А я уже знал работы Клыкова, особенно поразившую скульптуру «Старик и карлик». Познакомились. А тогда жили мы с Надей тяжело, не печатали меня. И у меня была очень дешёвая шапка, какая-то синтетика. И Слава всё на неё поглядывал. Уже пора собираться на вокзал. Слава встаёт из-за стола, берёт мою шапку, подходит к окну, а мы на одиннадцатом этаже гостиницы «Россия», и выбрасывает мою шапку со словами: «Русский писатель не должен носить таких шапок!» Тут же берёт свою роскошную шапку, даже не знаю, какой это мех, видно, что очень дорогая, нахлобучивает её на меня: «Носи. Дарю!» Тогда я беру её, подхожу к окну и тоже выбрасываю со словами: «Русский писатель чужих шапок не носит». А декабрь, а мороз. Василий Иванович кричит: «Ну, дураки, ну, дураки!» А мы вначале хотели на метро ехать, а тут как? Василий Иванович побежал к дежурной, вызвал такси. На вокзале бегом-бегом загрузили его, попрощались, бегом на стоянку. К нему, на Ордынку, все хотят ехать, ко мне, в Печатники, никто. «Поехали ко мне, — решает Слава, — найдём там у меня шапки». Вскоре и ему и мне пришли посылочки из Вологды — Василий Иванович наградил двух дураков хорошими шапками.

В Харовске установлен памятник Василию Ивановичу. И на нём очень честные слова от имени жителей района, в котором как раз находится его деревня Тимониха: «Василия-то Белова мы знаем и любим, да вот не больно-то слушаем».

Я вышел за черту столицы. Ощущение России здесь было несомненное: улица села, деревянные крепкие дома, трава на обочинах дороги, красота! Пожалел даже, что иду не босиком. Пришёл к храму. Очень он напоминал храм Вознесения Господня в Коломенском. По своим, летящим вверх, формам, а по расцветке сиял чистотой белого и синего цвета.

Зашёл. Служба, конечно, закончилась: поздно я вышел, долго шёл. В церковной лавке старушка подарила мне просфорку: «Сегодняшняя». Заполнил поминания о здравии и упокоении. Купил свечи и ставил их. Зажег только две: у праздничной иконы и у Распятия. Остальные укрепил на подсвечниках. Даст Бог, зажгут на службе, может быть, уже сегодня. Прикладывался к иконам и к мошам. И в главном приделе Рождества Христова, и в Ильинском, и в Покровском, и во Всехскорбященском. Прочёл и историю храма. И так знал, но читать её не в книге, не в интернете, а в самом храме было ощутимо благодатней.

Справа от входа стоял продолговатый, невысокий стол, ясно, что для гробов. Видимо, недавно кого-то отпевали. Сколько же я помню отпеваний! И в сельских храмах, и в соборах: Георгия Свиридова и Владимира Солоухина в Храме Христа Спасителя, Леонида Леонова и Юрия Кузнецова в называемом москвичами «пушкинским» храме Большого Вознесения. Леонов жил рядышком с храмом, и мы с Валею бывали у него. Он рассказывал, как ему приходил Сталин. Ещё, к великому сожалению, много о болгарской Ванге. Он ей верил. И не он один. А Для Юры Кузнецова символично было то, что в день его отпевания впервые пробовали колокола, вознесённые на колокольню храма. Очень сильные, звучные. И стихи Кузнецова в русской поэзии можно с колоколами сравнить. Стоял у гроба, вспоминал его первые московские книги стихов «Во мне и рядом даль» и «Край света за каждым углом» в издательстве «Современник», где мы работали и где я был парторгом. Выходили его книги с трудом. И помогло то, что я уговорил Юру вступить в партию и дал рекомендацию. «Это же не для карьеры, для прохождения рукописей». И в самом деле помогло. Гораздо позднее прочёл письмо Василия Шукшина Белову о том, что членство им помогало издавать книги. Хоть за это дорогой компартии спасибо. Тут же вспомнился фольклор 1960-х: «Спасибо партии родной за любовь и ласку: отменили выходной, отменили Пасху». То есть объявили пасхальное воскресенье рабочим днём. Вот до чего доходило.

В церковном дворе были удобные для отдыха лавки. На одну я присел, вытянув приятно занывшие ноги. И вновь, будто дождавшись этой минуты, прихлынули воспоминания.

Василия Ивановича отпевали в Кафедральном соборе Вологды. Сильно мешала мельтешня телевизионщиков, журналистов, очень, видимо, обрадованных тем, что ушёл Белов и некому будет их ругать, называть «смишниками», называть телекамеру «свиным рылом», вынюхивающим только мерзости о России. Великий писатель, борец, пример во всём. Совершенно бесхитростный, прямой, смелый до безрассудства, часто обидчивый, но никогда не помнящий обид. Прямо ребёнок. Да ещё небольшого роста. «Я стеснялся, что я невысокий. И на гармошке выучился играть, чтобы как-то стеснительность побороть». Странно, но я никогда не чувствовал, что он меня старше, казался мне младшим братом, которого я обязан защищать. Но не мы, а он защищал, он был крепостью, а не мы. Несгибаемый в своей борьбе за человека на земле. На трибуне Верховного Совета он был страшен врагам России. Жириновский завизжал (это должно быть в стенограмме): «Уберите этого колхозника!»

Вот уж от кого никто не слышал бранного слова. И в их расхождении с Астафьевым ругань последнего, он даже при женщинах вставлял солёные словечки для украшения речи, сыграла не последнюю роль.

Виктор Петрович — особый случай. Конечно, мы ему в рот глядели. Когда он был в компании, то говорил только он. Первый раз я увидел его в его вологодской вотчине, деревне Сибла, на рыбалке. Меня туда привёз Владимир Шириков, редактор областной молодёжки, начинающий тогда писатель. Ели уху из пойманной Виктором Петровичем рыбы. Тогда я был покорён силой импровизации и складом его речи. Говорил, будто пробовал на слушателях новые

тексты. Как на нейтральной полосе хрюкал поросёнок и как за ним ночью поползли и немцы и наши, и как встретились у этого поросёнка. Воевать, драться не стали, поросёнка поделили и вернулись: наши к нашим, немцы к немцам. Очень ругал военачальников, вообще всю номенклатуру. Молодых писателей ругал за то, что торопятся писать. «Если хочется работать — ляг, поспи, это пройдёт». Смеялся над теми, кто гордился рабоче-крестьянской биографией. «У нас про таких говорили: Гли-ко, был рахит, а ходит». Ругал «поэтов-туристов» Вознесенского и Евтушенко. И упоминаемого с ними Рождественского. «Они место заняли, вытеснили настоящую поэзию. Вместо них надо ставить Рубцова, Горбовского, Кузнецова». — «А Высоцкий?» — «Это для сытых и для уголовников». Из сверстников ругал авторов про тихие зори и про белого кобеля с чёрным ухом. «Девчонки против диверсантов? Чего врать? Они бы им, как цыплятам, шеи бы свернули. А ещё бежит, стреляет, приплясывает, да ещё и поёт. Тыфу! И этот, собаку жалеет! Тут люди сотнями, тысячами гибли, трупами заваливали! Вот чего об этом молчит? Фронтовики, мать их!» Был ярый болельщик, помнил все матчи и по хоккею, и по футболу. «Вы понятия не имеете, кто такие Бобёр и Стрелец». На удивление знал кино. Из актрис нравилась ему Маргарита Терехова.

Знал я Астафьева наизусть, особенно его «Последний поклон», «Ода русскому огороду», «Васюткино озеро», «Царь-рыба». И, конечно, «Пастух и пастушка», но в том, первом виде, а в не в потом доработанном за счёт окопного словаря. В первой публикации у него тоже была цензурная правка. Иногда несправедливая. «Вот у меня, — говорил он, — солдаты в серых шинелях лежали на снегу, как немытая картошка». Чем плохо? И мы соглашались, что это очень даже впечатляет. Тут зрительный образ и ощущение войны. Возмущались: какие ж собаки в этой цензуре — их бы под обстрел на снег положить. Но когда пошли у него тексты ненормативной лексики, это была беда. Правда жизни замазывалась похабщиной. Мало ли кто и как выражается, есть же традиции русской целомудренной литературы. Тут мы были единокорны: нельзя пачкать икону русского языка. Уже и «Людочка», и «Печальный детектив» читались с трудом, а роман «Прокляты и убиты» отвращал от себя матерщиной, как и совсем не весёлый «Весёлый солдат».

К ним в Вологде приходил Рубцов. Виктор Петрович прекрасно пел песни на его стихи.

И легко понять, что пути Белова и Астафьева разошлись. Ещё повлияло то, что Мария Семёновна, выпустив книгу, подала документы в Союз писателей. Белов был против. Но тут мы защищали Марию Семёновну: пишет ничуть не хуже сотен других писателей, жизнь прожила тяжелейшую. Фронт. И для Астафьева спасение. Евгений Носов называл её: мать-героиня с младенцем Витей на руках. Членство в Союзе писателей входило в рабочий стаж и давало право на пенсию. «А я загнусь, весь перекалеченный, как ей жить?» — горячился Виктор Петрович. Она вообще была в чистом виде каторжница: разбирала сверхкорявый почерк мужа, перепечатывала его тексты на пишущей машинке, он правил по машинописному, опять всё испереперепричёркивал, и она опять это перепечатывала. И так несколько раз. «Да книжки мои Витя даже и не читал», — говорила Мария Семёновна, и с улыбкой рассказывала нам, как на одной из встреч с писателем

к нему подошла женщина с её книгой и попросила: «Виктор Петрович, у меня с собой нет Вашей книги, подпишите книгу жены». Он, недолго думая, черкнул: «Бабе от бабы».

Переезд в Красноярск, на родину, восстановление родового поместья в Овсянке, рыбалка на Енисее, было спасительным для Виктор Петровича. В Красноярске на него стал благотворно действовать отец Михаил Капранов, отсидевший вместе с Леонидом Бородиным за членство в антисоветской организации. Приходит батюшка к писателю. Сидят, разговаривают. Виктор Петрович увлечётся, залепит в свою живописную речь нецензурное словечко, отец Михаил тут же: «Пять поклончиков перед иконами!» Сделает Виктор Петрович земные поклоны, вернётся за стол. Забудется, и опять гнилое слово выскочит. Батюшка снова и снова непреклонно: «Раб Божий Виктор! Десять поклончиков!» Виктор Петрович его слушался и жаловался нам: «А мне-то какво с моим пузом?» Благодаря батюшке лексикон писателя очищался, и продолжайся так, мы б не получили загрязнённых матерщиной астафьевских текстов последнего времени. Но бесы не дремали — отца Михаила перевели в Барнаульскую епархию.

В Японии мы с Василием Ивановичем были в гостях у профессора-русиста, и он подарил нам книги, которые издавала так называемая «третья эмиграция». В том числе сборник «Неподцензурная советская частушка». Вернулись в гостиницу. Через десять минут Василий Иванович ворвался ко мне в номер: «Ты смотрел эту мерзость?» — «Какую?» — «Частушки». — «Нет». — «Выкинь!» — «Но мне интересно». — «Выкинь! Дай сюда, сам выкину!» И забрал у меня подарок профессора. «— Смотри!» — ткнул наугад. И в самом деле, была явно сочинённая гадость, вроде антисоветская, а в самом деле антирусская, сделанная под частушечный размер. Конечно, образ сегодняшней России, созданный на Западе, создавали как раз не западные люди, а уехавшие от нас диссиденты, которым было всё равно, где жить, лишь бы жить сыто. А за что Россию не любили? За то, что легко обошлась без них.

О, а как мы с Валею переходили на обращение к Василию Ивановичу на «ты». Он требовал: «Какой я вам Василий Иванович! Вася, и всё! И никакого на «вы». И дотребовался. С великим трудом мы, приводя в пример Виктора Потанина, который был на «ты» с Виктором Астафьевым, и Виктора Лихоносова, бывшего на «ты» с Беловым. Ну, наконец, осмелились. Но отсечь отчество Иванович от имени Василия ни за что не смогли: «Василий Иванович, — говорил Вася, — не уговаривай, не сможем ни за что». — «Ты только для Толи Заболоцкого Вася, — поддерживал я. — У него два писателя, два Васи — ты и Шукшин. Остальных он за людей не считает».

И как хорошо, ещё при их жизни Анатолий Гребнев написал: «Тревожно за русское слово, но вспомнишь — светлеет вокруг: пока есть Распутин с Беловым, не надо тревожиться, друг».

А когда они ушли, написал прощальное, из которого на память помнилось: «Я знаю, былью станет небыль, мы и в гробу не уложим. И босиком с тобой по небу друзьям навстречу побежим. По зову сердца мы над бездной по звёздной тропочке пройдем и на скамейке поднебесной друзей потерянных найдём. И, вспомнив радостно былое, забудет вечность о часах, когда Распутин с Беловым обнимем мы на небесах».

Толю они оба любили и ценили. Белов через меня передал для Толи листочек с таким словом: «От Степанова до Крылатского, то с улыбкой, то с тихой болью соловел я от слова вятского, послухмянного Анатолию. Прочитал наизусть, что было, жаль до Вологды не хватило».

Что говорить, в церковной ограде было самое время и место вспоминать об ушедших в вечность друзьях. А сейчас ещё и о том месте, на котором был. Это здесь происходил Военный совет перед Куликовской битвой, крупнейшей битвой Средневековья, и пытался его представить. Конечно, на нём говорили о неизбежной уже битве. Слушали доклады гонцов из тех княжеств, которые также откликнулись на призыв Димитрия и митрополита Алексия. Уже знали, что поход против Мамаю благословил сам преподобный Сергей, а его благословение для русских было решающим. Спешили воссоединиться с основным войском. Слушали доклады гонцов от степной «сторОжи», которая следила за передвижением войск Мамаю. Считали силы, оружие, припасы продовольствия и для людей и для коней. Положили провести смотр войск в Коломне на просторном Девичьем поле у впадающей в Оку Москвы-реки. О, Коломна — город, где свершилось венчание юного Димитрия с нижегородкой Евдокией, будущей великой святой преподобной Ефросинией. В селе Беседы Димитрий сразу после битвы заложил храм. Вначале, как водилось на святой Руси, деревянный, потом Борис Годунов свершил каменный. Храм этот всегда был на особинку, именовался дворцовым.

Обошёл его вокруг, представляя бывавшие здесь и будущие Крестные пасхальные ходы. Цветы устилали ограду. Вдруг, а не вдруг ничего не бывает, увидел указатель «К источнику». Конечно, обрадовался. Напьюсь, умоюсь. И напился и умылся. Но источник этот был ещё и купелью. Иконы на восточной стене, свеча горит. Раньше бы и думать не думал, погрузился бы. Но сейчас-то я был с навешенным меня аппаратом. Но уже руки сами расстегивали пуговицы на рубашке и стаскивали брюки. А ботинки сами всех вперёд отскочили. Присоски не отпадут, думал я, проблема в этой коробочке, нельзя её замочить. Может, не рисковать. Но желание погрузиться в исцеляющие целебные, несомненно, многократно освящаемые воды, отмело сомнения. Я сообразил плотно обмотать эту коробочку в целлофановый пакет, добавочно окрутил этот узел снятой майкой. Не успеет промокнуть. Хлебушек из пакета и просфору положил под икону Божией Матери.

Подошёл к купели. Немного трусил. Прочёл молитвы: Отче наш, Богородице Дево, Царю Небесный, Правило веры. Молитвы прибавили решимости. Спустился по ступенькам, зажал в левой руке свёрток с коробочкой, правой крестясь, троекратно, во имя Отца и Сына, и Святаго Духа, погрузился с головой. Вышел. Испытанное ощущение, когда боязно погружаться, но зато потом так хорошо, так отраднo, так жарко, что об этом и не расскажешь. Можно только испытать самому. Это прообраз умирения и воскрешения. Конечно, страшно умирать, но зато воскрешаться в жизнь вечную — надеюсь-моюсь-верю — прекрасно!

Размотал майку, выжал. Выпростал из целлофана коробочку. Вроде сухая и целая. Одеваться! На ремне опять укрепил прибор.

О, отрада и утешение! Принял вначале просфору, потом поел больничного хлеба, запил водой. Остатки, выйдя из купели, раскрошил птичкам.

И ещё поднялся к храму, и ещё зашёл и ещё поставил свечи. И записочки подал о родных и близких, и о себе многогрешном, болящем.

Да, болящем. Но ведь по своей же вине. Врачей-то надо слушать. Все мы такие бываем: Господь не оставит, лечиться не буду, положусь на Его милосердие. Но и святые бывали врачи, и много их, и Амвросий Оптинский, сказав, что монахам «полезно прибалывать», советовал и лечиться, и наш старец Кирилл (Павлов) поправлял здоровые у врачей. Другое дело, что врач, к которому идёшь, непременно должен быть верящим в Бога.

А мои врачи? Верят? А врачи, лечившие Валю? А Василия Ивановича? Каких врачей надо слушать? Ответ: только верящих в Бога. Иначе никаких гарантий.

Обратный мой путь был куда легче и даже веселее. Ещё бы — шаггал новорождённый в купели. Даже хотел идти напрямую, к зданиям Центра, но потом себя урезонил. Опять вдоль ревущей Окружной до перехода, по нему, там опять, вдоль трассы в обратном направлении, и через хворостяную плотинку к забору. Посмотрел в щели, вроде тихо. Тут была проблема — с улицы не было подставки. Но как-то сумел. Подтянулся, вытянул себя, а на внутренней стороне помог яшик. Отташил его на старое место. И вернулся в свою больничную келью, как называл палату. Позвонил жене.

— Я очень молилась. Ты меня напугал, я переживала.

— Но теперь-то успокойся. На свежем воздухе долго был. Ты знаешь, я что-то очень забываю, всегда записки подаю.

— Я их никогда не забываю, всегда записки подаю.

— Да-а, твой борщ они всегда помнили.

После обеда долго лежал. Опять мысленно заново проходил путь к Беседам, храму, купели. Пытался оживить облик Димитрия Донского, виденный на иконе, перевести его в живого человека, сидящего с воеводами на Военном совете-беседе, но было трудно. И не смог. И представить движение войска, храп и ржание коней мешал, конечно, доносящийся даже в палату надрывный рёв несущейся по кольцу техники. Будто такой гигантский хула-хуп, два обруча, один слева направо, другой справа налево, закручивались вокруг Москвы. То ли брали её в плен и охраняли, то ли оберегали от нашествий.

Но особенно чётко вспоминалась наша с Валей поездка на Поле Куликово. Как мы ехали, как были у слияния Дона и Непрядвы, как потом ночевали в домике прямо на Поле, недалеко от храма постройки Щусева, от Памятника-колонны. Как ночью вышли, молча шли к нему и как молча вернулись. Храм с куполами в виде шлемов древнерусских воинов в слабом свете луны помнился отчётливо.

Валя, помню, сказал:

— Щусев человек был набожный, хотел во спасение души построить сорок храмов, а закончил тем, что построил мавзолей для Ленина. Вот как так?

На обратном пути поехали в Елец, и там наш первый духовник схиеромонах Нектарий (Овчинников) благословил Валю окреститься. Крестил на дому архимандрит Исаакий. Помню, как потом пили

чай, какой просветлевший был Валя в белой рубашке. Отец Исаакий рассказывал, как отбывал срок в Средней Азии и как издевался над его верой начальник лагеря.

— Когда пришёл ему приказ о досрочном моём освобождении, то он на построении при всех издевательски говорит: «Это что, тебя твой Бог освобождает?» А со мной сидел уголовник, такой детина, меня слушал, когда я с ними говорил. И вот, когда начальник так спросил, то уголовник прямо из строя ему врезал: «А ты как думал?»

Да, вспомнил я белую рубашку, и кажется мне сейчас, что в ней или в такой же он был, когда иеромонах Иоасаф из Заиконо-Спасского монастыря приехал к нему, уже не встающему с постели, на последнюю в жизни исповедь и Причастие. Я тогда впервые увидел Валу заросшего крепкой седой шетиной. Полное ощущение старца. Хотел ещё пошутить, мол, вот, Валя, всегда тебя уговаривал бороду носить, и вижу, как она тебе идёт. Но уже не произнеслось.

Прощались. Нагнулся к нему и невольно встал на колени. Поцеловал. Тихо, но разборчиво Валя произнёс: «Больше не увидимся».

И вскоре было прощание с ним в Храме Христа Спасителя, в алтаре которого есть памятная доска с начертанными фамилиями членов первого Общественного совета по возрождению Храма. Там рядом с фамилиями Георгия Свиридова, Владимира Солоухина, Владимира Мокроусова, Игоря Шафаревича написаны и наши. Валя тогда сказал: «Ради такой доски стоило жизнь прожить». После московского отпевания было и иркутское. А вот уже и на могиле побывал. И деревянный крест заменён на мраморный, и цветов попрежнему много. И пусто вокруг.

Но вообще, как хорошо, что русские писатели сейчас избирают себе вечный покой на родине. Не в большом смысле — родина, Россия, а в самом сердечном, там, где родились и росли. Александр Яшин у себя в вологодском Никольске, Виктор Астафьев в красноярской Овсянке, Фёдор Абрамов в архангельской Верколе, Владимир Солоухин во владимирском Алепино, Пётр Проскурин на Брянщине... Жалко, что Василий Шукшин похоронен не на Алтае, а в Москве. Белов, помню, очень сожалел: «Какая глупость эта «престижность»! Что Новодевичье, что какое любое другое — одна земля. А Новодевичье одна показуха. Да и срам. Юрий Никулин с папиросой, у ног собака, сидит на своей могиле, это что? Лежать надо на родине, её стеречь». «Могилы великого человека — национальное достояние», — сказал Пушкин.

И Валя писал в завещании: похоронить рядом с погибшей любимой доченькой Марусей, с любимой женой Светой, ему и их уходы пришлось пережить. Но похоронили в ограде монастыря, в между-речьи Ангары и Ушаковки. Но это очень хорошо. Валя всегда всех гостей водил в монастырь, к могиле землепроходца Шелехова. На памятнике — стихи Державина «Коломб здесь русский погребен...». И это практически в центре города, а до Смоленского кладбища доехать не так просто: на мосту через Ангару постоянные пробки, и около кладбища трасса, машины, шум, покоя нет.

Как всё летит! Нет Вали и нет Василия Ивановича. Куда в Москве ни пойду: тут были, тут выступали, тут заседали, тут в театр, в консерваторию шли. И как теперь без них?

Василия Ивановича тоже долгие годы лечили. Страдал сильно, уже сидел в кресле, в письмах от него строчки становились всё слабее, сползали в конце вправо и вниз.

Узнали о его уходе в Доме литераторов на юбилее Станислава Куняева. В самом конце, после заключительных аплодисментов, будто он пожалел нарушить радость друга.

Поехали в Сретенский монастырь, ещё с нами Анатолий Заболотский, за рулём настоятель монастыря, нынешний митрополит Псковский Тихон. Уже близилась полночь. Подняли семинаристов, отслужили первую поминальную молитву о новопреставленном Василии. Отец Тихон при нас позвонил Вологодскому Владыке Максимилиану и губернатору, просил их посодействовать захоронению Белова в Спасо-Прилуцком монастыре, рядом с могилой Батюшкова. И договорились, и Ольге Сергеевне, уже вдове, позвонили, и она согласилась. Но вологжане, ссылаясь на его слова о захоронении рядом с матушкой Анфисой Ивановной, увезли в Тимонику. А там уже на многие километры вокруг пусто. Когда он говорил, были ещё деревни, сейчас человека не встретишь. Но возвышается и стоит на страже земли Белова церковь, почти в одиночку им восстановленная, стоит, не сдаётся.

Наконец, я уснул. И спал аж до самого ужина. Чего же я в этот листок запишу — спал без задних ног, ибо свершил обряд исцеления — был в церкви и погрузился в источник? Написал просто: сон.

На следующее утро та же милостивая медсестра сняла с меня все эти присоски-датчики, унесла их, и вскоре меня вызвали к лечащему врачу, Анне Оскаровне. И она, глядя на изломанные линии каракуль кардиограммы, читая их, понятный для неё язык, изумлённо вопрошала:

— А что это пишете: прогулка по территории. И откуда на прогулке такие нагрузки?

— Физзарядка для бодрости. — А про себя понял: это же я в это время через забор перелезал.

— А вот, около полудня, что это? Учащение пульса, резкий прыжок давления и резкий спад. Потом подъём до нормального. И потом всё хорошо. Странно. Потом, после обеда, такой долгий сон. Снотворное принимали?

— Нет.

— И ночь прошла нормально?

— Нормально. А сейчас как давление? — спросил я, чтобы отвлечь её от медицинских раздумий.

Померяла давление.

— Ничего не болит?

— Нет. Здоров как призывник. Который не уклоняется от службы в армии. Выпустите меня. На свободу с чистой совестью.

— Нет-нет, два-три дня понаблюдаем. Какой-то именно с вами особый случай.

На моё счастье до меня дозвонилась врач из монастыря, деликатно поинтересовалась моим состоянием. Я понял: у них появился кандидат на излечение или на исследование, и палату мне надо освободить. Я просил её позвонить здешним моим распорядителям.

А она, здешняя моя врачиха, Римма Оскаровна, вошла сама. Опять несла белые листы-полотенца записей моего состояния прибором, висевшем на мне сутки.

— Простите, не могу успокоиться. Проверили прибор — нормальный. Думала, что он неверно показывает. Что вчера было с вами от девяти до двенадцати? Смотрите: читается напряжение, взволнованность, перебои в давлении, потом какой-то прыжок и потом всё прекрасно. Спокойный сон, ровный пульс. Нет, что-то было. Но что? Завтра снова на сутки поставим холтер.

— Нет, нет! — я всерьёз испугался. — Надо палату освобождать.

— Но как понять ваше вчерашнее состояние?

— Хорошо, признаюсь. Я был в самоволке. В самовольной отлучке. Перелез через забор...

— Ужас! Но это же грубейшее нарушение режима!

— ...перелез и пошёл через Окружную дорогу в церковь. Тут село Беседы, я его вам из окна покажу. Оно связано с Куликовской битвой, тут был Военный совет, беседа. Димитрий Донской. Но он тогда ещё не был Донским. Я вам расскажу.

— Какой Донской, при чём тут давление? — спросила она.

— При том, что там я погрузился, не нырнул, погрузился трижды с молитвой в источник, вот и всё. И здоров. Тем более вчера было воскресенье. Малая Пасха.

— Какая Пасха! Что вы мне будете глупости говорить! — Она разбушевалась. — Вы понимаете, что это ненормально? Мы вас лечим, а вы? Лепите мне тут всякую фантастику. Вы же могли простыть.

— Какая фантастика, православная реальность. Но вы правы: грубейшее нарушение больничной дисциплины — тоже реальность. За это меня надо наказать и выписать. На свободу с чистой совестью.

Я уже дома. Подхожу к окну. Гладкость и прохладность стекла напоминают окно моей больничной кельи. И вижу бело-синюю церковь в Беседах. И вспоминаю, как от неё можно спуститься к источнику. И перекреститься, и погрузиться. И исцелеть. И зажечь в храме свечи у икон, и подать записочки об ушедших друзьях. И быть уверенным, что они тебя видят.

Светлана СЫРНЕВА (об авторе см. с. 12)

ГЕОРГИЙ ИВАНОВ

И «МИРОВОЕ ТОРЖЕСТВО». Статья

Суть поэзии Георгия Иванова — то, что делает её выдающимся явлением литературы и бесспорным достоянием человечества, — мужество человека перед лицом непреодолимых обстоятельств.

В русской литературе, пожалуй, нет другого поэта, в творчестве которого трагедийность человеческого бытия была бы доведена до такой предельной концентрации. Этому способствуют лапидарность стихов, лаконичность формулировок и высокая степень категориальности мышления поэта как отличительные черты индивидуального авторского стиля.

Художественный мир Г. Иванова поделен на две заведомо неравные части. Одна из них — человеческое тепло, «от Бога данное»; другая — «синее, холодное, /бесконечное, бесплодное /мировое торжество».

Человеческая жизнь с её надеждами, мечтами и мучениями конечна. Она проходит под знаком обречённости: «всё неясно, всё жестоко, всё навек обречено». Настанет срок — и жизнь, «как тёмная роза, в мировое осыпется зло».

Предназначенная на заклятие «мировому злу», жизнь человека предстает в стихах Г. Иванова как цепь неизбежных утрат. Всё проваливается в пропасть «мирового зла»:

*Все розы, которые в мире цвели,
И все соловьи, и все журавли,*

*И в чёрном гробу восковая рука,
И все паруса, и все облака,*

*И все корабли, и все имена,
И эта, забытая Богом, страна!*

*Так чёрные ангелы медленно падали в мрак,
Так чёрною тенью Титаник клонился ко дну,*

*Так сердце твоё оборвется когда-нибудь — так
Сквозь розы и ночь, и снега, и весну...*

Утрата России, дорогих друзей («все, кто блистал в тринадцатом году, — лишь призраки на петербургском льду»). Неизбежная утрата любви («другие влюблённые будут стоять у окна») и любимой («чи твоё драгоценное тело, увы, /полевыми цветами и глиною станет»). «Как быстро осень настанет /уже пятнадцатого года!», «Это молодость наша уходит, это наша любовь умирает, /улыбаясь прекрасному миру и не веря уже ничему».

Жизнь — это ряд трагических предчувствий, ожидание неотвратимого конца. «Скоро, о скоро падёшь бездыханным / под звуки рогов в дубовой чаше...», «Сегодня меня убили, /завтра тебя убьют».

«Жду, когда исчезнет расстоянье, /жду, когда исчезнут все слова, /и душа провалится в сиянье /катастрофы или торжества».

И наступает срок, когда человеку доступны лишь последние, стремительно тающие крохи тепла. «Но этот вечер голубой — ещё моё владенье». «Полужизнь, полуусталость — это всё, что мне осталось». Всё меньше земных радостей: «сады, цветущие весной, /Мистраль, полфунта судака»; «Припасли, дружок, немного водочки, /вот теперь её и разопьём». И как венец всего — утрата последних крупиц жизни, страшная хроника физического ухода — «Посмертный дневник».

Один из шедевров лирики Г. Иванова ставит едва ли не знак равенства между жизнью и смертью.

*Мёртвый проснётся в могиле,
Чёрная давит доска.
Что это? Что это? Или
И воскресенье — тоска?*

*И воскресенье — унынье?
Скучное дело — домой.
...Тянет Вольню, польню,
Тянет сумой и тюрьмой.*

*И над соломой избёнок,
Сквозь косогоры и лес,
Жалобно плачет ребёнок,
Тот, что сегодня воскрес.*

Воскресение, возрождение невозможно. «И ничему не возродиться /ни под серпом, ни под орлом».

Обречённому, мучительному, но всё же согретому живым теплом человеческому существованию в поэзии Г. Иванова противопоставлено безжизненное, холодное и бессмертное «мировое зло», или «мировое торжество», которое мы можем понимать как торжествующее зло.

*...И вижу огромное, страшное, нежное,
Насквозь ледяное, навек безнадежное.
И вижу беспамятство или мучение,
Где всё навсегда потеряло значение.*

«Мировое торжество» — это холодный космос, некая вечно существующая субстанция, враждебная человеку и недоступная его пониманию.

*Приближается звёздная вечность,
Рассыпается пылью гранит.
Бесконечность, одна бесконечность
В леденеющем мире звенит...*

*...Гляди в холодное ничто,
В сияньи постигая то,
Что выше пониманья.*

Инфернальные пропасти ледяного безвоздушного, бездушного эфира, свинцовый мрак, пустые очи бессмертных звезд; пространство, где «так черно и так мертво, /что мертвее быть не может /и чернее не бывать», рано или поздно поглотят всё живое, как поглотили Россию.

*Россия счастье. Россия свет.
А может быть, России вовсе нет.*

*И над Невой закат не догорал,
И Пушкин на снегу не умирал,*

*И нет ни Петербурга, ни Кремля —
Одни снега, снега, поля, поля...*

Одиноким, оставшийся без Родины, смертельно уставший русский человек, лирический герой Георгия Иванова бросает вызов «холодному ничто».

*От синих звёзд, которым дела нет
До глаз, на них глядящих с упованьем,
От вечных звёзд — ложится синий свет
Над сумрачным земным существованьем.*

*И сердце беспокоится. И в нём —
О, никому на свете не заметный —
Вдруг чудным загорается огнём
Навстречу звёздному лучу — ответный.*

*И надо всем мне в мире дорогим
Он холодно скользит к границе мира,
Чтобы скреститься там с лучом другим,
Как золотая тонкая рапира.*

Сражающийся, как Леонид при Фермопилах, герой Г. Иванова знает, что он не сможет победить неодолимой силы. Знает, что и подвиг его будет забыт, обесмыслен холодной вечностью.

*Так почему же с большим напряженьем
Я жизнь люблю — чужую и свою, —
Взволнован ею, как солдат сраженьем,
Которое окончится вничью?*

Трагический исход этой схватки предreshён. Но гибель в бою с «мировым торжеством» не означает поражения человека.

*Всё-таки, душа, не будь неблагодарной,
Всё-таки не плачь...
Над тёмным миром зла
Высоко сиял венец звезды Полярной,
И жестокой, чистой, грозной, лучезарной
Смерть твоя была.*

И всё. «Свободен путь под Фермопилами /на все четыре стороны».

*Не станет ни Европы, ни Америки,
Ни царскосельских парков, ни Москвы,
Припадок атомической истерики
Всё распылит в сияньи синевы.*

*Потом над миром ласково потянется
Прозрачный, всепрощающий дымок...
И Тот, кто мог помочь и не помог,
В предвечном одиночестве останется.*

Это едва ли не единственный в поэзии Георгия Иванова упрёк Богу. Ведь именно Бог по определению должен выступить союзником человека в борьбе с «мировым торжеством».

Сражающийся в одиночестве герой Г. Иванова ни разу не обратился к Богу с просьбой о помощи. Может быть, он и не рассчитывал на неё.

*Как в Грецию Байрон, о, без сожаленья,
Сквозь звёзды, и розы, и тьму,
На голос бессмысленно-сладкого пенья...
— И ты не поможешь ему.*

*Сквозь звёзды, которые снятся влюблённым,
И небо, где нет ничего,
В холодную полночь — платком надушённым.
— И ты не удержишь его.*

*На голос бессмысленно-сладкого пенья,
Как Байрон за бледным огнём,
Сквозь полночь и розы, о, без сожаленья...
— И ты позабудешь о нём.*

Василий КОЛБИН

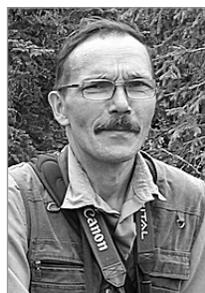
МЕНУЭТ ВОКРУГ ЮНЕСКО, или НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ ЗАПОВЕДНОГО ОРНИТОЛОГА. Статья

В 2017 году в России с помпой отметили столетие заповедной системы. Теперь, когда праздничные речи отзвучали и страницу большого юбилея закрыли, в моду всё более входят резерваты. Как будто что особенного, любой российский заповедник, обозначая свой адрес для иностранцев, пишет «reserve» такой-то. Не писать же «заповедник» латинскими буквами. Впрочем, даже немецкое слово Naturschutzgebiet (область защиты природы) гораздо лучше соответствует русскому «заповедник», чем английский «резерват». Но почему-то английское слово, да ещё с приставкой «биосферный» стало вытеснять русское слово «заповедник». Теперь для некоторых директоров заповедников целью номер один становится получение статуса биосферного резервата в ЮНЕСКО. Даже открывая многие общероссийские сборники по заповедной науке, не устаёшь удивляться, как быстро вместо привычных русских заповедников там стали фигурировать резерваты. Что делать, Севильская стратегия в действии.

В 1976 году Академия наук СССР в лице академика В. Е. Соколова начала сотрудничество с ЮНЕСКО, главным результатом которого стало появление первых 16 биосферных заповедников. С этого момента система заповедников стала делиться на заповедники 1-го сорта (заповедники-генералы, как выразился однажды директор Окского заповедника в 1980-х годах С. Г. Приклонский) и заповедники 2-го сорта, т. е. все остальные.

По какому принципу выбрал В. Е. Соколов первые биосферные, не совсем ясно. Если бы он выбирал настоящие природные эталоны, то становиться непонятно, с какой стати в перечень попали такие насквозь искусственные «пригородные» заповедники, как Воронежский и Приокско-Тerrasный. Глядя на них, можно решить, что «первосортные» ООПТ (особо охраняемые природные территории), это те, которые, как в Западной Европе, окружены асфальтом и находятся под мощным антропогенным прессом. Но нет: Кроноцкий, Сихотэ-Алиньский, Баргузинский, Печоро-Ильчский являются по-настоящему дикими, нетронутыми природными территориями, как и множество других, не «первосортных» заповедников. Становится

Василий Анфимович КОЛБИН родился 9 августа 1961 года в селе Красный Бор Елабужского района Татарской АССР. Окончил биологический факультет Пермского государственного университета. Орнитолог. Кандидат биологических наук. Член Союза журналистов России (2012). Работает в заповеднике «Вишерский»: ведущий научный сотрудник. Автор более 100 публикаций на научные и научно-популярные темы. Публиковался в различных журналах, альманахе «Литературная Пермь». Автор и соавтор нескольких книг, посвящённых природе и животному миру Пермского края. Лауреат премии фонда Ф. Р. Штильмарка в номинациях «Книги о природе для детей» и «Достижения в науке» (2010). Член Союза писателей России (2013). Живёт в городе Красновишерске Пермского края.

понятно, что академик не заморачивался над концепцией, а просто выбирал те, которые были созданы достаточно давно, имели сложившиеся научные традиции или ещё что-то. То есть, в какой-то степени, действительно являлись брендами советской заповедной системы: в Воронежском разводили бобров, в Приокско-Тerrasном — зубров, в Печоро-Ильчском — лосей... Да и научные отделы в них были весьма многочисленными, под стать некоторым институтам.

В своё время ныне покойный директор Комсомольского заповедника Виктор Иванович Голубков рассказывал историю о том, как начальник управления заповедного дела Минсельхоза СССР В. В. Криничский поехал разбирать конфликт в научном отделе Кавказского заповедника, в отделе тогда было около 60 человек. Он долго выслушивал конфликтующие стороны, а потом сказал, что в Комсомольском заповеднике на Дальнем Востоке в научном отделе всего один научный сотрудник... поэтому он половину отправит туда, а другую половину оставит, и никаких трений не будет. Конечно, эта угроза не была реализована. Данная история показывает, сколь разные штаты были у «первосортных» и «второсортных» заповедников.

То, что концептуально с биосферными заповедниками-резерватами всё весьма смутно, не вызывает сомнений. В подтверждение своих слов цитирую В. Б. Степанищкого на совещании директоров заповедников в Сочи в 2015 году: «...весьма трудно найти логичное объяснение, почему, к примеру, Сохондинский заповедник получил статус биосферного на 21 год раньше Алтайского, в силу каких приоритетов Центрально-Лесной заповедник стал биосферным в 1985 году, а Дарвинский — только в 2002-м, по каким критериям были выбраны малосенькие заповедники “Висимский” и “Кедровая падь”».

Можно сказать, кому очень хочется грамоту ЮНЕСКО на стену, тот радостно пишет бумаги и получает то, что хочет, рано или поздно. Никакой программы министерства экологии по развитию сети биосферных ООПТ нет. Всё строится на движении снизу, если директор сказал «грамоту Юнеско на стену» — он запускает процесс...

На практике это выливается, по словам того же Степанищкого, в то, что биосферные и не биосферные заповедники теперь часто различаются между собой только наличием грамоты ЮНЕСКО. В настоящее время из 111 заповедников РФ 35 такую грамоту имеют. Если стремление в ЮНЕСКО среди директоров заповедников будет набирать силу, то вскоре биосферными могут стать более половины от общего количества. Остаётся только надеяться, что сформируется, как антитеза, клуб традиционных российских заповедников. Тем более, что у движения к ЮНЕСКО есть обратная сторона: всё большее распространение получает уже упомянутое словосочетание «биосферный резерват». Заповедник вкупе с другими ООПТ (заказниками, памятниками природы), если таковые имеются, уже называют резерватом. Как известно, большее поглощает меньшее.

Но как же надо не любить русский язык, не чувствовать его, чтобы заменить благородное слово «заповедник» на «резерват»!!! В итоге заповедные люди становятся «резерватными», как индейцы в США. Но впрочем, заповедный бомонд, похоже, этого не чувствует. Да и вообще кого сейчас волнуют проблемы использования русского

языка?! Остаётся только как мантру повторять слова И. С. Тургенева: «Берегите наш язык, наш прекрасный русский язык...». Народ, который пренебрегает своим языком, исчезает как таковой.

Вот и новый журнал «Заповедная наука», появившийся в 2016 году, русское название на обложке печатает маленькими буквами, а английское — Nature Conservation Research — крупно и гордо. Редакция его призывает присылать статьи на английском языке. Мне это кажется странным, заповедники в классическом виде — изобретение русское, но, видимо, многим в высших кругах чиновников и науки кажется, что нужно переходить на английский, а русский научный язык это атавизм. К тому же, он и так насыщен заимствованиями из английского языка, вот пусть и помирает потихоньку... С другой стороны, если написана интересная статья на английском языке, зачем печатать её в русском журнале, а не за рубежом? Впрочем, сейчас в научных кругах некоторые рьяные западники начинают говорить о том, что научные журналы на русском языке уже вообще не нужны, в голландские базы цитирования они не попадают...

Продуктивность работы научных сотрудников традиционно оценивается по публикациям. Причём, если в прошлом веке научный люд не особо задумывался, где публиковаться, поскольку непросто было напечататься в принципе, многие из-за этого депонировали рукописи в ВИНТИ (Всесоюзный институт научной и технической информации). Теперь ситуация изменилась: публикации в изданиях с высоким научным рейтингом стали поднимать статус учёного и организации, где он работает. Издания уровня РИНЦ (Российский индекс научного цитирования), тем более рекомендованные ВАК (Высшая аттестационная комиссия) теперь стали предпочтительными, а журналы, рассматриваемые поисковиками Scopus и Web of Science, поставлены на высшую ступень. Простые сборники статей, в базы не попавшие, уже не котируются. Почему издания из зарубежных поисковиков поставлены на первое место, понятно: с одной стороны, международный уровень, с другой — традиционное русское преклонение перед Западом. Ведь и директора за грамотой ЮНЕСКО гоняются ещё и потому, что уездное и губернское начальство перед бумагой из города Парижа благоговеет.

Поневолу вспоминаются немецкие орнитологические журналы. Их довольно много — около 15, и только один имеет английскую версию. Почему немцы печатают журналы на своём языке, ограничиваясь лишь английским резюме? Загадка. Да и испанцы и французы не отстают... И ведь населения в этих странах по отдельности всё ещё меньше, чем в России, и английский, как правило, они знают лучше, чем мы. Видимо, удовольствие получают от чтения научной литературы на родном языке...

В начале XVIII века Пётр I прорубил окно в Европу, к концу века верхушка российского дворянства зачастую уже не умела говорить по-русски, а национальная академия наук состояла из одних немцев. М. В. Ломоносов и другие русские учёные того времени мечтали о русских научных журналах. Вероятно, у нас сейчас проходит новый виток движения той же спирали. Формируется англоговорящая элита, заповедники сменяются резерватами, которые зачастую управляются менеджерами, весьма далёкими от природы, но умеющими при случае вспомнить про Севильскую стратегию и её постулаты о достижении

гармонии природы и человека. При этом забывается, что вместе с сертификатом ЮНЕСКО на стенку пора уже вывешивать чёрный список видов, которые исчезли с территории ООПТ. Только вот список такой скоро составлять будет некому, молодые специалисты-биологи исчезают как таковые. С одной стороны, биологические факультеты в университетах «оптимизируются» до их полного исчезновения, с другой стороны, лаборант, младший научный сотрудник и научный сотрудник получают одинаковую зарплату, равную МРОТ. Думал ли я, начиная работать в Комсомольском заповеднике в 1983 году, что банальные овсянки-дубровники и овсянки-ремезы попадут через 35 лет в Красные книги! Что численность фоновых таёжных синиц-пухляков упадёт до такого уровня, что встрече с каждой птицей радуешься. Увеличивается только количество резерватов ЮНЕСКО...

Фактически, сейчас действует параллельная Минэкологии РФ структура, в которую 35 российских ООПТ регулярно отправляют отчёты. В дальнейшем их наверняка станет ещё больше. А, как известно, кто концентрирует информацию — тот правит миром. Я не разделяю восторга многих представителей заповедников от представления первичных данных в ЮНЕСКО и западные университеты. В западных журналах нужно печатать законченные статьи, но никак не слать коллегам данные, выступая в качестве лаборантов. Эйфория от сотрудничества с иностранцами прошла ещё в начале 1990-х, как и иллюзии про гармоничный однополярный мир. Что ЮНЕСКО, что НАТО, что Нобелевский комитет — структуры одного мира, который отнюдь не дружелюбен к нам, грешным. Когда на Западе говорят про низкий процент нобелевских премий среди русских учёных, я всегда вспоминаю про Дмитрия Ивановича Менделеева, который три раза номинировался на нобелевку, но так её и не получил, а вот изобретатель применения отравляющих веществ в первую мировую и газа циклон-Б для концлагерей Фриц Габер удостоился... Как говорится, без комментариев.

В советские времена «Летопись природы» заповедника была документом «для служебного пользования». Теперь её предлагается размещать на сайте заповедника, правда, большинство ООПТ это делает без энтузиазма. Мне поневоле приходит на ум тот факт, что русский писатель и натуралист Владимир Клавдиевич Арсеньев был подполковником русской разведки, а Николай Михайлович Пржевальский — генерал-майором генерального штаба. Тогда большая часть информации, которую они собирали, считалась стратегической. А мы в конце 1980-х, в качестве значимости нашего труда, с гордостью говорили, что наши «летописи» американцы готовы покупать за валюту. Теперь можно только поражаться, сколько всего с тех пор продали или просто отдали...

В 1993 году почти всех заповедных орнитологов объединил проект учёта птиц по единой американской методике. Тогда мы посчитали птиц и описали растительность в местах, где они учитывались, причём писали всё сразу на английском языке, а потом радостно получили по 500\$ за труды. Русский куратор проекта из ВНИИ Природы по завершении проекта переселилась на постоянное жительство в США. Наши заокеанские друзья получили интереснейшие данные со всей России, которые, вероятно, имели не только научную ценность. Те же космические снимки после наземной привязки становятся значи-

тельно более информативными. Фактически, в тот год все заповедные орнитологи поработали лаборантами для американских коллег.

Наверное, кто-то скажет, что у автора этих строк паранойя — он против международного сотрудничества. Уверяю, что это не так. Общеизвестно, что на территории РФ действует масса замечательных проектов по сохранению редких видов, финансируемых западными странами, и много ещё чего. Просто сотрудничество должно быть равноправным. Прошли те времена, когда покупка плохонького компьютера была несбыточной мечтой, и мы были готовы, цитируя В. Маяковского, «глазами доброго дядю выесть», лишь бы какую-то денежку с Запада получить.

То, что современные российские заповедники значительно уступают заповедникам СССР и РСФСР по уровню сохранения природы именно благодаря переходу на западные стандарты, у меня не вызывает сомнений. Впрочем, это же можно сказать про современную школу и университеты. Тогда редкие коллеги с Запада, которые видели наши заповедники образца 1970–80-х годов, говорили, что они хотят сделать, как у нас, но не могут. О туризме на территории не могло быть и речи. Теперь мы делаем как у них, только хуже. Во всяком случае затраты на организацию туризма в удалённых заповедниках обычно превышают доходы от него. При этом многократно выросла бумажная отчётность ООПТ, даже если заповедник не стал ещё резерватом ЮНЕСКО. До живого дела по изучению и сохранению у редких специалистов часто руки не доходят.

Если взглянуть на карту России, то оказывается, что ООПТ значительной части Восточной Сибири и Дальнего Востока пока свободны от ЮНЕСКО: это Амурская область, Хабаровский край, Магаданская область, Якутия, Чукотка, Иркутская область. Хочется надеяться, что сибирякам нет дела до этих игр в «грамоты на стене».

Русских людей, видимо, само небо (Российский Космос) изначально делит на патриотов и западников. Одни чувствуют связь с рябинкой под окном, со стылой землёй, с хмурым небом и, попав на чужбину, начинают тосковать по родным берёзкам. Другие видят в «этой стране» только грязь и унылость, и говорят о том, что надо сделать всё по западным образцам, раз уж не удалось сбежать из России.

Литературно-художественный альманах

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПЕРМЬ

выпуск 25

Редактор-составитель
Корректор
Вёрстка

В. В. Якушев
Н. Н. Семукова
С. Э. Неведомская

Подписано в печать 04.09.2019. Формат 70x100 1/16.
Гарнитура «Souvenir». Бумага ВХИ.
Заказ N 136734. Тираж 100 экз.

Редакция альманаха «Литературная Пермь» и литературно-публицистической газеты «Пермский писатель» внимательно знакомится с письмами читателей. Каждая рукопись, присланная в адрес альманаха и газеты, принимается и рассматривается, при этом не возвращается и не рецензируется.

Указание Ф. И. О. авторов, паспортных данных, оперативных контактов и кратких сведений о себе — обязательно.

За достоверность фактов ответственность несут авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

ISBN 978-5-6042008-4-1

9 785604 200841

Адрес редакции
альманаха «Литературная Пермь»,
газеты «Пермский писатель»,
ПКОО «Пермский писатель»:
614000, г. Пермь, ул. Сибирская, 30.
Пермская краевая общественная
(профессиональная) организация
Союза писателей России.
Телефон 8 (342) 212 43 28.
Факс 8 (342) 212 31 54.
E-mail: permsprossii@rambler.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными ИП Неведомская файлами
в ООО «Ай Кью Пресс»: 614046, г. Пермь, ул. Барамзиной, 43, корп. 3.

ISBN 978-5-6042008-4-1

9 785604 200841